Н. А. РУБАКИН

ИЗБРАННОЕ

«КНИГА»

Н. А. РУБАКИН ИЗБРАННОЕ

1



ТРУДЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ КНИГОВЕДОВ

Н. А. РУБАКИН

ИЗБРАННОЕ

В ДВУХ ТОМАХ

Составление, краткий биографический очерк и комментарии профессора А. Н. РУБАКИНА

Том первый

ИЗДАТЕЛЬСТВО «КНИГА»
МОСКВА 1975

028
Р82

Вступительная статья *Б. А. Смирновой*
Реальный комментарий *А. А. Беловицкой*

Р $\frac{61001 — 047}{002(01)-75}$ 8-75

А. Н. Рубакин

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ РУБАКИН

Г. В. Плеханов, близко знавший Н. А. Рубакина и долгие годы друживший с ним, когда-то писал о нем: «Среди русских писателей Н. А. Рубакин занимает особое место». Это «особое место» было совершенно необычайным.

Каждый писатель любит книги, любит свои произведения и очень чувствителен к мнению читателей о своих произведениях. Н. А. Рубакин поставил вопрос об отношениях между читателем и книгой, читателем и писателем на совершенно другую почву. Он задался вопросом изучить — а почему читатель чувствителен к тому или другому писателю, какая внутренняя связь между личностью писателя и читателя, почему та или иная книга действует на одного читателя и не действует на другого? Какая закономерность во влиянии книги и писателя на читателя? Иначе говоря, Рубакин поставил вопрос об изучении читателя, в то время как раньше и писатели и критики изучали главным образом личность и психологию писателя.

Но Рубакин не только поставил проблему изучения читателя и его взаимоотношений с писателем и с книгой. Он писал научные книги, понятные и нужные для любого, самого неподготовленного читателя; изучал интересы и желания читателей в связи с их социально-экономическим положением и их психическим типом; создавал для них литературу в соответствии с их типами, составлял индивидуальные и массовые программы чтения; занимался проблемами организации библиотек и «библиотечного ядра»; создал научную теорию, изучающую психологию читателя и книги, читателя и автора. Иначе говоря, Рубакин первый не только у нас, но и во всем мире попытался поставить на научную основу вопрос о причинах воздействия книги на читателя.

Надо сказать, что ни происхождение, ни характер социальной среды, в которой он родился и рос, не подготовляли Рубакина для такого рода деятельности и творчества. Он вышел из купеческой среды, где книгой не интересовались, чтение считали вздорным занятием. Общие, характерные для мелкой буржуазии

всех стран мира черты в этой среде обострялись недостатком культуры, устаревшим складом жизни, предвзятыми и зачастую дикими понятиями. Здесь только кратко изложена биография Н. А. Рубакина, более подробные сведения о жизни писателя читатель найдет в книгах: «Лоцман книжного моря» А. Н. Рубакина (М., 1967), «Под шифром «Рб» Л. Э. Разгона (М., 1966) и в его же очерке «Последний энциклопедист», напечатанном в сборнике «Пути в незнаемое» (1964, вып. 4), «Н. А. Рубакин» К. Г. Мавричевой (М., 1972).

Николай Александрович Рубакин родился 1 (13) июля 1862 г. в маленьком, глубоко провинциальном (несмотря на свою близость к столице — Петербургу) городке Ораниенбауме, ныне переименованном в город Ломоносов.

Отец его, купец второй гильдии Александр Иосифович Рубакин, торговал лесом, содержал бани и имел несколько домов в центре города. В одном из них и родился будущий писатель. (Улица, на которой находился этот дом, ныне по постановлению Ломоносовского исполкома названа именем Н. А. Рубакина.) Отец Николая Александровича был человеком в делах очень честным, но неудачливым и в конце своей жизни растерял почти все состояние. По-видимому, хотя он был потомком старинного купеческого рода, не имел он коммерческой жилки. Верный своей среде, он не стремился дать двум сыновьям, Михаилу и Николаю, образования и с ранних лет стал приучать их к торговле. Происходил он из старообрядцев, был религиозен, уважал начальство, но не любил из чисто плебейской гордости чиновников и дворян. В течение 18 лет он был городским головой своего родного города. На сына он оказал очень мало влияния.

Мать же Николая Александровича, Лидия Терентьевна, тоже из старинной купеческой старообрядческой семьи, была типичной «шестидесятницей», знакомой с идеями своего времени, пламенной сторонницей свободы и образования, а также борьбы за права женщин. Она много читала, любила книги и собирала их, училась сама — дома, так как не получила систематического образования, самостоятельно выучилась французскому языку и даже переводила с него книги. Она участвовала в кружках, в которых бывал Д. Писарев. На сына она оказала большое влияние, приучила его к чтению, внушила ему любовь к книгам и к знанию и добилась того, что оба сына поступили в реальное училище в Петербурге, куда семья переехала в 1875 г.

Оба брата кончили реальное училище. Младший, Михаил, пошел в Технологический институт и сделался инженером. А старший, Николай, твердо решил идти в университет. Но для этого требовалось сдать экзамен на аттестат зрелости, в частности по древним языкам, которые в реальном училище не преподавались.

Училища Николай Рубакин не любил. Преподавание было сухим, скучным. Только учитель русского языка относился к Рубакину хорошо и прочил ему будущность писателя. Когда речь

зашла о поступлении в университет, молодой Рубакин проявил все свои способности: за 13 месяцев он подготовился самостоятельно к экзаменам и сдал их блестяще.

Отец Рубакина вначале был против образования сыновей, и только мать его смогла отвоевать для сыновей право продолжить учение. Отношение отца к образованию сына изменилось после того, как шестнадцатилетний юноша напечатал в журнале «Детское чтение» (1877 г.) свою первую научно-популярную статью «Обоготворение животных» и даже получил за нее гонорар в 16 рублей. Это заставило отца, не желавшего, чтобы сын стал писателем, готовившего его для коммерческой деятельности, иначе взглянуть на профессию, которую еще мальчиком избрал Николай Рубакин. Раньше отец противился тому, чтобы сыновья продолжали образование в Петербурге, в высших учебных заведениях, а после публикации статьи согласился на это. Николай поступил в университет, на естественное отделение физико-математического факультета.

Характерной чертой Николая Александровича Рубакина было то, что он чуть ли не с самого детства наметил свой жизненный путь и следовал ему неукоснительно всю жизнь. Поставив перед собой цель — стать ученым, он добился этого. Решив быть энциклопедистом, он им стал. Решив заняться популяризацией науки для трудящихся — рабочих и крестьян, он стал любимым ими популяризатором научных знаний и пропагандистом самообразования.

Еще студентом Рубакин обнаружил это призвание — быть энциклопедистом, стремиться знать все. В Петербургском университете, по окончании которого он получил золотую медаль за свою научную работу, он прослушал не только курс естественного отделения физико-математического факультета, но и курсы двух других факультетов — юридического и историко-филологического.

Уже в студенческие годы он сблизился с революционными деятелями, примкнул к научному кружку, которым руководил Александр Ульянов, брат В. И. Ленина, затем вступил в так называемую «Студенческую корпорацию» — легальную организацию, но с ярко выраженной либеральной направленностью. Она находилась с самого своего зарождения под наблюдением полиции. Как член этой организации Рубакин был арестован в начале 1886 г., но вскоре выпущен и отдан под «гласный надзор полиции». Он обвинялся в хранении и распространении нелегальной литературы. Этот арест изменил весь ход жизни Рубакина.

Огромное влияние на Рубакина оказали трагические события — арест и казнь Александра Ульянова, которые сделали из Рубакина революционера, хотя и не профессионального, боровшегося против самодержавия и капитализма. К этому времени у него уже были многочисленные знакомства среди революционеров. Со многими он познакомился через свою первую жену —

Надежду Ивановну Игнатьеву, дочь одного вологодского чиновника. С начала 80-х годов Рубакин под влиянием своего окружения, связанного с революционным движением, усиленно изучает социалистическое учение. Всю жизнь Рубакин оставался человеком прогрессивным, демократически настроенным. Однако в своих воззрениях он не был последователен. У него не было достаточно четкой и ясной политической позиции. Он колебался между народниками и марксистами, примыкал к эсерам и т. д.

В эти годы Рубакин находился под влиянием либеральных народников, дружил со многими видными народниками, в частности был горячим поклонником Н. К. Михайловского — главного представителя народничества в литературе 60—90-х годов прошлого века, был близок с С. Н. Кривенко, С. И. Южаковым, В. П. Воронцовым и другими представителями народничества.

В 1900 г. Рубакин примкнул к партии социалистов-революционеров. Не участвуя активно в их работе, Рубакин писал революционные книжки и брошюры под различными псевдонимами. Он ушел из их партии в 1909 г.

С другой стороны, Н. А. Рубакин был очень близок с крупнейшими представителями марксизма, с Г. В. Плехановым, А. В. Луначарским, был в переписке с В. И. Лениным.

Нелегальные книжки Рубакина — он чаще всего писал под псевдонимом Сергей Некрасов — распространялись социал-демократами. Е. Д. Стасова, с которой он был хорошо знаком и которая много лет работала под его руководством в основанном им при библиотеке музее подвижных пособий, рассказывает в своих воспоминаниях, как она и другие агенты «Искры» распространяли брошюру «Ничего с нами не поделаешь». Е. Д. Стасова тогда не знала, что автором этой брошюры был Н. А. Рубакин, и только от меня, уже в 50-х годах нашего века, узнала об этом.

В 90-е годы Рубакин выдвинулся и как писатель, и как руководитель таких крупных прогрессивных издательств своего времени, как издательство О. Н. Поповой, И. Д. Сытина и др. Под его редакцией в издательстве Поповой вышел ряд крупных переводных работ социального характера, принадлежащих перу европейских ученых. Тогда же Рубакин написал и издал большие художественные произведения, в которых выведены образы революционеров: «Под гнетом времени» — о борьбе против церкви, «Вечная слава» — о гражданском долге ученого.

В 90-х годах Рубакин много путешествовал по России, собирая наблюдения и факты из жизни рабочих и изучая читателей. Этот материал отразился в его публицистических рассказах, где фигурирует новый, еще не описанный в русской литературе тип сознательного и революционно настроенного рабочего.

Когда в 90-х годах в издательстве О. Н. Поповой, которым заведовал Н. А. Рубакин, стал выходить первый легальный русский марксистский журнал «Новое слово», одним из первых авторов этого журнала был Н. А. Рубакин. В этом журнале он напе-

чатал ряд очерков о новом типе русского рабочего-бунтаря. Его рассказы «Взыскующие града», «Лицом к лицу», «Искорки» впервые в русской литературе рисовали этот новый тип рабочего, борющегося за свои права. По словам сотрудника журнала В. А. Поссе, Рубакин был самым талантливым из сотрудников «Нового слова». У него рабочие «не выглядят бессловесными страдающими существами, как у писателей народников. Это борцы с окружающей их несправедливостью, требующие, чтобы общество России для своих граждан стало обществом, на точном основании справедливых законов управляемым»[1]. Рубакин писал, что «рабочие, в силу своего социального положения, гораздо лучше, чем другие слои и классы, понимают необходимость в изменении существующих порядков» и уже «начинают идти впереди наших стремлений, их критическая и творческая мысль ушла вперед так далеко, как быть может и не снилось нам»[2].

За издательской деятельностью Рубакина внимательно следила царская полиция. Она отмечала, что Рубакин выпускает книги «тенденциозного» содержания (так тогда царские чиновники именовали книги прогрессивного направления). Цензор Елагин о рассказе «Искорки» писал в Петербургский цензурный комитет: «Статья эта, ярко и талантливо написанная, не нуждается в комментариях для признания ее крайне тенденциозной и невозможной даже в бесцензурном издании».

Высказывание цензора подкреплялось секретными донесениями Департамента полиции, в которых указывалось, что Рубакин «является личностью крайне деятельной, принимающей на себя поддержку зарождающихся в разных местах кружков для чтения и библиотек, в которые им посылаются книги тенденциозного содержания... Рубакин, пользуясь своими связями и знакомствами, устраивает на учительские места рекомендованных ему лиц либерального и даже противуправительственного образа мыслей... рекомендуя при этом приобретать такого характера сочинения, как произведения Маркса, Минье...» и т. д.

В одном из своих писем от 8 сентября 1893 г., перлюстрированном охранкой, Рубакин писал своему корреспонденту: «Пользуйтесь случаем добыть сочинения Маркса, книга очень интересная для провинции... Через неделю, вероятно, будет уже поздно, книги будут проданы».

Книга для Рубакина была источником знания, орудием пропаганды, революционного действия. Свою любимую формулу «Культурная работа — это средство, революция — это цель» — позже он дополнил другой знаменитой формулой: «Да здравствует книга — могущественнейшее орудие борьбы за истину и справедливость».

---

[1] «Искорки». Спб, 1901, с. 170.

[2] Люблинский С. Б. К истории первого марксистского журнала в России. — «Звезда», 1972, № 4, с. 197.

Несмотря на глубокую революционность этих лозунгов, сформулированных им с начала жизни, Рубакин сам «затуманил» их. Так, он воспринял и считал основной истиной формулу Александра Галесского: «Несправедливо человеку владычествовать над человеком ни посредством денег, ни посредством силы, ни посредством образования». Эта расплывчатая формула, созданная человеком другой эпохи и другого мира более 1500 лет тому назад, не могла, разумеется, выразить отношение социалистического учения к общественному неравенству и к борьбе классов. И хотя в дальнейшем Рубакин в своих научных трудах по библиопсихологии говорит об экономическом неравенстве, о диалектическом подходе к изучению действительности и к пониманию любой науки, на деле видишь, как глубоко засела в нем расплывчатая и устаревшая формулировка далеких времен. В привязанности к таким туманным, лишенным ясного социального содержания формулировкам сказывалась нечеткость идейных позиций Рубакина, эклектизм его мировоззрения — то, что сделало его противником всякой полемики, за что его критиковал В. И. Ленин. «Надпартийность», которую он провозглашал, привела к тому, что он остался в значительной степени чужим, вернее не стал своим ни для революционных социалистических кругов, для которых он был слишком мягкотелым, буржуазным либералом, ни для буржуазных либералов, которые его считали слишком «красным», слишком революционером.

Со стороны кажется, что жизнь Рубакина была тихой, спокойной, протекала в непрерывной работе «среди книг». На деле же она была беспокойная и нелегкая. В детстве и в юности — чуждая ему среда среднего купечества, среда, которой он не поддался, выбился из нее, ушел. Самостоятельную жизнь он начал на бумажной фабрике, арендованной его отцом. Там он познакомился с рабочей средой, сблизился с нею, начал свое изучение читателей.

В бытность студентом Рубакин подвергся первым репрессиям царского правительства.

Впоследствии, когда Н. А. Рубакин уже стал писателем, его неоднократно ссылали, более того, он даже был выслан за границу «навсегда» министром внутренних дел Плеве. Только после того, как Плеве в 1904 г. был убит боевой организацией социалистов-революционеров, Рубакин получил возможность вернуться на родину.

Тем не менее в 1907 г. ему пришлось как политическому эмигранту покинуть Россию. Он продолжал жить и работать в Швейцарии многие годы после революции. Но и там, всю его жизнь, как он сам писал и как это действительно было, он «работал для России, всегда и только для России».

Он был действительно глубоко русским и пламенным русским патриотом. Но в то же время был последовательным интернационалистом, убежденным сторонником социализма, энтузиастом

Революции, которую он воспринял с восторгом. Однако вследствие долгой жизни за границей он оторвался практически от русской жизни, многого в ней не понял.

В период после Первой русской революции — в начале своей эмиграции в Швейцарии — Рубакин, живя в Кларане, завязал тесные связи и дружеские отношения с русскими политэмигрантами, жившими тогда в Швейцарии, в частности в той же местности, где жил и он и где находилась его библиотека. Рядом с ним жили Луначарский, Трояновский, Крыленко, Инесса Арманд, Вера Фигнер и много других будущих крупных государственных и партийных деятелей Советского государства. Они широко пользовались его библиотекой, особенно В. И. Ленин и А. В. Луначарский. Тогда же состоялось и личное знакомство Рубакина с Лениным, который постоянно брал книги в его библиотеке или выписывал их по почте, когда жил в Женеве, Цюрихе и других городах.

Когда началась первая мировая война, около Кларана в Монтре возник русский клуб, в который вошли, с одной стороны, русские политэмигранты, жившие в Швейцарии, а с другой — состоятельные русские, приехавшие на отдых или для туризма в Швейцарию и не вернувшиеся в Россию из-за войны. Рубакин был одним из создателей и руководителей этого клуба, в котором выступали Членов, Крыленко, Трояновский, Луначарский и в котором выступил с докладом о войне В. И. Ленин.

После революции Рубакин продолжал жить в Швейцарии, так как здоровье его значительно ухудшилось. Материальное положение его в это время было тяжелое, приходилось довольствоваться небольшими случайными литературными заработками. Советское правительство назначило ему особую персональную пенсию, которая позволила ему жить и работать до конца дней, на эту пенсию он содержал библиотеку и все время пополнял ее. Ему присылали в дар свои книги многие выдающиеся ученые и писатели.

В первые годы после революции (1918—1919) Рубакин написал на французском и немецком языках ряд брошюр о причинах и характере Великой Октябрьской социалистической революции (Что такое русская революция; Биография В. И. Ленина и другие). Они были изданы во Франции, Швейцарии, Германии, Чехословакии. В этих брошюрах он разъяснял причины и сущность социалистической революции, знакомил с биографиями ее выдающихся деятелей. Окрепли его международные связи. Рубакин публиковал реферативный материал о советских книгах в изданиях Международного института интеллектуального сотрудничества при Лиге Наций и сыграл видную роль в ознакомлении зарубежных стран с советской литературой. Советские книжные органы — издательства, Книжная палата, ВОКС, Библиотека им. В. И. Ленина — присылали ему множество изданий для ознакомления. У Рубакина установились связи среди европейских

ученых и писателей, в частности он очень сблизился с Р. Ролланом. Он резко протестовал против Версальского мира и сурово осудил первую мировую войну.

В Швейцарии было создано большинство теоретических работ Рубакина, закончено второе издание крупнейшей его работы — «Среди книг». Здесь же Рубакиным была разработана и его теория библиопсихологии, написан ряд научно-популярных книжек, собрана вторая библиотека, еще больше и лучше первой. В Швейцарии же им был основан Международный институт библиопсихологии, в который он привлек ряд крупных европейских ученых — психологов и библиографов.

Во время второй мировой войны в Швейцарию бежало из фашистской Германии много советских военных и гражданских лиц, томившихся в немецких концлагерях. Советские люди, интернированные в швейцарских лагерях, связались с Рубакиным, некоторые даже приезжали к нему домой в Лозанну. Рубакин очень сердечно к ним относился, снабжал их книгами из своей библиотеки. Всего он передал для лагерей около 10 000 книг из своей библиотеки. В тяжелых условиях жизни вдали от Родины русские книги были для этих людей огромной радостью, поддерживали в них бодрость и веру в будущее. Рубакину посчастливилось дожить до победы советского народа, которую он воспринял с огромной радостью, но которую пережил всего на один год — он умер 23 ноября 1946 г. [3].

Условно деятельность Рубакина можно распределить по нескольким основным направлениям: теория и практика библиотечного дела, руководство самообразованием и создание огромной научно-популярной литературы, изучение читателя и книги, разработка теории чтения, с классификацией читателей по их психологическим типам. На деле все эти направления тесно связаны друг с другом и составляют единое целое в деятельности Рубакина.

Рубакин сыграл огромную роль в деле просвещения русского народа, прежде всего рабочих и крестьян. Еще мальчиком он начал писать научно-популярные статьи для малограмотного и неподготовленного читателя. В то время в России только небольшая часть населения обучалась в школе, школ для народа было мало, знания в них давались самые элементарные.

В конце 80-х и начале 90-х годов в России появился новый читатель — городской рабочий и крестьянин на селе. Рубакин их называет начетчиками — устаревший термин, который обозначал книголюба, любителя чтения. В трудящихся массах родилась необычайная тяга к знанию, а следовательно, и к книге. Появилась, наконец, огромная тяга к самообразованию. Рубакин разделял образование в России на четыре категории: началь-

[3] Урна с его прахом была перевезена в Москву и захоронена на Новодевичьем кладбище.

ное, среднее, высшее и самообразование. В условиях того времени самообразование приобретало особое значение, поэтому деятельность Рубакина была очень своевременной. Рубакин выступил именно тогда, когда появился новый читатель из трудящихся масс, требовавший книг и руководства самообразованием. В ответ на потребность масс в самообразовании во многих городах и учреждениях были созданы программы для самообразования, правда, не всегда точно отражавшие нужды новых читателей. Рубакин считает, что проблема самообразования была четко поставлена в 1893 и 1894 гг. Вот как он пишет в «Среди книг» о зарождении нового читателя: «С того же года, как появились программы, начинается, как известно, небывалое оживление на русском книжном рынке,— внешний признак весьма глубокого перелома, совершившегося около того же времени в сознании не только культурных кругов русского общества, но и русского рабочего народа. И в городах, и на фабриках, и даже в деревнях проявился новый читатель и очень определенно заявил свое властное желание теперь же, неотложно приобщиться к тому самому просвещению, которым живет и которым сильно современное культурное человечество. Читатель этот выступил не только враздробь, в виде отдельных самоучек, современных светских начетчиков, но и целыми массами, и проявил дотоле небывалую требовательность не только к книге, но и к жизни, к тем условиям, которые уже много десятков и даже сотен лет держат ее в своих гнетущих и обезличивающих тисках».

В то время Рубакин не мог прямо назвать условия царского режима и капиталистической эксплуатации, на которые он здесь намекает в форме, вполне понятной тогдашнему читателю.

«Этот нарастающий читатель начинал,— пишет дальше Рубакин,— и к тому же усиленным темпом, не только «почитывать», но и «подумывать», он даже как будто готовился к действию, то полусознательно, а то и просто стихийно побуждаемый к активной деятельности, не только в столицах, но и в провинциях, целым рядом тяжелых бедствий начиная с конца 80-х и начала 90-х годов. Появился невиданный дотоле спрос на научную и научно-популярную книгу. Развилась до необычайных размеров книгоиздательская деятельность... с Павленковым и с только что возникшей тогда фирмой О. Н. Поповой во главе...»

Н. А. Рубакин выдвинул идею о необходимости самообразования, которое одно только могло дать знания широкой массе жаждущих его крестьян и рабочих. Но Рубакин правильно считал, что самообразование — это основа образования для всех, оно необходимо и тем, кто кончил школу. Теперь мы знаем, что оно необходимо и в наше время, потому что только самообразование делает человека всесторонне образованным.

Прежде всего Рубакин разработал план распространения знаний при помощи библиотек, расширяя и обогащая свою собственную библиотеку, открытую для всех. Но библиотеки могли охва-

тить только сравнительно немного людей, живущих недалеко от них. Подавляющее большинство городов в России не имело библиотек, библиотеки не располагали средствами. В 1895 г. Рубакин выпустил одну из самых замечательных своих книг — «Этюды о русской читающей публике», в которой на основе огромной документации и личных наблюдений показал ужасающую картину народного просвещения в России, печальную судьбу библиотек и книг.

В этой же книге он выдвинул идею изучения читателя, принцип подбора для него подходящих книг на основании определения его психического типа, изучения его жизненных условий, классового и экономического положения и т. д. Идеи, высказанные и обоснованные в этой книге, Рубакин развивал и углублял всю жизнь.

Доказывая необходимость научно-популярных книг для народа, Рубакин вместе с тем резко критиковал теорию «особой литературы для народа», сторонники которой считали, что народ не созрел для чтения серьезной литературы, не понимает ее и что для него надо писать особые книжки, вроде как для детей. Рубакин показал, что народ жаждет знаний, что он может самостоятельно выбирать то, что ему нужно, если дать ему возможность приобретать книги по дешевой цене. А книги тогда были дороги и практически недоступны для рабочих и крестьян.

Изучая русскую научную литературу того времени, Рубакин видел, как мало было научно-популярных книжек, а по целому ряду важных вопросов и отраслей науки они вообще отсутствовали. Преобладали к тому же книги переводные, рассчитанные на другого, более культурного читателя.

И вот Рубакин принял решение, которое теперь нам кажется невероятно трудным: он решил сам написать популярные книжки по всем вопросам науки. За свою жизнь он создал свыше 280 научно-популярных книжек.

Книги эти были написаны ясным, простым языком, их мог понять самый малограмотный читатель. А тогда в России 75% населения было неграмотно, да и у грамотных не было ни средств, ни возможности читать, пополнять свои знания, привыкать к книге, к чтению.

Рубакин не только создавал научно-популярные книжки, он учился у своих читателей писать их; выработал свой язык, изучая язык своих читателей. Насколько его книжки были любимы читателями, видно из того, что они разошлись в количестве свыше 20 млн. экз. Не было сколько-нибудь грамотного рабочего или крестьянина в России, который не читал бы книжек Рубакина и не знал бы его имени.

Читатели знали Рубакина не только по книгам. Рубакин вел с ними личную переписку, давал советы, составлял программки для чтения применительно к психическому типу каждого читателя. С 1889 по 1907 г. он переписывался с 5189 читателями, а с 1911 по 1915 г.— еще с 5507, а всего за свою жизнь он был в переписке

с более чем 20 000 читателей. Почти вся переписка сохранилась в его архиве.

Он составил для своих корреспондентов свыше 15 000 индивидуальных программ чтения и самообразования.

Такого размаха просветительской работы, выполненной одним человеком, не знала Россия.

Постоянное общение с читателями, изучение их, работа с библиотеками, с издательствами, в журналах — все это позволило Рубакину разработать принципы изучения читателя, использования книг, наиболее экономного в смысле времени и средств, индивидуализации чтения. Вся теоретическая работа Рубакина основывалась на его громадном личном опыте, личных наблюдениях, документации, полученной непосредственно от читателей. Созданная им позже наука — библиопсихология, наука о читателе, чтении, авторе и книге, явилась результатом экспериментальных наблюдений и обработки фактического материала.

Рубакин придавал особое значение тому, что он называл «революционизирующей» деятельностью. Она заключалась в том, что он в своих легально изданных книжках так остро ставил вопрос, что возбуждал у читателя критическое и даже революционное отношение к действительности. В книгах «Под гнетом времени», «Среди борцов» он так показывал борьбу с церковью и религией в прошлом, что читатель неизбежно задумывался о борьбе в настоящем. Описывая жизнь в колониях и поведение там английских и других колонизаторов, автор возбуждал ненависть к эксплуататорам-колонизаторам и других стран, в том числе к царскому правительству. Книги Рубакина сыграли огромную роль не только в общем просвещении масс трудящихся, но и в возбуждении у них революционного духа.

Рубакин считал, что каждый человек может быть не только читателем, но и писателем. Даже письма читателей к нему он рассматривал как начало писательского труда. Некоторые из его читателей впоследствии стали известными писателями — А. С. Новиков-Прибой, А. А. Демидов, Павел Низовой и др. Рубакин направил их на путь писательства. Неудивительно, что на всю жизнь они сохранили любовь к нему.

Рубакин разработал принципы организации библиотечного дела. Исходя из того, что «библиотека должна быть отражением Вселенной», Рубакин предложил в каждой библиотеке создавать «библиотечное ядро», т. е. круг книг для чтения, который отражал бы эту Вселенную, был бы тем минимумом, который нужен каждому человеку для понимания жизни и Вселенной.

В области самообразования Рубакин проделал колоссальную теоретическую и практическую работу, создал разнообразные рекомендательные каталоги, написал «Письма к читателям о самообразовании», «Практику самообразования».

Еще мальчиком в библиотеке своей матери Рубакин научился, как он говорил, «фехтовать» книгой, т. е. узнавать тип и ха-

рактер читателя и давать ему те книги, которые, по его мнению, для этого читателя «подходили». Отсюда родилось и его теоретическое положение о «подходящей» книге, развитое им впоследствии в созданной им новой науке — библиопсихологии.

В 1921 г. Н. А. Рубакин выпустил в Париже двухтомный труд на французском языке (в переводе сына — А. Н. Рубакина) под заглавием: «Введение в библиологическую психологию». В этой книге уже было высказано большинство идей, легших впоследствии в основу его книги «Психология читателя и книги», вышедшей в Москве в 1928 г.

В статье «Тайна успешной пропаганды», написанной в 1926 г., Рубакин говорит, что созданная им наука «библиопсихология» «экспериментально доказывает, а теоретически обосновывает главный принцип научно поставленной пропаганды: бытие — это значит та реальность, которая поставляет каждому из нас самый материал для наших дум и чувств... Социальная среда или строй социально-экономических производственных отношений — таков тот источник, который поставляет каждому из нас тот запас горючего материала, какой и воспламеняется искоркой — словом».

В конце 20-х и начале 30-х годов работы Рубакина стали предметом резких нападок со стороны советских критиков и книговедов, и родившаяся из этих работ созданная Рубакиным новая наука — библиопсихология — была объявлена мелкобуржуазной идеалистической теорией.

Наиболее правильная критика этой теории была выражена в письме Карпинского Рубакину от 16 февраля 1923 г. Резко критикуя противоречия автора и путаницу многих его понятий, Карпинский тем не менее указывал, что «буржуазия не только не заинтересована в осуществлении Ваших идей, а как раз наоборот».

В настоящее время многие из идей Рубакина получают признание и вызывают живой интерес. Исследования Рубакина в области библиопсихологии были использованы в психолингвистике, разрабатываемой проф. А. А. Леонтьевым и др.

Теория библиопсихологии была встречена с большим интересом, но и с неменьшей критикой в Западной Европе и в США, и этот интерес продолжает расти. В 1968 г. в Англии издательством Клайв Бингли в Лондоне было предпринято издание «Классиков книжного дела» и первой в этой серии была книга «Николай Рубакин и библиопсихология» под редакцией С. Симсовой.

В СССР число статей, посвященных изучению работ Рубакина в области библиопсихологии, за последние годы значительно выросло. Появились и работы, отмечающие положительные идеи Рубакина в этой области. Таковы, например, статьи Ю. А. Сорокина «Библиопсихологическая теория Н. А. Рубакина и смежные науки» («Книга. Исследования и материалы», 1968, сб. 17, с. 55), его же «О статье Н. А. Рубакина «Тайна успешной пропаганды»

в сборнике «Речевое воздействие (Проблемы прикладной лингвистики)» в 1972 г. В этом же сборнике впервые напечатана и статья Н. А. Рубакина «Тайна успешной пропаганды».

Мы думаем, что в работах Рубакина имеется много еще недостаточно известных, глубоких мыслей, которые будут разрабатываться нашими книговедами. «Шелуха» будет отброшена, а оригинальные, новые, глубокие мысли станут достоянием советского книговедения.

Громадное наследие Рубакина сейчас изучается, из него берется все современное, актуальное, его идеи проникают в современное книговедение.

Изучение читателя, изучение психологической стороны действия книги на читателя — все это представляет огромный интерес для современных критиков и литературоведов. Можно смело сказать, что Рубакин первым указал на то, что в книжном деле изучение читателя так же важно, как и изучение писателя.

Для настоящего издания отобраны из огромного наследия Рубакина его основные работы, наиболее характерные для него и наиболее интересные для современного читателя. Это важнейшие его труды: «Этюды о русской читающей публике», «Письма к читателям о самообразовании», «Практика самообразования» и Введение к «Среди книг», представляющее очень большой интерес. Все помещенные в двухтомнике произведения Н. А. Рубакина внутренне связаны одно с другим. Мысли о читательских типах, о «подходящих» и о «хороших» книгах, об организации библиотек уже появились в «Этюдах о русской читающей публике», снова всплыли в более широком и углубленном виде в «Письмах к читателям» и в «Практике самообразования».

Чтобы дать представление об объеме деятельности Н. А. Рубакина, приведем некоторые статистические данные о его трудах. Желающих ознакомиться с перечнем всех произведений Н. А. Рубакина мы отсылаем к указателю Фридман и др. «Труды Н. А. Рубакина. Библиография» («Записки Отдела рукописей» Гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина, 1963, вып. 26, с. 151—206) и к большой научной работе Л. М. Ивановой, А. В. Сидоровой, М. В. Чарушниковой «Архив Н. А. Рубакина» («Записки Отдела рукописей» Гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина, 1963, вып. 26, с. 64—150). Здесь же мы приводим только цифровые данные о работах Н. А. Рубакина.

Данные эти были составлены самим Н. А. Рубакиным и его секретарем М. А. Бетманн. Они заканчиваются 1934 г. Но и после этого Н. А. Рубакиным было еще опубликовано немало статей.

С 1875 по 1934 г. Н. А. Рубакиным было опубликовано: 350 журнальных статей, 280 книг и брошюр, 15 руководств для самообразования.

Составлено 15 000 индивидуальных программ для чтения и самообразования.

47 книг Рубакина было запрещено и уничтожено царской цензурой.

С 1894 по1906 г. Рубакин принимал активное участие в работе нескольких крупных издательств в России (О. Н. Поповой, И. Д. Сытина и т. д.).

Научно-популярные книжки Рубакина издавались на 28 языках.

В 1919—1920 гг. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов издал 22 книжки и брошюры Рубакина тиражом 1 420 000 экз. С 1923 по 1928 г. советскими издательствами было переиздано еще 23 книжки Рубакина (тиражом 166 000 экз.).

Всего с 1889 по 1928 г. разошлось свыше 20 миллионов экземпляров книг Рубакина.

Рубакин собрал за свою жизнь две большие библиотеки. Первая — в Петербурге (80 000 томов) — была им подарена Петербургскому отделу Всероссийской лиги образования в 1907 г.

Вторая, почти в 100 000 томов, особо ценная по подбору книг, была им завещана Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина в Москве, где она находится и поныне, составляя особый фонд — «фонд Рб».

Произведения Н. А. Рубакина печатаются с сокращениями. Опущены места, имеющие, как образно говорил сам Рубакин, «интерес пункта и момента», т. е. подробности, важные для того времени, но утратившие ныне свой интерес, излишне детальные статистические данные, списки имен и названий, ныне явно устаревшие, мало говорящие современному читателю. Пропуски отмечены знаком <...>.

Тексты публикуются по современным нормам орфографии и пунктуации, с сохранением характерных особенностей слога автора, ряда сокращений, принятых Н. А. Рубакиным.

Под строкой приведены некоторые примечания, данные Н. А. Рубакиным в его изданиях. Здесь же помещены необходимые по ходу чтения текста пояснения составителя — А. Н. Рубакина (с пометой — *Сост.*) и редактора (с пометой — *Ред.*).

Развернутый общий комментарий к работам в конце каждого тома принадлежит перу сына Н. А. Рубакина — профессора А. Н. Рубакина. Реальный комментарий, подготовленный А. А. Беловицкой, дается в конце каждого тома, комментируемые места в тексте отмечены знаком *.

Б. А. Смирнова

ВЫДАЮЩИЙСЯ РУССКИЙ КНИГОВЕД

Наука и культура в России второй половины XIX века своим развитием обязаны в немалой степени «частным ученым», как их именовали в официальных переписях [1]. Это были люди, которые бескорыстно и самоотверженно осуществляли крупные научные замыслы, разрабатывая свои научные идеи, как правило, прогрессивные и плодотворные. Среди них выделяется Николай Александрович Рубакин, которого А. В. Луначарский в беседе с советскими библиотечными работниками охарактеризовал как крупнейшего талантливого деятеля народного просвещения [2]. В этой оценке с Луначарским перекликается Ромен Роллан. В послании к французским учителям он назвал Рубакина замечательным представителем передовой русской интеллигенции, который «...сумел стать живой энциклопедией и просвещал свой народ» [3].

Работа по просвещению масс, обреченных на темноту и невежество в гнетущих условиях самодержавия, которую вела в России демократическая интеллигенция, отражала, разумеется, различные направления освободительного движения эпохи. Но в целом она помогала пробуждать политическое сознание «низших слоев пролетариата», а также крестьян и мелких ремесленников, которые неспособны были «...выбраться из этой темноты только по прямой линии чисто марксистского просвещения» [4]. Это лучше всего понимали сами пропагандисты марксизма. В набросках незаконченного очерка о Н. К. Крупской [5], над которым Рубакин работал в 20-е годы, он вспоминает, как она со

---

[1] Лейкина-Свирская В. Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М., «Мысль», 1971, с. 198.

[2] См. в кн.: Банк Б. В. Изучение читателей в России (XIX в.). М., 1969, с. 208.

[3] Роллан Р. Собр. соч. в 14-ти т. Т. 13. М., 1958, с. 110.

[4] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45, с. 26.

[5] Н. А. Рубакин о Н. К. Крупской. Публикация А. Кравченко. — «Сов. педагогика», 1961, № 2, с. 124—126.

своей подругой — тоже учительницей воскресной школы — пришла поблагодарить его за доклад в Петербургском комитете грамотности. Он анализировал материалы, полученные по программе изучения читателей. Молодые учительницы высказали благодарность Рубакину не только за доклад, но, как он вспоминал, и за «... веру в рабочий класс и его светлое будущее». «Я, народник, — писал Рубакин, — получил за свою анкету одно из первых приветствий — от марксистов». Несмотря на идеалистические заблуждения Рубакина, марксисты высоко оценивали объективно революционизирующее значение его многосторонней просветительской деятельности.

В своих научных гипотезах и исследованиях Рубакин нередко опережал свое время. Именно поэтому его основные работы сохраняют непреходящую ценность и в наши дни и вызывают большой теоретический и практический интерес. Всей деятельностью Рубакин как бы предвосхитил современные взгляды на книговедение как на совокупность различных отраслей практики и научного знания, относящихся к созданию, изготовлению, распространению, хранению и поиску книги. При этом Рубакин всегда связывал эти отрасли с изучением психологии читателей, их взаимодействия с книгой и общими проблемами чтения в жизни общества.

Чуть ли не со второго класса реального училища работая в библиотеке своей матери, Лидии Терентьевны Рубакиной, убежденной шестидесятницы, Н. А. Рубакин постепенно пришел к выводу, что даже наилучшая книга по-разному воспринимается разными читателями и ее влияние зависит и от типа читателя, и от типа самой книги.

Рубакин стал изучать читателей и изучать книги с точки зрения их восприятия различными группами читателей. Он столкнулся с тем, что для основной массы читателей не существовало истинно научной литературы, которая была бы в то же время истинно популярной. Значит, исходя из возможностей читателя, надо такую литературу создать. Это и побудило его к написанию научно-популярных книг для наименее подготовленных читателей: рабочих и крестьян, а также к подготовке и изданию подобной литературы в современных ему передовых издательствах. В издательстве И. Д. Сытина был даже создан специальный «Отдел Н. А. Рубакина».

Произведения Н. А. Рубакина неоднократно переиздавались и распространялись. Общий тираж их превысил 20 миллионов, что далеко опередило привычные для того времени тиражи. Некоторые из этих книг печатались за рубежом революционными организациями и ввозились нелегально в Россию.

Общественная активность Рубакина выразилась в том, что он был одним из инициаторов создания (в конце 1896 г.) писательской организации, которую современники называли «Союз писателей». В марте 1901 г. Союз был закрыт за единодушный про-

тест против полицейской расправы над студенческой демонстрацией на Казанской площади [6].

Изучение читателей легло в основу не только разработанных Рубакиным принципов популяризации научных знаний, но и целой системы самообразования и системы библиографической пропаганды, с которой он органически связывал изучение читательской психологии.

Общеизвестен девиз Рубакина, который он пронес через всю жизнь: «Да здравствует книга — могущественнейшее орудие борьбы за истину и справедливость!» Библиотеку же он называл «ассоциацией книг». Он разработал также систему организации деятельности библиотеки и использования всех библиотечных средств таким образом, чтобы раскрыть перед читателем широкие горизонты науки и общественной жизни.

Рубакин — автор блестящих статистических работ, на основе которых он делал публицистически острые выводы. Его работа «Россия в цифрах» имеет подзаголовок: «Несправедливое устройство русского государства, показанное цифрами».

В. И. Ленин в нескольких статьях использовал данные, собранные Рубакиным, отмечал яркость и злободневность их подачи [7].

Среди статистических работ Рубакина есть и первые в России труды по книжной статистике. Рубакин не только работал почти во всех отраслях книжного дела, но и в каждой отрасли выдвигал новые проблемы, одновременно предлагая оригинальные и в большинстве случаев прогрессивные методы их решения, причем стремился сам осуществлять эти предложения. Итак, выражаясь современным языком, Рубакин был социологом чтения, писателем, издательским редактором, статистиком книжного дела, теоретиком и практиком библиографии и библиотечного дела, теоретиком и организатором самообразования. Советские деятели книги справедливо называют Рубакина выдающимся русским книговедом.

Капитальные труды Рубакина — «Этюды о русской читающей публике», «Письма к читателям о самообразовании», «Практика самообразования», указатель «Среди книг» — пронизаны его основными идеями о книге и чтении. Заметим, однако, что наряду с прогрессивными, сохраняющими и ныне свое значение, у него немало и ошибочных положений — неприемлемых с точки зрения марксистско-ленинской идеологии, а также устаревших в свете современной науки.

Рассмотрим прежде всего его вклад в социологию чтения, так как именно изучение читателей легло в основу деятельности

---

[6] Лейкина-Свирская В. Р. Указ. соч., с. 253—254.

[7] Ленин В. И. Буржуазные дельцы-финансисты и политики. — Полн. собр. соч. Т. 23, с. 258—259.

Рубакина — писателя-популяризатора, библиотекаря и библиографа.

Родоначальником читателеведения называли Рубакина на Всесоюзной научной конференции по актуальным проблемам книговедения (1974 г.), подчеркивая, что разработанная им библиопсихология при всех присущих ей противоречиях и недостатках явилась отправной точкой современного научного изучения читателя.

В работе «Этюды о русской читающей публике» Рубакин применил психологический, исторический и статистический методы исследования. Умение работать со статистическим материалом помогло ему сделать глубокие и убедительные выводы о состоянии книгоиздания, распространения книги и периодики, а также библиотек в России. Он показал тесную связь проблем книжного дела в его тогдашнем понимании с проблемами книгопотребления, восприятия книги читателем, которые уже включает в себя современное советское книговедение. Он первый высказал мысль о том, что история литературы не есть только история писателей и их произведений, несущих в общество те или иные идеи, но и история читателей этих произведений. Интересно, что с этой мыслью Рубакина в известной степени перекликается в наши дни труд известного советского ученого — академика М. В. Нечкиной «Загадка художественного образа» (М., 1972). Один из разделов этой книги озаглавлен «Читатели как творцы истории».

Рубакин стремился к социальному анализу различных групп читателей, называл условия среды и характер труда одним из важнейших факторов, влияющих на чтение и восприятие прочитанного. Его программа изучения читателей была построена таким образом, чтобы получить сведения о том, какие книги и в каких слоях общества находят наиболее благоприятный отклик.

Если до Рубакина составители программ изучения читателей имели в виду народ вообще, то Рубакин стремился дифференцировать читателей именно по отдельным слоям общества. В частности, он первый среди объектов изучения выделил читателей «из командующих и привилегированных классов». При проведении современных социологических исследований учитываются такие методы, предложенные Рубакиным, как, например, изучение всей массы читателей какого-либо социального слоя одновременно с изучением отдельных читательских индивидуальностей из этой же части (группы) населения.

Сохраняют значение мысли Рубакина о влиянии на опрашиваемых личности опрашивающего, о необходимости выяснять особенности жизни в той местности, где собирается материал.

Остаются в силе и такие методические положения Рубакина, как ведущая роль естественного наблюдения, исследование читателя в «самих очагах чтения» — библиотеках, необходимость систематического и длительного наблюдения и разнообразия ис-

точников исследования, в том числе привлечения библиотечной статистики и документации.

За три четверти века до того, как в общественные науки все шире начали проникать математические методы, Рубакин предложил свое определение читаемости писателя (см. т. II, с. 141—142), которое современные советские социологи математизировали и назвали формулой Рубакина: $Q=S/(nm)$, где Q — читаемость данного автора в данной библиотеке, S — число выдач книг данного автора, n — число томов (экземпляров) его произведений в фонде конкретной библиотеки, m — число читателей, обратившихся к ним [8].

Рубакин сделал важные и прогрессивные выводы из своего исследования, прежде всего резко осудив издание так называемой «народной» литературы, доказав, что читатель из народа ее не приемлет и в ней не нуждается. «Народу нужны не «народные» книги, а дешевые, потому что он бедняк, а не дурак», — с гневом писал Рубакин. Главное же — он зорко подметил важный социальный процесс: «Нарастание читателя в народе», «Читатель становится умственным центром», «Нарастает новая интеллигенция из народа».

При всех этих значительных выводах Рубакин не смог развить их до конца. В своей типологии читателя Рубакин не пошел дальше довольно расплывчатого обозначения «современный (или светский) начетчик — сознательный любитель книги». В своих «Этюдах о русской читающей публике» Рубакин не смог увидеть и описать лучших передовых читателей — рабочих из «передовых слоев пролетариата», по ленинскому определению [9], которые сумели осознать свои классовые интересы и стремились к знаниям для революционного изменения общественного строя. Именно из рабочей интеллигенции большевики сформировали ряд выдающихся профессионалов-революционеров.

Этот тип читателя был выявлен и описан в произведениях Г. В. Плеханова, В. И. Ленина, М. Горького, о нем говорит Н. К. Крупская в воспоминаниях о преподавании в воскресной школе.

С глубоким уважением к пролетариату, с верой в его неистощимые духовные силы В. И. Ленин писал: «...среди рабочих выделяются настоящие герои, которые — несмотря на безобразную обстановку своей жизни, несмотря на отупляющую каторжную работу на фабрике, — находят в себе столько характера и силы воли, чтобы учиться, учиться и учиться и вырабатывать из себя сознательных социал-демократов...»[10]. Расплывчатость рубакин-

---

[8] Подробную характеристику Рубакина как социолога чтения см.: Коган В. З. Из истории изучения читателей в дореволюционной России. — В кн.: Проблемы социологии печати. Вып. I. Новосибирск, 1969, с. 52—67.

[9] Ленин В. И. Попятное направление в русской социал-демократии. — Полн. собр. соч., т. 4, с. 268.

[10] Ленин В. И. Там же, с. 269.

ской характеристики «современного начетчика», одинаково относящейся и к крестьянину и к рабочему, особенно ясна при ее сравнении с этими проникновенными словами.

Ошибочным был и недифференцированный подход Рубакина к «привилегированным классам». Трудовая интеллигенция оказалась в одном ряду с чиновниками всех рангов, купцами, предпринимателями и пр. Главный же недостаток работы Рубакина заключался в абсолютизации читательской психологии, что привело его к глубоко ошибочному заключению, будто невозможно объективно выявить положительные и отрицательные стороны книги — ее содержание и оценка якобы зависят от того, какой читатель ее читает.

Эти положения Рубакина не приняли многие из тех, кто его высоко ценил. Ромен Роллан выступил против утверждения Рубакина, будто содержание книги подчиняется индивидуальности читателя [11].

Разумеется, эти ошибочные положения ни в коей мере не уменьшают исторических заслуг Рубакина в развитии социологии книги и чтения, в постановке проблемы восприятия прочитанного. Необходимо также отметить, что Рубакин не удовольствовался достигнутым в разработке библиопсихологии, а живо следил за развитием психологической науки. Он послал И. П. Павлову свой труд о библиопсихологии и получил ответ, в котором великий русский ученый указал ему на трудности в определении типов высшей нервной деятельности, а следовательно, и типов читателей. Очевидно, в знак своего уважения к трудам Рубакина по психологии чтения И. П. Павлов прислал ему первое издание своей книги «Двадцать лет изучения высшей нервной деятельности» с дарственной надписью (хранится в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина).

Идеи Рубакина о самообразовании и его поистине титаническая деятельность по переписке с читателями, занимающимися самообразованием, наиболее полно отражены в работах «Письма к читателям о самообразовании» и «Практика самообразования». И в других своих произведениях Рубакин постоянно возвращается к этой проблеме и подчеркивает ее значение для писателей-популяризаторов, работников библиотечного дела и библиографов.

Актуальны и интересны мысли Рубакина о разных путях применения самообразования и вытекающем отсюда неоднозначном определении его. Вокруг нас и для нас идет, никогда не переставая, педагогический процесс. Не только подрастающее поколение надо воспитывать и обучать, но и взрослых, — говорил Рубакин, предвосхищая идею непрерывного образования, которую ЮНЕСКО выдвинула перед странами-участницами как од-

---

[11] Архив Н. А. Рубакина. — В кн.: Записки отд. рукописей Гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина. Вып. 26. М., 1963, с. 112.

ну из важнейших проблем народного образования сегодня. Рубакин характеризует самообразование как метод самовоспитания, так как в итоге чтения человек не только накапливает знания, но, что не менее важно, — под влиянием книг изменяется поведение самого читателя.

Самообразование в царской России было также средством самостоятельно приобрести знания для тех, кто в силу социальной несправедливости был лишен этой возможности.

В письме к Н. К. Крупской[12] Рубакин горячо присоединяется к ее мнению о том, что самообразовательное чтение научно-популярной литературы помогает школьной учебе. В этом письме Рубакин со справедливой гордостью называет себя фанатиком и практиком популяризации. Вспомним, что и популяризатором он стал, чтобы помочь просвещению народа с помощью самообразовательного чтения, «чтения хороших книг».

В своей рецензии на «Письма к читателям о самообразовании»[13] Н. К. Крупская отметила прежде всего «лирическую сторону дела», как она выразилась, говоря о самом стиле книги: «...читателю невольно передается любовь автора к книге, его вера в великую силу знания». «Не во всех вопросах можно согласиться с автором, далеким от классовой точки зрения, — пишет далее Надежда Константиновна, — но его громадная заслуга, что он сумел поставить вопросы самообразования в правильной перспективе». Что же Н. К. Крупская считала особенно ценным? Среди других верных, по ее мнению, мыслей автора она выделяет мысль о всесторонности самообразования — о том, что оно должно знакомить с целым циклом знаний (сейчас мы говорим о комплексности самообразовательного чтения). Затем Надежда Константиновна присоединяется к тому, что необходима индивидуализация изучаемого материала. И, наконец, — что книга только тогда приносит пользу, если вносит нечто новое в практическую деятельность читателя.

Со свойственной ему горячностью Рубакин неоднократно заявлял, что самообразование без повышения общественной активности читателя не может быть истинным самообразованием.

Н. К. Крупская предлагала советским библиотекарям проштудировать рецензируемую ею книгу ввиду особой ценности этого труда не только в библиотечной, но и вообще внешкольной работе.

В то же время Н. К. Крупская резко критиковала Рубакина за отбор рекомендуемых книг.

Отмечая ценность системы самообразования, разработанной Рубакиным в другой его работе — «Практика самообразования», журнал «Помощь самообразованию»[14] в то же время указывал

---

[12] Подробно см. в кн.: Рубакин А. Н. Рубакин. М., 1967, с. 123—124.
[13] Крупская Н. К. Пед. соч. в 10-ти т. Т. 10. М., 1962, с. 22—24.
[14] «Помощь самообразованию», 1925, № 3, с. 91—92.

на присущий Рубакину недостаток — «неопределенную разносторонность», т. е. все то же отсутствие ясной цели в приобретении знаний, а также провозглашение аполитичности при рекомендации литературы в помощь самообразовательному чтению.

Противореча сам себе, Рубакин недооценивал революционизирующее влияние самообразования. Защитники русского самодержавия делали более последовательные выводы из его работ. В 1914 г., после выхода в свет «Практики самообразования», реакционная критика яростно обрушилась на нее. Некто Облеухов выступил со специальной брошюрой «Самообразование как орудие подготовки революции». Это был полицейский донос на Рубакина. Мракобес рассматривал его призывы к самообразованию как «...фабрикацию десятников революции»[15]. Здесь он оказался дальновиднее самого автора.

Для Рубакина проблемы самообразования были неотъемлемы от библиотечного дела и библиографии. Уже сам по себе такой подход был новаторским и смелым в дореволюционные годы.

Определяя библиотеку как «орудие борьбы общества за лучшее будущее», он видел ее главную задачу в том, чтобы «возможно большее количество возможно лучших книг могло проникнуть в возможно широкий круг читателей».

Чтобы обеспечить эту задачу, Рубакин, будучи сам библиотекарем-практиком, прежде всего рассматривал и выдвигал наиболее рациональную организацию комплектования. Он разработал оригинальную, хотя и во многом спорную теорию книжного ядра, выдвигая два обязательных условия «рационального» комплектования книжного фонда общеобразовательной библиотеки. Первое — энциклопедичность состава фонда (Рубакин любил повторять, что библиотека должна быть книжным отражением Вселенной, предлагая читателю литературу по всему циклу наук). Второе необходимое условие — давать читателю возможность «...по любой науке идти вперед и вверх с любой ступени лестницы», т. е. с любым уровнем подготовки к ее восприятию.

Естественно, что Рубакин первый из русских книговедов начал разрабатывать типологию книги. Он предложил взять за основу этой типологии разработанные им принципы библиопсихологии, и сейчас представляющие интерес для социологов чтения. К первой группе он отнес книги интеллектуального типа (главным образом научные). Ко второй — книги эмоционального типа (главным образом беллетристические произведения). К третьей — книги активного типа, побуждающие человека к действиям (книги по прикладным знаниям, указывающие, что и как де-

---

[15] Облеухов Н. Самообразование как орудие подготовки революции (о книге Н. А. Рубакина: Практика самообразования). Б. м. и г. (1914), с. 11, 19. См. также: Архив Н. А. Рубакина, с. 74.

лать). Если последний тип сочетается с первым, получается пропагандистская книга, если со вторым — книга агитационного характера.

Излагая эти предложения, советский исследователь деятельности Рубакина, однако, справедливо отмечает их неполноту, противоречие взглядам самого Рубакина, так как здесь не учтено разнообразие воздействия книги на читателя в зависимости от читательской индивидуальности и от условий среды [16].

Характерно для отвлеченно просветительских взглядов Рубакина, что он не учитывал цели, с которой обращается к книге сам читатель, определяя своеобразный социальный заказ автору, т. е. применяя современные термины, целевое назначение издания (в современном советском книговедении существует точка зрения, что это и есть главный типообразующий фактор) [17].

Рубакин разрабатывал и другую фундаментальную проблему — библиотечно-библиографическую классификацию. Схема, предложенная им во втором издании указателя «Среди книг», ныне устарела и представляет собой интерес только для специалистов. Однако необходимо отметить новый для того времени и прогрессивный взгляд Рубакина на схему систематического каталога как на одно из средств руководства чтением и помощи самообразованию. До Рубакина никто еще не сближал так решительно и смело библиотечный каталог с практикой его использования в общеобразовательной библиотеке [18]. Он считал, что библиотека должна знакомить читателя с циклом различных наук и предлагать лучшую литературу по каждой из них, а дальше пусть читатель выбирает, кому какая книга интересна, и читает их в таком порядке, какой ему предпочтительнее (см. ст.: Несколько слов о системе чтения. — «Воспитание и обучение», 1891, № 9, с. 283). Эта мысль приобретает актуальное значение в современных условиях расширения цикла научных отраслей и развития книгоиздательства.

Характерная черта: все эти глубокие и передовые взгляды на комплектование уживались у Рубакина с предложением, которое он настойчиво повторял, а именно — иметь в фонде библиотеки «книги-приманки», «книги на разводку читателей» — даже бульварную литературу для читателей с еще не развитым, неразборчивым вкусом, которых может оттолкнуть от библиотеки отсутствие подобных «ходовых» книг. Это предложение подверг спра-

---

[16] Подробно см. в кн.: Мавричева К. Г. Н. А. Рубакин. М., 1972, с. 75.

[17] См., например: Черняк А. Я. О типологии произведений литературы. — В кн.: Книговедение и его задачи в свете актуальных проблем советского книжного дела. М., 1974, с. 3—16. Ротапринт.

[18] Эта сторона деятельности Н. А. Рубакина глубоко раскрыта в статье: Эйдельман Б. Ю. Классификационные идеи Н. А. Рубакина. — В кн.: Труды Ленингр. ин-та культуры им. Н. К. Крупской. Т. 15. Л., 1964, с. 159—173. Первая предприняла изучение классификационных идей Н. А. Рубакина Е. П. Арефьева, защитившая диссертацию на эту тему в Моск. гос. ин-те культуры.

ведливой критике современник Рубакина, выдающийся и бескомпромиссный теоретик и практик библиотечного дела и библиографии — К. Н. Дерунов. В то же время он приветствовал прогрессивные идеи Рубакина в области библиотечного дела — в первую очередь о роли библиотеки в идейной жизни общества[19]. Нельзя пройти мимо рубакинского определения местного (краеведческого) отдела общественной библиотеки: его задача не «собирание печатных редкостей», а «развитие общественного сознания и общественной активности». В известной мере Рубакин предвосхитил взгляд, принятый уже в советском библиотековедении, — о том, что библиотека должна занимать определенное место в системе народного просвещения, а не только выдавать книги напрокат. Эта точка зрения в последнее десятилетие широко распространяется также в передовой зарубежной публицистике (писал об этом, в частности, Андре Моруа).

Все это позволяет сделать вывод, что впервые в России и один из первых в мировой библиотечной практике Рубакин применил научные методы многостороннего анализа библиотечного процесса[20].

Наконец, для советского библиотековедения представляют интерес личные особенности Рубакина как библиотекаря-практика, который умел оказывать помощь читателям и в то же время профессионально обогащать свои знания с их помощью. Об этом сохранились свидетельства таких «абонентов» его библиотек в России и в Швейцарии, как Н. К. Крупская и Г. В. Плеханов. Крупская тепло вспоминала о «массе сведений, столь необходимых при занятиях с рабочими» (письмо от 8 апреля 1911 г.), о ценных указаниях (письмо от 15 янв. 1917 г.), которые она получала от Рубакина в годы преподавания в воскресной школе[21]. Еще более интересны свидетельства, сохранившиеся в переписке Рубакина с Г. В. Плехановым: не только Плеханов благодарил Рубакина за подбор необходимых ему книг, но и Рубакин писал, что знакомство с литературой по темам, интересовавшим Г. В. Плеханова, было ему и полезно и интересно[22].

Рубакин высоко оценивал роль библиотеки, рассматривал ее как учреждение, находящееся на службе общества. Библиотеку своей матери, более 80 тыс. томов, которые в основном были приобретены им лично, на собственные литературные заработки, он передал в дар Всероссийской лиге образования, а в ее лице «всему петербургскому населению и прежде всего — петербургскому пролетариату и трудовой интеллигенции».

---

[19] Дерунов К. Н. Избранное. М., 1972, с. 146.

[20] Чубарьян О. С. Общее библиотековедение: итоги и проблемы. М., 1973, с. 16—17.

[21] Н. К. Крупская — Н. А. Рубакину. 2/II—1909 г., 18/IV—1911. Пед. соч. Т. 11 (доп.). М., 1963, с. 121; 15/I—1917. — Там же, с. 175.

[22] Подробно см.: Машкова М. В. Г. В. Плеханов и «Среди книг» Н. А. Рубакина. — «Сов. библиография», 1963, № 6, с. 83—101.

Библиографические труды Рубакина представляют собой важный этап в развитии русской библиографии[23]. Рубакин поставил перед нею новую задачу: не ограничиваться учетом заглавий, как это было принято, а раскрывать содержание книг, понимая под этим не только фактические сведения, но и характеристику идейного содержания, что получило, как известно, одобрение Ленина[24].

Дореволюционная прогрессивная русская библиография была прочно связана с передовой библиотечной практикой и быстро обогащала ее новыми типами библиографических пособий, а следовательно, и новыми методами пропаганды книги. Эта связь библиографии, адресованной новому демократическому читателю, и передовой практики общеобразовательных библиотек была одним из характерных явлений эпохи. Рубакин внес значительный и разносторонний вклад в составление библиографических пособий в помощь самообразованию.

Программы чтения, рекомендательные каталоги и указатели литературы по сути дела явились своеобразной формой пропагандистской и просветительской деятельности демократической русской интеллигенции. Они были взяты на вооружение большевиками и на страницах большевистской печати получили свое наивысшее развитие[25].

Вводный очерк к указателю «Среди книг» — это первое в России руководство по теории и практике библиографии.

Библиографическая деятельность Рубакина без сомнения была подготовлена всеми его многосторонними связями с книжным делом и прежде всего с библиотечной практикой, точно так же, как его фундаментальный труд «Среди книг».

Как библиограф Рубакин начинал с составления печатных каталогов книжного фонда библиотеки своей матери. В 1875, 1879, 1889, 1896 гг. эти каталоги выходили в свет. Следующим этапом были уже не каталоги конкретной библиотеки, а составление примерных каталогов разного типа (типовой каталог — по современной терминологии), чтобы, пользуясь ими, библиотекарь мог со знанием дела и комплектовать книжный фонд и рекомендовать книги читателю. Таков был путь к созданию своеобразного универсального библиографического указателя, необходимого и для комплектования, и для руководства чтением, и для самообразования.

Одновременно Рубакин практически разрабатывал внутрикнижную библиографию совсем особого рода: списки литерату-

---

[23] Подробную характеристику этой стороны деятельности Рубакина см. в кн.: Машкова М. В. История русской библиографии начала XX века (до октября 1917 года). М., 1969, с. 453—455.

[24] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25, с. 111—114.

[25] Подробнее см. в кн.: Смирнова Б. А. Деятельность Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина в области рекомендательной библиографии. М., 1964, с. 13—15.

ры, приложенные к его научно-популярным книгам и брошюрам, указывали читателю путь вверх по ступенькам лестницы знаний, что, как было сказано выше, Рубакин считал главной задачей библиотеки. К своей брошюре «Крестьяне-самоучки» Рубакин приложил краткий список универсального характера. Это была попытка очертить круг знаний, необходимых, по его мнению, «современному начетчику» крестьянину, после того, как в брошюре он показал на примере конкретных людей — своих корреспондентов, что дало им разностороннее самообразовательное чтение. Подобные указатели литературы — прообраз кругов чтения в советской библиографии и современных книжных закладок типа «Что читать дальше».

Рубакин первый из библиографов поставил вопрос о необходимости библиотекарю пользоваться библиографическими пособиями, подчеркнул важность хорошо организованного справочно-библиографического аппарата библиотеки. В 1-м издании «Среди книг» он привел список пособий, необходимых для библиотекарей, и сопроводил его указаниями, как использовать то или другое из них.

Недостаточно оценена попытка Рубакина разработать схему классификации категорий (видов) библиографии[26]. Во втором издании указателя «Среди книг» эта схема приобрела довольно ясные очертания. Видно, что Рубакин стремился выделять только главные признаки каждой категории. Первая — каталожная библиография — регистрирует книги вне зависимости от оценки содержания. Ко второй — рекомендательной библиографии — Рубакин отнес указатели особо рекомендуемых книг, пособия для самообразования, программы домашнего чтения и т. п. Третья категория библиографии, по мысли Рубакина, была призвана отражать развитие научно-философских и литературно-общественных течений и давать представление не о лучших книгах, а о тех, которые являлись своего рода вехами исторического процесса. Эту категорию Рубакин назвал эволюционно-философской. Наконец, к четвертой он отнес библиографию психологическую, еще нарождающуюся. По его мысли, она должна была развиваться на основе изучения психологии различных читательских групп. Интересно, что указатель «Среди книг» Рубакин относил к третьей категории с элементами четвертой.

Разработка классификации видов библиографии прошла долгий и сложный путь и хотя сейчас практически вырисовываются границы отдельных видов и основа деления — ее общественные функции, но теоретически схема все еще остается дискуссионной.

Можно считать, что первая предложенная Рубакиным категория обозначается сейчас термином «учетно-регистрационная».

---

[26] Приоритет в этом отношении принадлежит М. В. Машковой (см.: Указ. соч., с. 453—455). Однако выдвинутые ею положения не бесспорны.

Задачи эволюционно-философской категории в известной мере совпадают с одной из функций научно-вспомогательной библиографии — подытоживающей. Сохранился термин «рекомендательная библиография», вобрав в себя и библиографию психологическую, так как при разработке рекомендательных пособий обязательно учитываются особенности психологии (восприятия, стимулов чтения и др.) отдельных читательских групп. Однако сейчас этот признак, который получил наименование «читательская установка», справедливо относят и к другим видам библиографии (кроме учетно-регистрационного). Таким образом, Рубакин сказал первое слово и в такой важной проблеме теории библиографии, как ее научная классификация, наиболее приблизившись к современной схеме советской классификации видов библиографии соответственно общественной функции каждого вида. Эта прозорливость не была случайной, ибо четкость назначения каждого библиографического указателя всегда живо интересовала Рубакина, который прежде всего заботился о широком практическом применении библиографических пособий.

Наиболее прославил Рубакина его труд «Среди книг», подобного которому не было в мировой библиографии. Все — начиная с замысла дать для самообразования и библиотек «...обзор русских книжных богатств в связи с историей идей», с раскрытия содержания огромного книжного массива новыми и оригинальными способами (предварительные замечания, расположение и пр.) и кончая привлечением к своему труду ученых и общественных деятелей, было смелым новаторством. Хотя Рубакин и не проявил должной последовательности в этом важном деле, тем не менее привлечение В. И. Ленина к составлению «Предварительных замечаний», — несомненно, историческая заслуга Н. А. Рубакина [27]. Сохранились письма Г. В. Плеханова к Рубакину, в которых он давал подробные дружеские замечания во время подготовки второго издания книги, когда Рубакин жил уже в Швейцарии. Эти замечания помогли Рубакину внести в свой труд важные изменения и дополнения, в том числе — значительно расширить перечень работ В. И. Ленина, причем среди них Рубакин указал также запрещенные цензурой и вышедшие нелегально (этого принципа он придерживался неукоснительно).

Г. В. Плеханов отнесся к труду Рубакина с величайшим сочувствием и интересом. Сообщая ему свои замечания о подборе книг по марксизму, Плеханов писал: «Умоляю Вас, обратите внимание на то, что я говорю против Туган-Барановского. Ей-богу же он портит Вашу работу, а я ею дорожу» [28]. (К сожалению, здесь Рубакин не прислушался к голосу Плеханова, что и по-

---

[27] См.: Ленин В. И. О большевизме. — Полн. собр. соч. Т. 22, с. 279—280.
[28] Цит. по статье М. В. Машковой (см. прим. 22).

служило одной из причин справедливой критики в ленинской рецензии.)

Оба издания указателя «Среди книг» (1906 г. и 1911—1915 гг.) вышли в годы политического и культурного роста масс — сначала в связи с Первой русской революцией, а затем — в период подъема рабочего движения, когда ответ на вопрос «что читать» приобрел «...не только общекультурное, но и важнейшее политическое значение» [29].

Появление второго издания «Среди книг» как ни одно другое библиографическое издание вызвало широкий отклик прессы всевозможных политических течений и оттенков. На страницах большевистской печати глубокую и всестороннюю оценку указателя дал В. И. Ленин [30].

Ленинская рецензия представляет собой методологическую основу советской библиографии, и поэтому ей был посвящен ряд трудов и исследований. Однако только в последние годы главные положения рецензии были раскрыты с достаточной полнотой, а именно глубоко проанализирована не только критическая, но и положительная сторона оценки В. И. Лениным работы Рубакина и сделан верный вывод, что В. И. Ленин «...исходил из того, что она может в известной мере содействовать выполнению демократической программы просвещения народа» [31].

Общая направленность подбора литературы была прогрессивной. Стремление Рубакина дать обзор книг в связи с историей идей через предварительные замечания к каждому отделу также получило одобрение В. И. Ленина. Однако он подверг острой критике продекларированную Рубакиным «надпартийность», исключение какой бы то ни было полемики. Отказ от полемики Рубакину не удался ни в этом, ни в других его библиографических трудах, которые пронизаны скрытой полемикой — худшим видом полемики, по определению Ленина.

В. И. Ленин раскрыл также эклектизм Рубакина, его противоречивость, попытки примирять непримиримые точки зрения. В. И. Ленин рассматривал библиографию как одну из форм идеологической деятельности, видел в ней отражение процессов общественной жизни, борьбы классов и партий и обосновал важнейший принцип библиографии — принцип партийности. Этот ленинский вывод нельзя связывать с каким-либо отдельным видом библиографии [32], как это, к сожалению, делали некоторые советские исследователи, подменяя принцип партийности «прин-

---

[29] Подробную характеристику исторической обстановки см.: Фонотов Г. П. Общественно-политическое значение рецензии В. И. Ленина на труд Н. А. Рубакина «Среди книг». — «Сов. библиография», 1960, № 2, с. 23—34.

[30] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25, с. 111—114.

[31] «Сов. библиография», 1960, № 2, с. 7. Передовая.

[32] Брискман М. А. Рецензия В. И. Ленина на труд Н. А. Рубакина и ее методологическое значение. — В кн.: Труды Ленингр. гос. ин-та культуры им. Н. К. Крупской. Т. 22. Л., 1971, с. 242—255.

ципом рекомендательности», т. е. относя ленинские указания только к рекомендательной библиографии.

Разумеется, наиболее отчетливо проведен принцип партийности в дореволюционных большевистских рекомендательных пособиях в помощь самообразованию, где абстрактному идеалистическому пониманию самообразования Рубакиным противопоставлена последовательная партийность.

Особенно интересен с этой точки зрения «Указатель книг для самообразования и как руководство при составлении библиотек рабочих организаций и клубов», помещенный во 2-м издании большевистского календаря «Спутник рабочего», вышедшего в свет в 1914 г. [33] — почти в одно время со 2-м томом труда «Среди книг» (2-е изд.), к которому относилась ленинская рецензия.

Прежде всего большевистскому указателю присуща ясность цели — выработка марксистского мировоззрения. Этим определяются темы разделов указателя. Не цикл наук вообще, но книги по естествознанию для воспитания материалистического взгляда на природу; история — для знакомства на конкретном материале с законами общественного развития; произведения великих русских революционеров-демократов, посвященные коренным проблемам общественной жизни России, и, наконец, раздел «Вопросы теории и практики» — литература по марксистской философии, политической экономии и социализму, а также по злободневным текущим вопросам. Литература была подобрана и расположена таким образом, чтобы привести читателя-рабочего к знакомству с основными теоретическими трудами по марксизму.

Высоко оценивая Рубакина, видные деятели большевистской партии следовали за Лениным в его критике рубакинской «надпартийности», а вернее — скрытой полемики и эклектизма.

«Не сосчитать, сколько раз Рубакин пропагандировал аполитизм, надпартийность просветительной работы, восставал против тенденциозности, — говорил А. В. Луначарский в названной выше беседе. — И столько же раз оказывалось, что он вовсе не аполитичен». Точно так же и в своей рецензии на «Письма читателям о самообразовании» Н. К. Крупская указывала, что, подбирая литературу, Рубакин вовсе не удержался в провозглашенной им надпартийности, «выбросил все марксистские книжки». Н. К. Крупская решительно высказывалась, что рубакинский подбор литературы неприемлем для советского библиотекаря.

Видный деятель Коммунистической партии В. А. Карпинский, который много лет переписывался с Рубакиным, с дружеской иронией писал ему, отмечая в его труде по библиопсихологии «...отсутствие у автора определенной, ясно выраженной общей точки зрения в вопросах психологии и философии» (16 февр.

---

[33] Подробную характеристику указателя см.: Левина С. С. Страницы истории большевистской библиографии. — «Библиотеки СССР», 1970, вып. 4, с. 81—83.

1923 г.): «Дорогой «книжный червяк!»[34] Неужели-таки солипсизм — это самая подходящая теория для активного человека — человека практики, как Вы?»[35]

Для решения современных проблем советского книговедения, для дальнейшего распространения и улучшения пропаганды книги важно осмыслить исторический опыт, великое культурное наследие прошлого. За последние годы, особенно за истекшее десятилетие, советские исследователи немало сделали, — в частности для анализа и освещения различных сторон деятельности Н. А. Рубакина. Однако этого недостаточно.

Для эпохи научно-технической революции характерно непосредственное проникновение науки в практику, а также небывалое ранее участие широких слоев практических работников в научных исследованиях. Это проявляется и на всех участках работы с книгой. Так например, в фундаментальных исследованиях, проведенных в последние годы («Библиотека и научная информация», «Книга и чтение в жизни небольших городов» и многих других) участвовали десятки библиотечных коллективов, сотни рядовых библиотекарей и библиографов. Создано Всесоюзное добровольное общество любителей книги, охватившее тысячи энтузиастов.

В постановлении «О повышении роли библиотек в коммунистическом воспитании трудящихся и научно-техническом прогрессе» (1974 г., 26 мая) партия требует дальнейшего подъема всей работы с книгой в нашей стране. Для этого важно непрерывно повышать уровень всех участников этого великого культурного дела, в том числе знакомить непосредственно с такими трудами деятелей книги прошлого, которые составляют неотъемлемую часть культурных богатств нашего народа.

Работники советского книжного дела, вышедшего на передовые позиции мирового создания и распространения книги, являются преемниками славных традиций русской науки и культуры. Руководствуясь ленинскими указаниями в оценке замечательного наследия Н. А. Рубакина, они с живым интересом и несомненной практической пользой ознакомятся с его избранными трудами, представленными в книге, которая предлагается их вниманию.

---

[34] Один из псевдонимов Н. А. Рубакина.

[35] Письмо В. А. Карпинского к Н. А. Рубакину от 16 февраля 1923 г. Публикация А. Б. Сидоровой в кн.: Записки отд. рукописей Гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина. Вып. 26. 1963, с. 400.

ЭТЮДЫ О РУССКОЙ ЧИТАЮЩЕЙ ПУБЛИКЕ

Факты, цифры и наблюдения Н. А. Рубакина

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

«Читатель, где ты?» Этот вопрос, как известно, лет десять — двенадцать тому назад поставил покойный М. Е. Салтыков.

Вряд ли нужно доказывать, какой интерес и какое значение, и теоретическое, и практическое, имеет ответ на этот вопрос. История литературы не есть только история писателей и их произведений, несущих в общество те или иные идеи, но и история *читателей* этих произведений. История литературы не есть только история возникновения идей, но и история распространения их в массе читателей, история борьбы этих идей за свое существование и за преобладание в читательской среде. Читающая публика, в широком смысле этого слова, — вот та арена, на которой главным образом и прежде всего происходит эта борьба, впоследствии захватывающая даже нередко и полуграмотную, и неграмотную массу. Поэтому ничто так не характеризует степень общественного развития, степень общественной культуры, как уровень читающей публики в данный исторический момент. В читателе, так сказать, отражается общественная жизнь, как в капле воды отражается окружающая среда. По настроению читателей мы имеем возможность до некоторой степени судить и о настроении среды. И стремления и тревоги общества тотчас же отражаются на выборе книг, которые требуют для чтения некоторые — именно наиболее чуткие элементы из среды читающей публики. Каковы бы ни были те условия, в которых этим читателям приходится существовать, раз начинает мучить и волновать тот или новый вопрос, они тотчас же начинают искать из числа существующих книг такие, которые в данном случае наиболее могут их удовлетворить. С другой стороны, равнодушное или апатичное отношение читающей публики к выбору книг, в свою очередь, служит прекрасным показателем общественного настроения. Читать «что-нибудь», глотать, подобно страусу, все, что придется, это ли не характерный признак читательского настроения?.. История читающей публики — одна из интереснейших и ярких страниц из истории общественного развития.

Изучение читающей публики имеет интерес и с другой стороны. Изучение читателей и почитателей помогает изучению писателя. И обратно: изучение писателя помогает понять его почитателей. Даже более, писатель, как это уже давно замечено, до некоторой степени неотделим от своих читателей. Между читателем и писателем, между психическими свойствами первого и свойствами второго существует до такой степени тесная и тонкая связь, что они действительно составляют в известном отношении единое целое. Они не могут существовать один без другого. <...>

Каждому писателю в большей или меньшей степени соответствует та или иная читательская среда, более или менее определенная общественная группа, совокупность лиц, считающих этого писателя выразителем своих чувств, желаний и идей. Какой именно группе служит тот или иной мыслитель, поэт или публицист? Какие стремления или вожделения он собою отражает? Ответ на этот вопрос прибавляет весьма интересную и существенную черту к характеристике данного писателя.

Раздаются голоса о *литературном* оскудении, об упадке влияния лучших произведений лучших авторов на толпу, которая вполне удовлетворяется одним литературным хламом, выбрасываемым ежедневно на улицу в «изрядно большом количестве». Правы ли эти голоса? Не изменилась ли самая *область* влияния литературы? Не передвинулся ли центр тяжести из одних общественных групп или слоев в другие? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо исследование читателей — именно сравнительное изучение читателей из разных общественных групп или слоев, напр., читателя из привилегированных классов и из народа.

Изучение читателя имеет не только теоретический интерес. О читателе рассуждали и рассуждают очень много. На него то возводят всевозможные обвинения, то сетуют о нем, то добродушно над ним посмеиваются, а то и зло глумятся, иногда возлагают на него «надежды России», а иногда видят в нем такую «силу», которую не мешало бы сократить, спеленать, убаюкать и т. д. Нечего и говорить, что все это проделывается голословно или, в лучшем случае, на основании фактов, собранных в каком-либо уголке, в салоне, в канцелярии, на улице и т. п. Судя об этом читателе a priori, гг. рассуждающие склонны бывают обобщать любой факт, подхваченный с ветра, лишь бы он пришелся им по вкусу, и не замечают явлений массовых, исторических, не через всякую щелку и видных. По весьма понятным причинам, особенно в серые дни и бесцветные ночи, когда перспектива так обманывает, частное легко кажется общим, а общее — частным. Между тем на этом незнании читателя, на этих голословных рассуждениях о нем строятся не только платонические отношения к нему, но, к сожалению, и очень решительные мероприятия весьма реального свойства. Защитникам всяких литературных кон-

венций, по крайней мере тем из них, которые искренне убеждены в полезности таковых, прежде чем заключать эти конвенции, тоже не мешало бы хорошенько присмотреться к самой читающей публике, исследовать эту публику в количественом и качественном отношениях.

Но есть еще одна сторона дела, особенно интересная: знать читателя — знать сколь возможно лучше и ближе — может ли этого не желать тот, кто дорожит распространением своих идей? О воспитательном, руководящем значении литературы, впрочем, мы здесь говорить не будем. О нем уже многое было говорено, да к тому же это и слишком сложный вопрос.

Спрашивается теперь, много ли сделано до сего времени относительно изучения читающей публики? Российский читатель, и «серый» и «полукультурный», и наиболее интеллигентный, остается иксом. Он не известен не только в качественном, но даже и в количественном отношении, несмотря на то, что кое-какие материалы, позволяющие определить этот икс хоть с приблизительной точностью, не только существуют, но и ежегодно накопляются. Особенно мало сделано по отношению читателя из привилегированных классов. За последние восемь или десять лет и общество и печать больше интересовались и интересуются читателем из народа. Этот читатель изучается и en masse[1], и в отдельности; частные лица и общества (Спб. и Московский комитеты грамотности, Харьковское общество распространения грамотности *) собирают сведения о том, что он читает и как он читает, какие книги удовлетворяют его потребностям и почему, как должно составлять научно-популярные книжки, чтобы со стороны читателей из народа встретить хороший прием, быть понятными и, главное, интересными; как должно быть организовано распространение хороших книг в народной среде и т. д. Успехи народной литературы, сделанные еще за последнее время, показывают, что изучение читателя из народа имело громадный практический интерес и помогло развитию самого дела, которое так затемнялось тем, что составители «народных» книжек не знали своего читателя и третировали его à l'enfant[2].

Изучение читателя из народа показало, например, что никакой «особой» беллетристики для него не нужно, что смешение литературы детской и народной — курьезная и непростительная ошибка и т. д., словом, изучение читателя из народа реабилитировало этого читателя в глазах тех, кто в силу известных исторических условий привык смотреть на этого читателя сверху вниз. Чтобы доказать то, что, по-видимому, так ясно и понятно само собою, потребовалось тщательное и разностороннее изучение. Факт, характерный для нашей либеральной интеллигенции.

---

[1] в целом (*франц.*).
[2] как ребенка (*франц.*).

Ниже мы покажем подробнее, каковы именно практические результаты этого изучения.

В наших очерках мы намерены лишь сделать попытку хоть несколько разобраться в материалах, накопившихся до сего времени. Тщательная, разносторонняя разработка их — дело будущего. На такую разработку мы не претендуем.

Во избежание всяких недоразумений считаем не лишним условиться заранее, что мы будем подразумевать под термином «читатель из командующих или привилегированных классов» читателей из дворян, чиновников, духовенства, купечества, офицерства и вообще всех тех, кого сам народ очень метко зовет «чистыми господами» или «чистой публикой»; под словами же «читатель из народа» — читателей из крестьян, фабричных рабочих и солдат.

Что касается материалов, которыми мы пользовались при составлении наших этюдов, то они настолько пестры и разбросаны, что затруднительно даже перечислить их. На первом плане мы должны поставить рукописные ответы на наш «Опыт программы исследования литературы для народа»[1]. Этот «Опыт» был составлен нами в 1889 г., при участии нескольких народных учителей, учительниц и др. лиц. При составлении «Опыта» имелись в виду исключительно литература народная и читатель из народа. По многим причинам на широкое собирание сведений по этой программе я не рассчитывал. Но результаты оказались более значительными, чем можно было ожидать. В разных дальних и близких уголках нашлись люди, сочувственно отнесшиеся к моему начинанию. С 1 сентября 1889 г. по 1 января 1894 г. я получил материалы, относящиеся к различным вопросам «Опыта программы», от 458 лиц. В этом числе преобладают учителя и учительницы (213), есть ответы от фельдшериц и фельдшеров, священников (6), фабричных рабочих (91), крестьян (58) и разных лиц, близко принимающих к сердцу вопросы народного образования.

Из 458 лиц, приславших нам за промежуток времени 1889—1894 гг. какие-либо материалы, заметки, наблюдения и т. п. по нашему «Опыту программы», около 13% (61 чел.) принадлежат к жителям городов губернских, уездных, заштатных, железнодорожных станций, местечек и т. д.

Собранные таким образом материалы крайне пестры и разнообразны, напр., большие тетрадки, содержащие ответы почти на все вопросы «Опыта программы», мелкие заметки по тому или иному вопросу, наброски деревенских впечатлений, даже автобиографии, деревенские дневники и т. д. По моему адресу

---

[1] Помещен первоначально в № 5—6 «Рус. богатства» за 1889 г., затем вышел отдельным изданием, которое теперь вполне уже разошлось. Краткий отчет по собиранию материалов по этой «Программе» помещен нами в «Рус. богатстве» (1891 г., № 7).

прислано несколько тетрадок материалов, собранных по программе А. Пругавина*, письма разных лиц, близких к народу, более 2500 письменных работ, сделанных деревенскими и фабричными читателями по прочтении ими разного рода книжек — популярно-научных и других, кроме того, разные печатные материалы (отчеты, газетные и журнальные статьи и вырезки и пр. и пр.). <...>

На втором месте среди имеющихся у нас материалов мы должны поставить отчеты различных провинциальных библиотек, как общественных, так и частных, как помещенные в разных периодических изданиях, так и изданные отдельными брошюрами (412 отчетов из 109 библиотек). На третьем месте стоят рукописные и печатные уставы, правила и условия различных библиотек, присланные в 1889 г. в Спб. комитет грамотности в ответ на разосланный этим последним ряд вопросов о положении различных учреждений, служащих целям народного образования. Затем следуют: различные заметки и корреспонденции о деятельности и положении библиотек, появлявшиеся в провинциальных и столичных периодических изданиях; различные официальные издания: издания Центрального статистического комитета министерства внутренних дел, издания губернских статкомитетов, памятные книжки и календари разных губерний, а также земские сборники, доклады и отчеты зем. управ и т. п., статьи разных авторов, ссылки на которых сделаны в своем месте. Два этюда о читающей публике («К характеристике читателя и писателя из народа» и «Книжное оскудение») представляют из себя доклады Спб. комитету грамотности, прочитанные мною на общих собраниях комитета в 1890 и 1893 гг. и затем напечатанные первый — в «Северном вестнике» (1891 г., № 4—5), второй — в «Русском богатстве» (1893 г., № 11, 12). В настоящем издании они являются в дополненном, а отчасти — переработанном виде.

I

БОГАТЫ ЛИ МЫ КНИГАМИ?

План, которого мы намерены держаться в нашем изложении, таков: сначала мы постараемся нарисовать ту книжную обстановку, в которой родится и вырастает русский читатель и в которой он развивается; затем мы будем говорить о самом читателе, о его физиономии, вкусах и потребностях, насколько это выражается в том предпочтении, какое он оказывает разным отделам библиотечных каталогов и разным авторам данного отдела.

Обстановка, в которой родится и вырастает русский читатель, как известно, очень резко отличается от той, в которой находится читатель западноевропейский. Этот последний растет, развивается среди грамотных людей, среди книжного обилия, среди все-

возможных приспособлений со стороны государства и общества для более легкого доступа к книгам, для более быстрого обращения их в массе. Если абсолютные цифры вновь выходящих книг иной раз не поражают своею величиною, то быстрое обращение книг с избытком заменяет их количество. Библиотека, книжный магазин, даже редакция газеты или журнала — такое же необходимое и обычное явление не только в больших, но даже и в маленьких городках, как и школа. Сама жизнь толкает читателя к книге, жизнь, идущая шумно и суетливо, требующая постоянного к себе внимания, постоянного участия в общем ходе вещей, не дающая человеку возможности сидеть где-нибудь в уголке и быть лишь совершенно посторонним зрителем ее, до которого и общему ходу вещей нет никакого дела, и ему нет дела до общего хода вещей... Каждый сознает, что есть какие-то нити, соединяющие самым тесным образом его бытие с общим бытием. Чтобы хоть одним глазком взглянуть из своего угла на это целое, чтобы быть наготове ко всякому участию в жизни этого целого — то в выборах на общественные должности, то иначе как, — западноевропейский человек должен читать усиленно, читать газеты изо дня в день, должен знакомиться с господствующими течениями жизни политической, социальной, религиозной, следить за успехами науки, техники, философии. Связь между этим читателем и книгой установилась крепко, связь историческая, вошедшая в плоть и кровь последних поколений. События новейшей истории, расширившие область самоуправления и всесословных учреждений, призвавшие к участию в общем ходе вещей народные массы, закрепили эту связь тесно и неразрывно. Книга и газета нужны западноевропейскому читателю как воздух, как вода [1].

На почве этой-то потребности и развивается и книгоиздательское, и книгопродавческое, и библиотечное дело.

Постараемся теперь проследить положение этих дел в России. Чтобы положение это сделалось для читателя яснее и выступило рельефнее, мы пойдем к нашей цели, так сказать, спиралью, постоянно суживая круги. Пройдя по всем этим кругам, мы в достаточной степени характеризуем ту книжную обстановку, ту почву, на которой родится и вырастает русский читатель. Затем мы перейдем уже к характеристике этого читателя по разным общественным группам.

Богаты ли мы книгами? По-видимому, даже очень. Ежегодно в России печатается на русском языке около двадцати миллионов экземпляров разных книг, с лишком пять тысяч названий книг, не считая журналов и газет. Статистику журналов и газет мы сегодня оставим в стороне, отложим до другого раза. Лишь

---

[1] Характеристика западноевропейского читателя далеко не отвечает сегодняшнему положению вещей.

чтобы предупредить возможные возражения, мы заранее отметим факт, что нет другой страны в Европе, где периодических изданий было бы так мало, где они расходились бы в таком ничтожном количестве экземпляров. Общее число журналов и газет в России — около девятисот, в семь раз меньше, чем в Германии, почти в пять раз меньше, чем во Франции, почти в 4 раза меньше, чем в Англии. Даже такие маленькие страны, как Бельгия и Испания, перещеголяли нас в этом отношении. На один миллион жителей приходится периодических изданий в Швейцарии 230, Бельгии 153, Германии 129, Франции[1] 114, Норвегии 89, Великобритании 88, Испании 68, Италии 51, Австрии 43, Греции 36, Сербии 26 и России 9. В такой же печальной пропорции находятся и числа, показывающие количество экземпляров периодических изданий, расходящихся ежегодно в России и за границей. Эти цифры показывают, что ссылаться на журнальную статистику, в опровержение печальных выводов из статистики книжной, едва ли справедливо. Г-н Л. Павленков, желая смягчить некоторые выводы нашего доклада, приводит в утешение *, что иллюстрированные издания дают своим подписчикам ежемесячные приложения книжек романов, повестей и т. п., выписывает же эти журналы провинция. Но ведь это делают и журналы иностранные, в соответственно большем числе. Кроме того, девятнадцать миллионов таких приложений, как, напр., приложения «Родины» или «Луча», вряд ли могут служить фактом утешительного свойства. Из всего этого видно, что журнальная статистика отнюдь не может служить опровержением наших выводов. Предположим даже, что русские читатели читают в три, четыре, пять раз больше периодических изданий, чем книг, и в этом случае картина все-таки неутешительная.

Почтовая статистика показывает, что в 1891 г. в числе внутренней иногородней корреспонденции было отправлено 112 916 127 штук абонементных периодических изданий. Другими словами, с небольшим один экземпляр на одного российского обывателя *в течение целого года,* или же пять экземпляров на одного грамотного в течение того же промежутка времени. Нельзя сказать, чтобы это было много[2]. В то самое время в Швейцарии приходится на 1 жителя 29,99 экз., в Бельгии 16,41 экз., в Дании 25,64, в Германии 18,3, во Франции 10,86, Италии 4,32, Швеции 13,38, даже в Сербии 1,51 (почти в $1^1/_2$ раза больше, чем в России). Переводя эти цифры на число грамотных, получим разницу тоже весьма значительную[3].

Впрочем, сделав эту оговорку, мы оставим журнальную статистику в стороне и будем говорить лишь о книгах. В 1887 г.

---

[1] По сведениям Annuaire de la Presse во Франции одно периодическое издание приходилось в 1893 г. на 25 000 жителей.

[2] Цифра заимствована из ст. Л. Павленкова («Ист. вестник», 1894).

[3] См.: Otto Hübner's Geographische-Statischen Tabellen, 1894. Цифры относятся к 1892 г.

вышло 5442 назв. (18 540 390 экз.), в 1888 г. немного меньше (5317 назв., 17 395 050 экз.), в 1889 г. несколько больше (6420 назв., 18 777 891 экз.), в 1890 г. больше названий (6262 назв.) и меньше экземпляров (18 353 126), в 1892 г. значительно больше и того и другого (7188 назв. и 24 819 933 экз.[1]), а в 1893 г. 7722 названия в 27 224 903 экз. Но как ни велики эти цифры, они не поражают своей величиной. Принимая население России без Финляндии в 110 628 676 душ (по свед. 1890 г.), мы увидим, что на каждую душу в 1890 г., напр., вышло ни больше, ни меньше, как по 0,16 книжки, т. е. 4 книжки на 25 человек или 56 названий на миллион человек. Уже одна эта цифра показывает, до какой степени каждая книжка, вышедшая из типографии, тонет и исчезает в массе людей. Довольствоваться таким малым количеством книг может лишь *полуграмотная и неграмотная* масса. На самом деле так оно и есть. В 1886 г. Европейская Россия выставила лишь 29,45% грамотных новобранцев, а в 1887 г. 31,34%. Остальным миллионам душ печатная бумага ни к чему не нужна, разве что на папироски. Еще печальнее покажется положение дела, если принять в расчет, что не всякую печатную бумагу можно назвать книгой. В 1887 г. из общего числа вышедших книг 3¼ миллиона было книг справочных, т. е. главным образом, *календарей:* в 1888 г. было почти четыре миллиона их (25%), в 1889 г. 4¼ миллиона, и, наконец, в 1892 г. 5 303 382. Из этого видно, что справочные книги прогрессируют у нас из года в год... Отбросим из остальной суммы вновь выходящих книг те, которые идут в народ, которые потребляются читателями из народа, отбросим учебники, идущие главным образом к тем, кто еще только присоединяется, так сказать, к культурным слоям человечества, оставим только книги научные и беллетристические, которые, несомненно, расходятся почти исключительно в культурных слоях и которые поэтому особенно характерны для читателей этих слоев. Книги по философии, истории, по политической экономии, по юридическим наукам, естествознанию и т. п. читает в настоящее время привилегированный класс; беллетристика в дорогих изданиях попадает главным образом тоже в его руки. Из всей массы вновь выходящих книг на его долю приходится ежегодно от 5½ до 6½ миллионов экземпляров или от 3000 до 3700 названий книг, почти недоступных народной массе по языку или по цене. Предположим, что к привилегированным классам принадлежит одна десятая часть населения городов — эта цифра будет не выше, а скорее ниже действительности; предположим затем, что все привилегированные классы грамотны (чего, в сущности, сказать нельзя, так как из торгового сословия попадаются нередко люди неграмотные), словом, сделаем все допущения в лучшую сторону и, в конце концов, получим, что на каждого человека из командующих классов выходит еже-

[1] Цифры берем из работ Л. Н. Павленкова («Ист. вестник», 1887—1893).

годно от трех с половиной до пяти экземпляров книг или *меньше чем два названия на тысячу человек.* По такой микроскопической капле увеличиваются наши книжные богатства из года в год. За шесть лет (1887—1892 гг.) не было случая, чтобы в течение года вышло более 46 книг по философии, более 467 по наукам историческим, более 250 по наукам политико-экономическим; увеличивается из года в год лишь число тех книг, которые нужны главным образом специалистам, — книги по медицине, технологии, сельскому хозяйству. За шесть лет число их названий возросло с 788 до 1000, а число экземпляров увеличилось почти вдвое. Число книг по отделу географии и путешествий падает из года в год (144 в 1888 г. и 95 в 1893 г.); политическим и общественным вопросам (по терминологии г. Л. Павленкова) тоже не везет. В 1890 г. вышло всего 15 названий таких книг (!). Даже беллетристики (кроме драматических произведений) и то выходит ежегодно всего лишь около 500—600 названий: в 1889 г. — 541 (1 761 390 экз.), в 1890 г. — 508 (1 687 718), в 1892—644 (2 041 097) и в 1893 г. — 629 (2 043 973 экз.).

Значение этих цифр будет еще меньше, если принять в расчет не только количество, но и качество книг. Наш книжный рынок обогащается новыми книгами на самом деле еще медленнее, чем показывают эти цифры. Во-первых, есть книги, которые появляются на рынке не в первый раз, а выходят вторым и третьим изданием. Таковых в 1893 г. было из 7782 названий 1396 (около 22%). Из периодических изданий извлечено 480 названий, которые тоже нельзя приписать к новинкам. По одной беллетристике в 1892 г. было 94 повторных издания (из 644), т. е. около 15%, есть повторные издания и по другим отделам. Во-вторых, число названий, обозначенное выше, должно быть уменьшено, так как очень часто на книжном рынке одновременно появляются одни и те же книги в разных изданиях. В 1887 г. появилось сразу 163 названия соч. Пушкина в количестве 1 781 375 экз.; в 1892 г. — 10 разных изданий Кольцова (86 950 экз.). Даже в 1893 г. сочинений Пушкина было выпущено 14 названий (92 700 экз.), а соч. Кольцова — 9 названий (61 200 экз.). Нет ни одного романа Золя, нет ни одного произведения Жюля Верна, которое не появилось бы на русском рынке сразу в нескольких изданиях, к тому же находящих себе сбыт. В 1888 г. сочинения Одоевского, Марлинского, Фонвизина и Грибоедова появились сразу и в петербургских, и в московских изданиях, в этом году то же испытала на себе «Палата № 6» Чехова. Такие явления встречаются обыкновенно каждый год. Новое, действительно новое, прибавляется на книжный рынок по капле, но из новых творений многие, как мухи-поденки, живут лишь от восхода до заката солнца, и затем трупы их исчезают во тьме ночи или в свете нового дня, имеющего своих поденок.

Русского читателя обвиняют в погоне за новым. Это неправда. Русский читатель до настоящего времени в значительной степе-

ни живет стариной. Он читает и перечитывает не только Пушкина и Лермонтова и раскупает сотни тысяч томов их сочинений: он покупает и творения писателей прошлого века, и 20-х, 30-х, не говоря уже о 40-х годах. В 1888 г. напечатано 1800 экз. сочинений Фонвизина в Москве, 4025 экз. сочинений Полежаева (там же), 5000 Дельвига, 5000 Богдановича, 5000 Марлинского, 5000 Кукольника, в 1892 г. 15 000 экз. сочинений Одоевского в Петербурге и 2400 его же в Москве, Растопчиной, Измайлова, Екатерины II, Карамзина (в издании Суворина и журн. «Север» *). В последние годы стало даже обычаем, что иллюстрированные издания привлекают к себе подписчиков, обещая им творения писателей, уже пережившие срок литературной собственности, и эти творения расходятся вместе с журналами в десятках тысяч экземпляров. А. С. Суворин, поместивший в свою «Дешевую библиотеку» писателей XVIII века и 30—40-х гг., только угадал этот общий дух. Повторные издания этих сочинений показывают, что в глубине России еще живет читатель, которому по плечу писатели этих годов, которому, быть может, не лишнее знать и то, что дают ему эти писатели. Можно было бы думать, что произведения старинных писателей находят себе читателей только из числа учеников и учениц, читателей, так сказать, по обязанности. Мы, основываясь на ответах наших корреспондентов и на наших личных наблюдениях, думаем, что это не так. Подписчики «Родины» * и «Нивы», расходящихся в почтенном количестве среди духовенства, среди чиновничества и других «служилых» лиц в провинции, читают и находят удовольствие и в Ломоносове, и в Фонвизине, и в Карамзине. Литературные течения по всей читающей России катятся, если можно так выразиться, волна за волной. Уже прошло почти сто лет, как над передовыми читателями пронеслась волна псевдоклассицизма, семьдесят с лишком лет, как пронеслась волна сентиментализма Карамзина, затем романтизма Жуковского и т. д., и т. д., но где-то там, в недрах провинции, эти волны катятся до сего дня, разбегаясь кругами во все стороны, захватывая все большую и большую массу людей и уступая дорогу следующей волне. Нечего удивляться, что там, где еще катится волна XVIII века, не пользуются вниманием, не встречают одобрения произведения конца XIX. Есть читатели, у которых «Бедная Лиза» Карамзина исторгает слезы, читатели, которые не видят всей ходульности и фальши произведений подобного рода; есть читатели, которым «Душенька» Богдановича нравится больше, чем «Мертвые души» Гоголя, читатели, на нервы которых не подействуют лиры современных поэтов, но которым приходится по душе Державин и даже Ломоносов... Литературное развитие отдельного человека, предоставленного самому себе и лишенного руководства и указаний на что-нибудь лучшее, да и не имеющего под руками этого лучшего, — литературное развитие такого человека имеет много аналогичных черт с таким же развитием общества. Аналогию можно вести и даль-

ше: как влияние другого, более культурного народа ведет к упразднению или, по крайней мере, сокращению промежуточных ступеней, так точно и влияние живой личности, влияние школы ускоряет движение старых литературных волн, наступление новых...

Эти старые книги, возрождающиеся на рынке новыми изданиями, исчезают довольно быстро в провинциальной, да, вероятно, и в столичной глубине. Произведения авторов новых печатаются далеко не всегда в больших количествах экземпляров, да и расходятся далеко не так скоро, как это можно было бы ожидать. Пятое издание Некрасова, вышедшее в 1888 г. в количестве 15 000 экз., не распродано до сего дня, издание соч. Островского (7200 экз. в 1888 г.) тоже. Сочинений Майкова напечатано всего 2600 экз. — в два раза меньше, чем Кукольника; повторение этого издания потребовалось лишь в 1893 г. Правда, все наши классики находятся в издательском плену, откуда, по известной статье устава «о цензуре и печати», выбрались лишь немногие, и гг. издатели продают их по такой цене, что только и могут покупать люди более или менее состоятельные. Но почему бы ни расходились в таком ничтожном на всю Россию количестве наши классики, факт остается фактом: наших классиков целым сотням тысяч, миллионам грамотных людей неоткуда и узнать. Шесть или семь тысяч экземпляров на полторы тысячи городов России, это выйдет по четыре, по пяти экземпляров на город. О классиках иностранных не приходится даже и говорить. Собрания их сочинений, существующие на русском языке, доступны еще меньшему кругу читателей, что, впрочем, не мешает приверженцам литературной конвенции желать еще большего ограничения этого круга.

Нет ничего удивительного, что новые издания лучших авторов попадают далеко не во все города... Между тем произведения тех писателей, которых издатели пустили в свет по дешевой цене и потому в большом количестве, в течение нескольких лет разошлись в читающей массе в 5—6 раз большем количестве и быстрее, чем дорогие классики в десятки лет. Припомним успех трехрублевого издания Некрасова, успех первых изданий Успенского (20 000 экз.). Но и это, по-видимому, огромное количество тонет в обширных пространствах Российской империи... 20 000 экз. на 5 миллионов читателей из привилегированных классов, по 1 экз. на 250 человек. Что же тут удивительного, что среди этих «классов» встречаются люди, не знающие даже имен тех писателей, которыми должна бы была гордиться вся страна? Если бы издания Достоевского, Тургенева, Островского и других печатались через год, если бы они расходились ежегодно до десяти тысяч экземпляров, так и тогда они приходились бы по одному экземпляру на сотню человек из привилегированных классов, по одному экземпляру на тысячи квадратных верст Российской империи...

Впрочем, издание сочинений выдающихся авторов — явление далеко не частое. В 1888 г. вышло таких изданий всего 22 названия. Остальные сотни названий принадлежат книгам иного рода — русским и переводным, и в этих сотнях названий, в этих миллионах экземпляров беллетристических книг теряются знаменитые имена. В 1890 г. более двухсот названий принадлежит иностранным авторам, в 1892 г. из 664 — переводных 140, а из них много произведений «бульварных». Не забудем, наконец, и изданий московских торговцев Никольского рынка — Земского, Леухина и др. Эти издатели поставляют свой лубочный товар не только народу, но и «командующим классам». Разве в народ идут изданные ими пятирублевые «Пантеоны всех наук», тоже пятирублевые «Разбойники Чуркины», разве для народа составляются и издаются «Настольные книги холостым, с общепонятными рисунками» (ц. 3 р.), «Бездны удовольствий для молодых людей, любящих повеселиться», «Весельчаки с новым шиком» (ц. 3 р.)? Эти чисто лубочные книги потребляются читателями из привилегированных, хотя и далеко не культурных классов, и печатаются в таком же и даже большем количестве экземпляров, чем сочинения Тургенева, Островского, Гончарова.

Мы уже видели, какое ничтожное количество научных книг выходит ежегодно. Но и это ничтожное количество пролетает, так сказать, *над головами* читателей. Л. Павленков весьма старательно выписал все наиболее замечательные научные книги, вышедшие в 1888—1890 гг. Получился целый ряд имен и названий, несомненно, очень почтенных, заслуживающих внимания ученых людей, представляющих из себя, быть может, и ценные вклады в науку, но вряд ли имеющих какое-либо значение для читающей толпы. Все эти книги для немногих избранников, специалистов, не имеющие в виду потребностей даже и культурной массы... «Серапион Владимирский», «Митрополит Евгений», «Монеты царствования Александра II». В числе 474 медицинских сочинений, вышедших в 1890 г., — 74 докторских диссертации, 39 небольших брошюрок, составляющих извлечения из специальных журналов и газет. То же число диссертаций было и в 1892 г. Если увеличение числа изданий в некоторых научных отделах было вызвано юбилейными событиями, пишет г. Л. Павленков, то в медицинском отделе таким юбилеем в 1892 г. была холера. Ею и объясняется, что число медицинских сочинений было в 1892 г. на 159 более, чем в 1891 г. А в 1893 г. оно опять уменьшилось. Уменьшилось в 1893 г. и число исторических книг на 33 названия и 45 615 экз. — скачок довольно крупный и достойный особенного внимания. Не следует ли искать объяснения ему в охлаждении интереса нашей публики к вопросам историческим и интереса к исторической жизни вообще, равно как и затруднительными условиями разработки этих вопросов? Зато нет ничего удивительного, что со времени недавней голодовки несколько оживился отдел сельскохозяйственных знаний, в которых теперь

так любят видеть спасительную панацею от всевозможных зол и бед, нечто вроде гомеопатического средства, более удобного, чем всякое другое?..

Стоит только познакомиться с каталогом вновь выходящих книг, чтобы заметить, что все научные отделы располагаются в два резко разделенные этажа, имеющие между собою очень мало общего, — если не считать общую бедность и оскудение: верхний этаж — сочинения специальные, доступные лишь избранным читателям, специалистам; нижний этаж — произведения скорее похожие на детские и народные, чем на научно-популярные. В шестидесятых годах, в период увлечения популяризацией естественно-исторических наук и всяких иных знаний, существовал, кроме этих двух этажей, еще и третий — средний, от которого теперь остался лишь едва заметный след. Сочинения Шлейдена, Россмесслера, Тиндаля, Уоллеса, Котты, Бюхнера находили себе путь в культурную *толпу*; теперь же именно такого рода произведениями научные отделы и оскудели. Старые популярные книжки разошлись, новых не имеется. Пересчитайте, много ли выходит научно-популярных книг, — вы сосчитаете их чуть ли не по пальцам. Толпе, вкусившей немного от древа науки и желающей продолжать свое самообразование, желающей читать научно-популярные книги, не из чего выбирать и нечего читать. Этим и объясняется явление, наблюдаемое во всех библиотеках, что на научно-популярную литературу 60-х гг. до сего времени запрос имеется. «Ботанические беседы» Ауэрсвальда и Россмесслера продаются по удвоенной цене, некоторые сочинения Уоллеса, Тиндаля, Фогта тоже... Словом, научный книжный багаж, отправляемый ежегодно в культурную публику, не удовлетворяет умственных потребностей целого класса людей. Специально научные сочинения летят над головою, а такие, хотя и прекрасные сами по себе, сочинения, как Кайгородова, М. Богданова, ползут по земле... Только немногие издатели, как, напр., Ф. Ф. Павленков, направили свою деятельность на издание научно-популярных книг, доступных культурной массе, и в этом его положительная и огромная заслуга.

Что в области литературы научно-популярной наблюдается оскудение особенно сильное, доказывается множеством фактов. Это могут подтвердить все преподаватели, добросовестно интересующиеся тем, что читают их ученики: сплошь и рядом не из чего выбирать. Московская комиссия по организации домашнего чтения, существующая при учебном отделе Общества распространения технических знаний, на первых же шагах своей деятельности натолкнулась на затруднения, зависящие от недостатка книг на русском языке по всевозможным отраслям наук и вместе с тем доступных, по возможности, широкому кругу читателей. Комиссии пришлось самой приступить к переводам и издательству книг через неутомимого И. Д. Сытина. На первом плане она принялась за издательство книг по истории — отдел наук, кото-

рый, казалось бы, мог бы быть богаче, чем другие... Стоит посмотреть списки книг, составленные комиссией по естественным наукам, чтобы воочию увидеть, что при их составлении комиссия должна была считаться с недостатком научно-популярных книг на каждом шагу. Достаточно для характеристики этой бедности книгами указать еще на тот факт, что в настоящее время на русском языке не существует ни одной книги, из которой читатель, получивший образование ниже среднего, мог бы познакомиться с геологией: маленькая книжка Гейки (изд. Пантелеева), книги Циттеля, Ляйелля (Основы геологии) давно разошлись; такая же книжка, как проф. Соколова («Прошедшее и настоящее земли»), дает лишь несколько отдельных очерков по геологии. Наиболее популярной книгой по геологии в настоящее время должен быть признан... первый том *университетского* курса проф. Иностранцева. В положении не лучшем, чем этот, находится и отдел биологии, и в особенности отдел химии. Этой науке особенно не везет, и бедность ее популярно-научными книгами особенно поразительна. Пусть интересующиеся этим вопросом перелистают соответствующие страницы «Книги о книгах» * — там в числе рекомендуемых книг фигурируют или далеко не популярные, или написанные задолго до того времени, когда была формулирована периодическая система элементов, т. е. совершенно устаревшие.

Кстати, отметим здесь, что огромное большинство (около 85%) научно-популярных книг, существующих на русском языке, — книги переводные. Этому-то отделу литературная конвенция больше всего и угрожает опасностью *, от которой не имеют никакой возможности предохранить российского читателя, не получившего среднего образования, но стремящегося к нему, наши русские популяризаторы, которых можно перечесть по пальцам... Центр тяжести литературной конвенции лежит именно здесь. Она отзовется не только на распространении книг, но и на распространении знаний. Она несомненно уменьшит количество популярно-научных книг на русском языке, так как для этой категории книг вопрос о цене — вопрос особенно важный. Всякое повышение цены уже отражается на распространении книги. Дорогие, специальные труды, доступные немногим, от этого, *быть может*, так не пострадают, как пострадают те, которые доступны многим... Говорю «быть может», потому, что и здесь вопрос остается все-таки спорным: специальные труды печатаются в малом количестве экземпляров.

Что широкая публика, жаждущая самообразования, стремящаяся продолжать образование, начатое в каком-либо учебном заведении, имеет чрезвычайно скудную наличность книг, способных удовлетворить ее потребности, — это отлично знают все, кому мало-мальски знакома наличность нашей научно-популярной литературы и знаком читатель ее. И малые запросы этого читателя нечем бывает удовлетворить, нечего ему указать, даже

оставляя в стороне вопрос о том, может ли он достать указываемую книгу. Специалисты, люди, стоящие в своем деле на научной высоте, имеют более богатый выбор книг, чем люди, желающие взбираться на эту высоту. Другими словами, научная литература способна удовлетворять по своему содержанию лишь меньшинству, а не большинству.

Наконец, есть еще обстоятельство, которое сильно благоприятствует бескнижию этого последнего, — это дороговизна книги. Книги дороги. «У нас нет дешевых книг. Наши книжные торговцы и издатели не умеют сойти с проторенного пути» («Неделя», 1893 г.). «Наши издатели привыкли к небольшим по числу экземпляров и дорогим по цене изданиям». «Русского знаменитого писателя легче и дешевле купить в немецком переводе, чем в русском подлиннике. Так, напр., «Обрыв», «Записки охотника», «Отцы и дети» на немецком языке стоят по 30 коп., а в подлиннике совсем нет отдельных изданий их». В изданиях лучших русских авторов царит самая беззастенчивая монополия. Вольф, стоящий в этом отношении на первом месте, выпускает сочинения Писемского в издании, которое стоит 34 р., сочинения Боборыкина стоят около того же. Глазунов отказывается издавать отдельные произведения сочинений Тургенева и Гончарова. Цена на сочинения Некрасова, которые выдержали чрезвычайно быстро два трехрублевых издания, вдруг повышается в новом издании почти в 2 раза — до пяти рублей, разумеется, не к славе наследников поэта... Сочинения Аксакова и Островского находятся тоже в плену, из которого *ни одно отдельное произведение* Островского не выбирается, а из сочинений Аксакова выбираются лишь немногие... Научно-популярные книги испытывают аналогичную судьбу. Из всех издателей научно-популярных книг опять-таки чуть ли не один Ф. Павленков с повторением издания понижает цену книги. Так, им была вдвое понижена цена на сочинения Нордау, Ломброзо, Тиссандье и др. Выпустила кое-какие недурные популярно-научные книжки хотя и одушевленная добрыми намерениями, но бестолковая фирма Маракуева и Прянишникова (в Москве), например, книжки Гёте, Тимирязева, Мензбира, Болла. В то же самое время эта фирма издала «Теплоту» Тиндаля по цене невероятно высокой, против которой знаменитый английский популяризатор, несомненно, запротестовал бы... Немало сделал Суворин своею «Дешевой библиотекой». В последнее время серьезную попытку в этом же направлении делает известная фирма «Посредник», уже сделавшая так много для улучшения народных изданий: она предприняла ряд дешевых изданий для интеллигентных читателей — изданий не только беллетристических (вышли произведения Чехова, Боборыкина, Г. Брандеса, Бьернсона и др.), но и научно-популярных (Фулье, Грота и пр.). Впрочем, все эти попытки немногих отдельных издателей совершенно теряются в массе попыток прямо противоположных.

II
КАК РАСПРОСТРАНЯЮТСЯ У НАС КНИГИ?

Этот факт не покажется странным, если мы бросим краткий взгляд на организацию распространения книжного дела. Книги не распространяются, между прочим, потому что, во-первых, их некому и негде распространять. Чтобы распространять доступные и интересные книги, нужно, чтобы был на них спрос, а чтобы был на них спрос, нужно по крайней мере, чтобы эти книги были известны. Русская действительность не удовлетворяет или удовлетворяет в весьма слабой степени и тому, и другому из этих условий.

Краткие сведения о книжной торговле наводят на очень печальные размышления. В 1883 г. во всей Европейской России, по сведениям Главного управления по делам печати, было книжных лавок, складов и магазинов 1377, в 1884 г.— 1453, в 1885 г.— 1543. С этого года число их начало падать: в 1886 г. их было лишь 1332, в 1887 г.— 1271. Дальнейших сведений не имеется. Это количество книжных магазинов на все пятьдесят губерний. Мы не станем уже говорить о Кавказе, где в 1887 г. на 12 губерний приходилось 46 книжных лавок, и о Сибири и Средней Азии, где таковых было всего *шесть*. Не забудем, что в Российской империи, по сведениям 1890 г., число всех городов равняется 1281, в том числе 659 в Европейской России, 468 в Привислянских[1] губерниях, 51 на Кавказе, 51 в Сибири и 52 в Средней Азии. На всю Олонецкую губернию, если верить официальным сведениям, приходится всего 1 книжный магазин или лавка, на Уфимскую и Оренбургскую по 2, на всю Симбирскую — 4, Калужскую — 6, Псковскую — 7 и т. д. В пятнадцати губерниях книжных лавок и магазинов от 10 до 20, только в 13 губерниях насчитывается их от 20 до 30 и лишь в *трех* губерниях от 30 до 40. А более 50 нет ни в одной, кроме Петербургской и Московской. Цифры же, характеризующие эти последние, как нельзя лучше рисуют, до какой степени неравномерно распределяются книжные богатства по лицу русской земли. В Московской губернии 177 книжных лавок и магазинов, в Петербургской 283. Вычтите это количество (460) из 1271— и на остальную Европейскую Россию придется 811. Чтобы читатель мог представить точнее, какое количество городов совсем лишено книжных лавок, приведем некоторые цифры. В Архангельской губернии, по сведениям 1887 г., на 12 городов приходится 10 книжных лавок и магазинов, в Вологодской на 13 городов — 9, в Гродненской на 26—14, в Калужской на 14—6, в Черниговской на 34 города — 16, в Херсонской на 23 города столько же (16). Если принять в расчет, что книжная торговля гнездится главным образом в губернских

---

[1] Так назывались тогда местности, захваченные царским правительством в Польше. — *Сост.*

городах, то что же остается тогда на города уездные, заштатные, не говоря уже о больших торговых селах, которые иной раз больше городов? Так, из Георгиевска пишут в «Сев. Кавказ»: «Кроме Манухинских и Шараповских произведений * ровным счетом ничего у нас нельзя приобрести: офеня, торгующий по субботам «оракулами»,— единственный в городе поставщик книг, как для взрослых, некогда учившихся в городских училищах, так и для всех». И не в лучшем положении находятся не один Георгиевск, а многие города Европейской России, тем более, что не всякую лавку, где продаются книги, можно назвать книжным магазином, не всякого книготорговца можно назвать распространителем книг. Чем торгуют книжные лавки в уездных городах? Главным образом, учебниками. О захудалости книжной торговли в провинции, о невозможности нигде купить желаемую книгу, хотя бы самую ходовую (т. е. ходовую в столичном смысле), раздаются голоса и с газетных столбцов, и из писем, получаемых нами. Нельзя ничего купить, кроме учебников, почти исключительно их одних, ни во Владимире губернском, ни в Екатеринославе. За немногими исключениями, книжные магазины, существующие в провинции, до такой степени бедны книгами, что не могут даже ничего *показать* читателю, ничего предложить на выбор. Им остается исполнять, большею частью, лишь полдела, т. е. выписывать книги по заказу, принимать на себя комиссионерскую роль, что по закону дозволяется каждому желающему. А чтобы выписывать книгу, давать заказ, публика или должна эту книгу знать, слышать о ней, или судить по рекламам, по библиографическим заметкам, или покупать, закрыв глаза. Ничего нет удивительного, что путем книжной торговли очень трудно книге проникать в провинцию, а читающей публике почти невозможно знакомиться с книгой чрез книжные магазины. Если и для более или менее состоятельных людей из привилегированных классов приобретение книг сопряжено со многими затруднениями, то что же сказать про людей менее достаточных? Не забудем, кроме того, что в провинции цена на книгу увеличивается расходом на пересылку, который продавцы, не обижая себя, прибавляют к продажной цене книги; что больших процентов скидок не знают даже библиотеки, и, во всяком случае, эти скидки не покрывают почтовых расходов; что, наконец, в последнее время почтовая такса на пересылку произведений печати увеличена,— что уж, разумеется, распространению книг не помогло,— не забудем всего этого — и положение провинциального человека, желающего купить книгу, нам станет ясным.

Выше мы видели, что книжные магазины сосредоточены главным образом в столицах; там же сосредоточено и издательство книг. В 1890 г. в Петербурге было напечатано 2766 сочинений на русском языке, в Москве — 1684, в 1892 г. в Петербурге — 3210, в Москве — 1962. За столицами следуют университетские города — Казань, Киев, Одесса, Харьков — и еще Тифлис. В из-

дательской деятельности в 1890 г. принимал участие лишь 141 город, в 1892 г.— 163 и в 1893 г.— 152. В течение этого года в одиннадцати городах типографии закрылись или бездействовали... Остальные пятьсот городов в печатании книг не грешны. В 1892 г. в пяти губернских городах напечатано лишь по одному сочинению, да и те, вероятно, официальные памятные книжки; в 2 губ. городах по 2, во Владимире (губ.), Костроме и Тамбове по 3, в Пензе и Полтаве по 4, в Калуге, Смоленске и Уфе по 5, в Каменец-Подольске, Самаре, Иркутске, Томске и Радоме по 6; Архангельске и Оренбурге по 7, в таких центрах, как Нижний Новгород и Тверь, всего по 10, в Саратове — 17 и т. д. Почему, спрашивает г. Павленков, производительность наших губернских городов в этом отношении так ничтожна? и не дает ответа на этот вопрос. «Можно, конечно, допустить, — говорит он, — что автор будет печатать свои сочинения более там, где существуют более льготные для сего условия, где это лучше и дешевле, т. е. в столицах, а так как в последних, да еще в университетских городах, кроме того, сосредоточивается более умственных сил, то остальные губернские города остаются как бы обездоленными... Но ведь каждый губернский город не какое же нибудь захолустье, и в нем как в центре известного района сосредоточена высшая местная администрация, имеется по нескольку средних и других учебных заведений, следовательно, должны быть и умственные силы, да и самое типографское искусство поставлено в последнее время на такую ногу, что провинциальные издания мало в чем уступают столичным. Между тем мы видим, что и в таком губернском университетском городе, как Харьков, число изданных в течение года русских сочинений не достигает (в 1890 г.) и ста, в других же, не университетских, не доходит и до половины этого числа, а в Вологде, Калуге и Оренбурге вышло (в том же 1890 г.) по 4 и, наконец, в *десяти внутренних губернских городах ни одного*». Очевидно, г. Павленков потому и не нашел ответа на свой вопрос, что источников оживления стал искать не там, где следует.

История издательского дела за последние шесть лет обнаружила еще одно явление, неблагоприятное для провинциальных любителей чтения: издательская деятельность концентрируется с каждым годом все более и более; число городов, где напечатаны десятки сочинений, уменьшается, а где напечатаны сотни их — увеличивается.

В 1893 г., сравнительно с предыдущим годом, выражаясь словами г. Л. Павленкова, книгопечатание увеличилось в Петербурге на 351 соч., в Москве на 260, в Варшаве на 57, в Киеве на 89, в Казани на 17, в Одессе на 11; оно повысилось немного и в Вильне, Воронеже, Саратове, Новгороде и Вятке, но зато во *всех прочих городах* (141) *понизилось*. Г-н Павленков дает следующую красноречивую табличку распределения издательской деятельности в 1893 г.

Напечатано всего сочинений на русском языке	7782
Из них в Петербурге и Москве на русском языке	5725
Следовательно, в провинции вообще	2057
Из них в провинциальных центрах	1829
В остальных городах	228

Централизация видна из этой таблички весьма наглядно. Еще нагляднее она, когда речь идет о числе экземпляров:

Всего напечатано экземпляров в 1893 г.	27 224 903
Из них собственно в Петербурге и Москве	23 512 272
В остальных городах	3 712 631

Комментарии излишни.

Такое сосредоточение издательской деятельности делает тем более необходимыми посредников между издателями и читателями. К сожалению, как мы уже указали выше, число книжных лавок и магазинов в провинции уменьшалось из года в год... В результате выходит так, что в центрах избыток книг: склады издателей и торговцев полны ими, издания и остатки изданий продаются букинистам, а там, в России, не только в глухих, но и не глухих углах, книгою не пахнет. Таков *факт,* в разыскание причин которого мы здесь входить не будем, чтобы не вдаваться в изложение многострадальных судеб русского общественного просвещения. Но вот какие явления не редкость на столичном книжном рынке. Всякий, кому приходится иметь дело с петербургскими букинистами, знает, что нередко у них появляются и распродаются по дешевой цене иногда со скидкой 50, 60, даже 80% совершенно новые, неразрезанные книги, издания почтенных фирм, с именами известных авторов. Так, распродавались на толкучке и у букинистов «О богатстве народов» Адама Смита, «История политической экономии» Бланки, «Опыт о законе народонаселения» Мальтуса, «Жизнь Гете» Д. Льюиса, «Избранные сочинения» Бентама, сочинения Бэкона и т. д., и т. д. Сочинение Арм. Карреля «История контрреволюции в Англии» до сего времени продается вместо 1 р. 75 к. за 25 к., «История индуктивных наук» Уэвелля — вместо 8 р. за 2 р. 50 к., «Физиология» Бони — вместо 10 р. за 2 р. и т. д., и т. д. Стоит лишь посмотреть каталоги петербургских букинистов — и в этих каталогах, в куче хлама, вы найдете и сочинения, подобные перечисленным выше. Как попадают к букинистам эти издания? Все это или залежавшийся в издательских складах товар, купленный букинистами чуть ли не на вес или за гроши, все это — «остатки изданий» или обломки разбитых кораблей — развалины рухнувших издательских фирм. <...> Все эти факты показывают, что в книжном деле обстоит благополучно далеко не все. Книги, попавшие в толкучку, не нашли распространения по своей номинальной цене, издававшие их фирмы, по тем или другим причинам, рухнули. Но вот что достойно внимания: в то самое время, как в Петербурге эти самые книги продаются задешево буки-

нистами, в провинции не только мало кто знает о дешевой распродаже их, но мало кто знает и о существовании этих книг. Их выписывают по номинальной цене, а то и выше цены.

Что касается до букинистов, то провинция совсем не знает и их, разве что продает этим букинистам за гроши на вес книжные сокровища, которые случайно попали в ее глубины. А это бывает нередко. Нам известны случаи, когда помещичьи библиотеки, стоящие тысячи, продавались за десятки и в лучшем случае за сотни рублей; когда, не зная, кому продать книгу, ее сбывали за пятачок на базар, и книга, если не попадала букинисту, покупалась даже неграмотным людом — на папиросы. Так попал, напр., один том Карьера в село Нижегородской губернии, так попал том сочинений Писарева на кронштадтский толкучий базар... Высасывающая, так сказать, деятельность букинистов в провинции недостаточно еще оценена. Правда, торговля подержанными книгами по удешевленной цене помогает перераспределению книжных богатств в обществе, но всякие «Посредники» Гартье (ничего общего не имеющие с известной издательской фирмой народных книг), всякие гг. Мельниковы, Богдановы, Клочковы дают провинции очень мало. Правда, некоторые провинциальные библиотеки, не зная, куда обратиться, обращаются к ним и получают скидку на старые книги; правда, Мельников, Богданов, Герасимов рассылают по провинции свои каталоги «удешевленных книг», но на самом же деле от них книга идет в провинцию по более дорогой цене, чем можно достать ее в Петербурге, даже у тех самых букинистов. Громко заявленная скидка только обманывает покупателей, а в результате — хлам, который не знают, как сбывать здесь, идет в провинцию, и без того лишенную книг вообще, главным же образом книг хороших.

Достойно внимания еще то, что букинисты, делая объявления в газетах о продаже «удешевленных» книг, проставляют сплошь и рядом *повышенные* цены даже на издания, не вышедшие из продажи. Например, роман Джованьоли «Спартак» продается букинистами выше цены, тогда как еще очень почтенный остаток этого издания лежит преспокойно на складе, если не ошибаемся, в «Спб. мастерской учебных пособий». Петербургский букинист «Посредник» ломит, напр., почтенную цену за «Историю кабаков в России», а эта книга до сего времени ее издателем Вольфом не распродана. Еще курьезнее история с сочинениями М. Вовчка, которые долгое время продавались выше цены, а потом вдруг оказались в изобилии у какого-то киевского книгопродавца. Все эти факты свидетельствуют о несомненно плохой организации книжного дела, невыгодной не только для публики, но и для авторов, и для издателей.

Проследим теперь, какова судьба тех книг, которые попадают в провинцию. Хоть и в чрезвычайно ничтожном числе, при всевозможных затруднениях приобретения и рассылки их, книги так или иначе попадают туда. Посмотрим, находят ли к ним

доступ провинциальные читатели. Отправить книгу в провинцию — только часть дела; необходимо, чтобы она не лежала там, чтобы читатели знали о ее существовании, чтобы ее могли брать все желающие. Большой ли оборот делают книги, принадлежащие частным лицам,— говорить об этом много не приходится. Не так уж много таких лиц в провинции, которые имеют более или менее значительные книгохранилища. Слова Мордвинова, сказанные с лишком шестьдесят лет тому назад... к сожалению, далеко не устарели и до настоящего времени. «Известно,— писал Мордвинов,— что богатые люди у нас, большей частью, ничего не читают, а среднего состояния и недостаточные граждане не имеют возможности пользоваться книгами». Картина эта, начавшая было изменяться лет двадцать пять — тридцать тому назад, как кажется, в последнее время снова реставрируется. Только изредка приходится слышать о том, что в провинции у частного человека есть такие книгохранилища, откуда пользуется не одно это лицо. Есть книги у некоторых помещиков. Есть кое-где маленькие, но не дурные коллекции книг у учителей. <...>

С некоторого времени у некоторых органов печати вошло как бы в обычай отмечать и усиленно подчеркивать всякие светлые явления, если дойдет слух о таковом из того или иного уголка. Вследствие этого усиленного подчеркивания получается нечто странное: самые обыденные явления, до того мелкие, что при ином настроении никто не стал бы о них и говорить, превращаются чуть ли не в ласточек, которые делают весну. Радостные ликования по поводу таких ласточек доносятся с разных сторон. Бесспорно, что все это достойно того, чтобы его отметить и поддержать, но не нужно забывать и перспективы: нужно не только отмечать эти светлые явления, нужно *подсчитывать* их и, лишь подсчитав, делать на их основании выводы... Все это мы говорим во избежание упреков в излишнем пессимизме. Мы не закрываем глаз на светлые явления, но, подсчитав их, мы решительно не видим причин радоваться.

Нечего и говорить, что круговращение книг, принадлежащих частным лицам, весьма ограничено и не может быть даже сопоставлено с пользованием книгами из открытых для публики библиотек: у частных лиц обыкновенно книг бывает мало, да, наконец, далеко не все такие лица, имеющие книги, дают ими пользоваться.

Быть любителем *книг* — еще не значит быть любителем *содержания* известных книг. У очень многих людей любовь глубже переплета не идет; книги, роскошно и изящно переплетенные, в красивом шкафу, импонирующие посетителю, являются простою мебелью, которая, как и всякая другая мебель, на прокат знакомым не отдается... Если даже будет доказано, что частных книгохранилищ существует в России немало, то все же нужно будет доказать, что они — сила живая, а не мертвая, что они —

собрания живых душ, а не кладбища... Вряд ли это будет доказано, по крайней мере, для большинства...

Посмотрим же теперь на главный источник круговращения книжного — на общественные библиотеки.

Недавно вышедшая книжка проф. Рейера* о библиотеках в Европе и Америке дает поразительные цифры, которые показывают, до какой степени библиотечное дело поставлено там на широких началах и в каком блестящем положении оно находится. В Северо-Американских Соединенных Штатах насчитывается до 270 городов, имеющих большие библиотеки. В Англии таких городов свыше 225. Таких городов, где не было бы библиотеки, нет. Швеция еще в 1879 г. имела 1880 библиотек (с лишком в 3 раза больше, чем Россия в 1887 г.). Швейцария имеет теперь более 2000 библиотек, в Италии их 1852. Но оставим в стороне эти страны, сравнение с которыми в том или ином отношении так нелюбезно сердцу некоторых публицистов, полагающих, что гнилой Запад нам не указ. Возьмем Австралию, Японию и посмотрим, что говорят цифры об этих странах. Австралия в 1888 г. имела 3 672 000 жителей — немного больше, чем наша Киевская губерния. Между тем в 1887 г. одна Виктория при 1 036 000 жителей имела 314 общественных библиотек с 400 000 томов книг. В Новом Южном Уэльсе насчитывается 200 библиотек с 240 000 томов книг. В Новой Зеландии в 1889 г. была 361 публичная библиотека на 607 000 жителей. <...>

А в Японии даже действует специальный закон, обязывающий каждую общину нести известный библиотечный налог. Закон этот введен японцами по примеру Англии, где всякий город, имеющий не менее 5000 жителей, может установить у себя специальный библиотечный налог (не свыше 5 пенни на 1 ф. стерлингов), если только 10 плательщиков потребуют открытия библиотеки и большинство плательщиков к этому присоединится. В Японии число библиотек с 1888 г. чрезвычайно быстро возросло. Что касается до стран наиболее культурных, то о них могут дать понятие нижеследующие цифры. В Германии насчитывается в настоящее время 1609 публичных библиотек с 27 миллионами томов. Во Франции, Англии и др. странах библиотека имеется в каждом городе, да не является редкостью и в деревне. Они насчитываются тысячами. В Европейской России на все 659 городов 1883 г., по сведениям Главного управления по делам печати, приходилось общественных, частных и вообще публичных библиотек в 1884 г.— 509, в 1885 г.— 545, в 1886 г.— 630, в 1887 г.— 591. В Привислянских губерниях в 1887 г. было всего 68 библиотек, на Кавказе — 56, в Сибири — 12, в Средней Азии — 11. Чтобы понять эти скудные цифры, необходимо поближе присмотреться к ним. Число библиотек с лишком в *2 раза меньше* числа книжных лавок и магазинов. Если последнее, как мы видели, ничтожно, то что же сказать о первом? На всю Архангельскую губернию в 1887 г. было две библиотеки, на губернии Астраханскую, Ви-

ленскую, Олонецкую, Минскую и Область Войска Донского по 3, на Ковенскую, Нижегородскую, Оренбургскую, Уфимскую по 4. Только в 15 губерниях число библиотек простирается от 10 до 15, в 6 губерниях от 15 до 20, в двух (Пермской и Киевской) было 22—23 библиотеки. Наиболее богатые библиотеками губернии были Курляндская — 30, Смоленская — 32, Московская — 49, Петербургская — 59. Чтобы и эти цифры сделались понятнее, сопоставим число библиотек с числом городов. Нижеследующие цифры, взятые из официальных источников, позволяют сделать это сопоставление. Возьмем сначала губернии центральные, которые было бы грешно относить к медвежьим углам. Во Владимирской губернии в 1887 г. на 16 городов было 12 библиотек, в Нижегородской на 13 городов — 4 библиотеки, Тамбовской на 13 городов — 5, Тульской на 12 городов — 10, Орловской на 12 городов — 8, Курской на 18 городов — 16, Калужской на 14 городов — 10, Воронежской на 12 городов — 9. Затем в Херсонской на 23 города — 12, в Казанской на 15 городов — 14, в Самарской (1884 г.) на 10 городов — 8. Вот табличка, которая характеризует распределение библиотек в следующих губерниях:

	Число городов	Число библиотек
Архангельская	12	2
Астраханская	5	3
Вологодская	13	9
Волынская	12	6
Минская	11	3
Могилевская	13	9
Олонецкая	7	3
Подольская	17	7
Уфимская	6	3
Ярославская	12	12
Киевская	12	22
Рязанская	12	12
Саратовская	11	13
Симбирская	8	8
Тверская	15	18
Харьковская	17	17
С.-Петербургская	14	59
Московская	16	49

В огромном большинстве губерний число общественных, т. е. открытых для всех желающих, библиотек *меньше* числа городов, другими словами, в этих губерниях в каждой есть такие города, в которых библиотек не имеется. <...>

Вышеприведенные цифры дают полное основание предполагать, что, по меньшей мере, половина городов Европейской России совсем не имеет публичных библиотек, что из двух городов в одном человек, желающий достать книгу на прочтение, должен добывать ее из иногородней библиотеки. Что это предположение близко к истине, можно видеть и по материалам, собранным в 1889 г. Спб. комитетом грамотности. В этом году комитет обра-

тился к различным официальным и частным учреждениям и лицам с просьбой сообщить сведения по различным вопросам народного образования, как школьного, так и внешкольного. В число этих вопросов входил и такой вопрос: «существуют ли в вашей местности какие-либо библиотеки?» Более четверти всего числа полученных ответов гласили, что таких учреждений, как библиотеки, в их местности «нет», «не существует», «не имеется», *«не оказалось»* (sic): вот обычные выражения ответов, полученных Спб. комитетом грамотности. «Публичных библиотек в Дагестанской области не имеется»,— пишет в комитет местный военный губернатор. Председатель Можайской уездной земской управы пишет: «Ни одного из заведений, поименованных в программе Комитета грамотности, не учреждалось и в настоящее время нет, хотя и было бы желательно иметь их». Отрицательные ответы присланы из Киренска, Коротояка, Корочи, от Белецкой и Ковровской уездных земских управ, от начальника Сувалкской учебной дирекции, из Лебедянского уезда. Из Плоцкой губернии, за подписью плоцкого вице-губернатора, тоже получена бумага, что в плоцкой дирекции библиотек не существует, и пр. и пр. Староконстантиновский исправник пишет в Волынский губернский статистический комитет следующее: «Во исполнение циркуляра за № 000, имею честь доложить, что таких учреждений в Староконстантиновском уезде не имеется». Полицмейстер 2-й части г. Владимира-Волынска дословно пишет уездному исправнику, что «общественного и начального учреждения начального народного образования во вверенной мне части города нет. 18 августа 1889 года». Но не будем увеличивать этот хор официальных голосов, дружно тянущих одну и ту же ноту: «библиотек нет, не существует, не оказалось». Заметим только, что эта нота одна из целого аккорда, о котором дает понятие нижеследующий ответ: «Сообщаю Комитету грамотности, что хотя во вверенном мне отделе имеется 42 начальные школы, но в них не имеется ни учительских библиотек, ни музеев, не выписывается никаких изданий для учителей и учительниц на средства как их, так и казенные, не устраивается народных чтений, нет складов для продажи книг, а также нет воскресных вечерних и повторительных школ для взрослых...» Не правда ли, отсутствие библиотек — только частичка, если можно так сказать, всеобщего отсутствия?.. <...>

Но этого мало. Как пять сотен российских библиотек тонут в обширных пространствах России, так тонет и теряется каждая библиотека в массе городского населения. Возьмем те губернии, где число библиотек больше или равно числу городов, и предположим затем, что в этих губерниях в каждом городе есть по библиотеке, которою может пользоваться все население города. Нетрудно понять, что мы предполагаем случай самый благоприятный, от которого родная действительность обыкновенно отстает далеко. Сопоставляя тогда число библиотек с числом городского

населения, мы получаем следующие цифры. На одну библиотеку приходится следующее число жителей городского населения.

в губернии	Херсонской . .	47 743	в губернии	Казанской . . .	14 731
»	Саратовской . .	22 239	»	Симбирской . . .	12 821
»	Харьковской . .	19 613	»	Ярославской . . .	10 362
»	Московской . .	18 345	»	Тверской	8 506
»	Киевской . . .	16 825	»	Рязанской	7 537
»	Петербургской	16 523			

Что говорят эти цифры? Они говорят, что библиотеки теряются в массе городского населения, что даже в тех городах, где они имеются, район, приходящийся на каждую, громаден, что нет ни одной страны в Европе, где бы одна библиотека приходилась на столь громадное число жителей.

Библиотек мало; книга, попадающая с большим трудом в провинцию, только в редких случаях делается общим достоянием читающей публики. Но, быть может, если мало библиотек, зато в каждой много книг, и эти книги хорошие? Чтобы ответить на этот вопрос, бросим взгляд на провинциальные библиотеки, сначала общественные, потом частные и т. д.

Захудалость библиотек — явление в настоящее время обычное и широко распространенное. Если бы кто-либо взял на себя труд подсчитать число библиотек более или менее благоденствующих и библиотек захудалых, едва влачащих свое существование, то вряд ли можно сомневаться, что ко второй категории ему пришлось бы отнести добрых две трети всех существующих библиотек. Захудалость библиотек — у нас явление хроническое, такое же хроническое, как спячка в медвежьих углах, как вечное затишье в уездных, как официальная тишь да гладь в губернских. Библиотечное дело оживало лишь тогда, когда оживала русская жизнь; оно падало, когда замирала эта жизнь. Даже тогда, когда и в официальных сферах было признано желательным устройство публичных библиотек по разным городам, усилия в этом направлении разбились о провинциальную тишь и гладь, как о каменный утес. Мордвинов в своем письме к министру внутренних дел А. А. Закревскому (в 1830 г.) свидетельствует, что «публичные библиотеки для чтения заведены только в Петербурге, Москве и Одессе». На его энергичный призыв и на циркуляр министра кое-какие города откликнулись. В 1836 г. публичная библиотека была заведена в Вятке, в Смоленске и Нижнем Новгороде еще ранее (1831 г.), в 1835 г. в Сарапуле, около того же времени в Саратове, в 1832 г. в Кишиневе, в 1834 г. в Екатеринославе и Симферополе, в 1841 г. в Керчи и т. д. Накануне эпохи великих реформ, в 1856 г., по отчету министра народного просвещения, существовало во всей России 49 библиотек! В 1842 г. их числилось 42, и во всех них в совокупности значилось 93 000 томов книг. Быть может, найдутся оптимисты, которые возрадуются, как мы шагнули вперед с дореформенных времен. Пусть они возьмут период еще более древний, тогда библиотек было

еще меньше, чем в 40-х гг. О судьбах этих библиотек может дать понятие судьба одной из них — так они одинаковы. Возьмем для примера библиотеку нижегородскую. В Нижнем Новгороде дворянство для устройства библиотеки предложило пожертвовать 10 000 рублей ассигнациями, собрав эту сумму уравнительно со всех дворян-помещиков Нижегородской губернии. Проект этот в исполнение не был приведен, так как «правительство, вместо обязательного сбора, разрешило дворянству открыть подписку для *добровольных* приношений, что и было исполнено дворянством, пожертвовавшим в том же году на учреждение в городе библиотеки... 1434 р. 48 к. асс.».

Независимо от этого сбора, «для пополнения библиотеки» было прислано несколько сот томов из министерства народного просвещения и нижегородского губернского правления. «Книги были сданы предводителем в архив дворянского собрания, где они и хранились до 1850 г.». В 1837 г. нижегородское дворянство, еще не видевшее библиотеки у себя в губернском городе и пожертвовавшее на нее в семь раз меньше, чем обещало, уже признает необходимым отложить вопрос о библиотеке до более удобного времени. «Но *так как,* по отчетам министерства народного просвещения, публичная библиотека в Нижнем Новгороде *показывалась уже существующей,* то дворянство в феврале 1838 г. распорядилось поместить на первый раз собранные книги в доме благородного пансиона». Вскоре затем собранные книги и пожертвованные деньги перекочевали из пансиона к почетному попечителю гимназии Н. В. Шереметеву, где и пребывали мирно, не тревожимые никем, несколько лет. От 1846 г. мы имеем о библиотеке такие сведения: в этом году «нижегородский губернатор князь Урусов обратил внимание на состояние библиотеки и нашел, что она находилась в *недвижном положении,* что в течение 8 лет ни малейшим образом не умножилась и не улучшилась и что воспитанники пансиона, где хранилась библиотека, книг не читают; переданные же дворянством директору института г. Грацинскому деньги 1434 р. 48 к. ассиг. в течение 8 лет остаются без всякого приращения». Князь Урусов принял меры к улучшению библиотеки: перевел ее в 1847 г. снова в заведование местного губернского начальства и велел составить опись книгам, имеющимся в ней. Там библиотека снова замерла еще на 14 лет. Она ожила, когда ожила русская жизнь. «6-го января 1861 г., на праздничном обеде в думе, по случаю крещенской иордани[1], — читаем в «Нижегородских губернских ведомостях» (1865 г., № 13), — представители всех *сословий* заявили мысль о серьезной необходимости удовлетворить возникающей в обществе потребности читать и для осуществления этой мысли тут же собрали по подписке 1000 руб. с<еребром>». Так было до восьми-

[1] Старинный русский народный обычай в день Крещения купаться в проруби на реке. — *Сост.*

десятых годов, когда снова наступило затишье и стали заметны довольно существенные перемены в библиотечных делах. Повеяло новым духом, и в настоящее время вряд ли можно кого-либо удивить, приводя многочисленные факты захудалости библиотек. К сожалению, этих фактов так много, что, без сомнения, они заставляют волей-неволей признать, что вышеприведенная статистика библиотек не совсем точно выражает действительность — показывает эту последнюю с лучшей стороны. <...>

Если таково состояние библиотек общественных, то нужно ли говорить о состоянии частных библиотек, существующих без всякой поддержки, на свои средства? Не процветает даже большинство столичных частных библиотек, а иные совсем влачат свое существование. <...>

Впрочем, на общем фоне библиотечного запустения блещут кое-где и звезды. Некоторые провинциальные библиотеки, несмотря на все неблагоприятные условия существования, успели достигнуть довольно крупных размеров и развить свою деятельность довольно широко, вернее, успели вырасти быстрее других. Правда, и эти наши *первые* библиотеки — первые только относительно. В то время, как в Бостонской библиотеке 560 тысяч томов, а бюджет ее достигает, по проф. Рейеру, 670 тысяч марок, в то время как из публичной библиотеки в Чикаго выдается ежегодно 1,3 миллиона томов, из Нью-йоркской — миллион томов, из Балтиморской 700 000, Филадельфийской 450 000 и т. д.; в то время как из Манчестерской библиотеки (в Англии) в 1891 г. выдано было 1,5 миллиона томов и т. д., и т. д., число томов и число посетителей наших библиотек везде приходится считать даже в лучших случаях десятками тысяч. <...>

III

БОГАТЫ ЛИ БИБЛИОТЕКИ ХОРОШИМИ КНИГАМИ?

...Ведь одно дело количество библиотечных книг, и другое дело качество их. Чтобы судить о книжном составе библиотеки, нужно выяснить те требования, которые к библиотеке необходимо предъявлять. Здесь мы позволим себе, ввиду чрезвычайно малой разработанности теоретической стороны библиотечного дела, сделать небольшое отступление в сторону, прежде чем рисовать дальше картину наших книжных богатств.

Идеал каждой библиотеки — не только богатый выбор книг, но и известный подбор их. Для того чтобы библиотека могла правильно работать, чтобы она могла служить не только удовлетворению уличных и всяких иных вкусов, чтобы она была не одним развлечением, а могущественным орудием просвещения, каким должна быть книга и тем более совокупность книг — литература, совокупный труд лучших умов человечества, сокровищница его знания, мысли, чувства, стремлений и надежд, — словом, чтобы

библиотека была тем, чем она и должна быть, — в ней необходимо должен находиться некоторый цикл книг. В этом-то цикле или, если так можно выразиться, *библиотечном ядре**, и лежит центр тяжести каждой библиотеки, чтобы она могла работать, занимать свое место в общей системе народного просвещения, а не только выдавать книги на прокат, получая за это плату или не получая ничего. Есть книги, которые должны быть в каждой открытой для публики библиотеке и отсутствие которых весьма невыгодно отражается на деятельности ее. Подбор книг в этом ядре должен быть и систематичен, и обширен, чтобы каждый запрос мысли, каждый порыв любознательности, в какую бы сторону мировой, общественной или личной жизни он направлен ни был, мог бы быть удовлетворен, чтобы в библиотеке нашлась книга, если и не отвечающая на данный запрос, то дающая, по крайней мере, материал для решения его. Если так можно выразиться, библиотека должна быть *книжным отражением Вселенной*. В основе библиотечного состава должна лежать схема наук, философская схема, распределяющая все явления мировой жизни в известной последовательности и порядке, например, хотя бы схема наук Огюста Конта *, которая есть вместе с тем и схема явлений мира. Можно как угодно относиться к его классификации, изложенной в знаменитом Cours de philosophie positive[1], но нельзя не признать, что для систематизации библиотеки схема О. Конта дает прекрасную руководящую нить. Но не в той или иной схеме и дело. Кому не нравится схема О. Конта, пусть берет схему Спенсера, даже Бэкона, пусть, наконец, хотя бы и выдумывает свою, лишь бы выполнено было главное условие — чтобы на основании классификации явлений природы были классифицированы науки, чтобы на основании этих последних — классифицированы книги. Классификацией явлений природы должен определяться и библиотечный состав, вернее, состав ядра. Это ядро должно представлять из себя энциклопедию, хотя энциклопедию особенную, составленную из разных сочинений, разных авторов, разных издателей, разных времен и народов. Эта энциклопедия, идя от общего к частному, должна заключать в себе некоторый minimum наук, абстрактных и конкретных, «чистых» — теоретических — и прикладных. Эта minimum-энциклопедия для каждой мало-мальски порядочной библиотеки обязательна; что касается до maximum'а, то он не может быть определен и граничит с бесконечностью. Maximum определяется состоянием наук в данный исторический момент. С другой стороны, он определяется состоянием библиотечных средств. К сожалению, этот систематический minimum составители библиотек редко имеют в виду. Они гонятся за известными сочинениями, за именами авторов, которые сегодня читаются нарасхват, а завт-

---

[1] «Курс позитивной философии» (*франц.*).

ра забываются навеки, но не гонятся составлять известный цикл книг, уничтожая этим все значение библиотек.

Но один цикл наук еще не вполне определяет библиотечное ядро. Библиотека должна не только иметь книги, распределенные по циклу наук, но и облегчать всякому желающему путь к той науке, которая в данное время интересна ему. В хорошей библиотеке по каждой науке должен быть такой подбор книг, который мог бы вводить в область знания людей всяких степеней образования, от низших и до высших. На этом основании хорошая библиотека должна иметь по каждой науке, во-первых, книги, сообщающие знания элементарные, изложенные настолько просто, что они будут по плечу людям, получившим образование начальное или вообще ниже среднего. Это первая категория книг в каждом отделе наук. Затем вторая категория — книги, доступные людям, получившим образование среднее (путем ли саморазвития или в каком-либо учебном заведении); наконец, третья категория — книги специальные, доступные людям с высшим или специальным образованием. При такой постановке библиотека не только развертывает перед подписчиками систему наук, заинтересовывая ими, но и показывает *возможность усваивать ее,* усваивать мировоззрение, вырабатывать взгляды во всех областях жизни и мысли. Раз библиотека составлена таким образом, раз она дает и систему книг по всем наукам, и ряд последовательных ступеней по каждой, — тогда она, действительно, будет иметь общественно-образовательное значение, сможет давать ответы на запросы пытливого ума и о том, «что есть» и «как все произошло», ответы настолько основательные и точные, какие лишь возможны в пределах современного состояния науки... Подбор книг по схеме знаний — таков первый отдел хорошо составленной библиотеки.

Второй ее отдел должен служить удовлетворением запросов еще более мучительных, чем первый отдел, запросов о том, что *должно* быть. В этот отдел входят произведения моралистов и публицистов, лучших поэтов и «мастеров прозы», успевших своими произведениями занять известное место в истории прошлого или настоящего времени. Идеалы человечества, стремления лучших людей всех времен и народов, чаяния и надежды живых и мыслящих существ, поскольку они выразились в произведениях поэзии и прозы, — таково содержание этого отдела. Беллетристика входит в этот отдел, подбор беллетристики должен быть особенно обширен и богат, по тому одному, что беллетристика доступнее толпе, и читатель пользуется, прежде всего, ею. Выразители общественных течений, художники, критики и публицисты должны занимать в этом отделе такое же место, какое они занимали в истории общественных течений. При такой постановке отдел беллетристики является отражением истории человеческих стремлений, как научный отдел есть отражение того, что было и что есть. Критики и публицисты, толкователи и руководители

беллетристов и поэтов, должны сопровождать этих последних и в библиотеке, как они сопровождали их в истории; на каждое мало-мальски выдающееся произведение должна иметься в библиотеке и критика его.

Научный отдел библиотеки дает схему знаний. Сам читатель определяет и решает, каких знаний ему недостает, какие интересны, какие нет. Библиотека *указывает* книги, какие могут читателя удовлетворить. Читающих по *системе* мало; гораздо большее число читателей нуждается в приведении уже имеющихся знаний в систему и пополнении пробелов, замеченных в них. Этой потребности и должен помогать первый научный отдел библиотеки. Второй отдел дает, если можно так выразиться, схему общественных течений. Сам читатель определяет и решает, какие из них находят отклик и отголосок в его душе. Чуждая всяких тенденций, библиотека указывает ему не одно какое-либо течение, а все, по принципу audiatur et altera pars[1]. Сердце, мало-мальски отзывчивое, голова мало-мальски размышляющая, сами решат, на чьей стороне правда, на чьей ложь. Библиотека должна лишь *предоставить возможность* судить и выбирать[2].

Наконец, третий отдел хорошей библиотеки должен быть посвящен текущей жизни, должен заинтересовать читателя ходом вещей, возбуждать живое участие в нем, отправляясь с того места, на котором кто стоит. В этот отдел входят лучшие периодические издания, журналы, газеты и т. п., все заслуживающие мало-мальского внимания новинки печати, отклики на животрепещущие темы. Этот третий отдел должен служить данному месту и данному времени. Сюда должны быть отнесены и местные отделы провинциальных библиотек. «Местная провинциальная библиотека, — справедливо пишет г. Яковлев (библиотекарь в Одесской публичной библиотеке), — не имеет права игнорировать свой край и все те вопросы, которые выдвигает его жизнь. Она должна зорко следить за ними и употреблять все зависящие силы для своевременного удовлетворения тем местным интересам, которые выдвигает общественная жизнь».

Таков, по нашему мнению, должен быть *основной* подбор книг в библиотеке. Пусть вышеуказанные отделы не соответствуют распределению книг в каталогах, где система эта, может быть, и не удобна, но *значение* библиотеки определяется именно ими. Все три отдела должны быть, так сказать, закруглены, чтобы библиотека приносила должную пользу и имела успех. В библиотеке могут быть очень хорошие капитальные книги, которых, к сожалению, только некому читать, и не быть популярных, которых если никто и не спрашивает, то лишь потому, что никто не знает, что они существуют на свете, но которые пустить в оборот, сделать известными — нравственная обязанность библиотеки. Меж-

---

[1] Пусть будет выслушана и другая сторона (*лат.*).

[2] Здесь Рубакин отдает дань буржуазной теории книжного дела. — *Ред.*

ду тем если бы заинтересовался читатель вторыми, то, несомненно, добрался бы понемногу и до первых... Такое несоответствие, крайняя неполнота состава, случайность его — основной недостаток огромного большинства библиотек. За системою в подборе книг не гонится никто. Книги покупаются те, на которые есть спрос, которые удается дешево купить, которые попали в библиотеку как-нибудь случайно, которые получены, наконец, в виде пожертвования. У русского человека, как мы видели, в руках и без того мало хороших книг, так что хорошие пожертвования не слишком часты. Наконец, пожертвованиями обыкновенно управляет не совсем общественный принцип: на тебе, боже, что нам не гоже... <...>. Как отличить хорошую книгу от худой, доступную от недоступной? Каталоги большинства публичных библиотек не только ничего не говорят читателю, не помогают ему в выборе книг, но как будто бы и созданы для запугивания этого читателя. Вы находите в них книги специальные и научные, капитальные, которые найдут, положим, 5 человек читателей в год каждая; вы почти не находите или находите мало книг научно-популярных, которые для русской читающей публики особенно-то и нужны и сделать подбор которых, пользуясь литературой 60-х годов, все же еще возможно; наконец, книг первой категории (по нашей терминологии) вы не находите почти нигде, кроме Харьковской общественной (III разряд), Саратовской и частной библиотеки О. Кайдановой в Тифлисе и некоторых других. Библиотеки, претендуя на роль просветительных учреждений, требуют от подписчиков или подготовки, или умения прыгать прямо на третью ступень, минуя первые две. И это происходит совсем не оттого, чтобы не хватало денег на обзаведение «ядром», — на него денег нужно не слишком много, особенно разложив требуемую сумму на несколько лет, — деньги же тратятся, главным образом, на новизну, о которой судят по объявлениям. Происходят недостатки библиотечных каталогов в значительной степени и от непонимания своих задач гг. заведующими библиотеками, будь то отдельное лицо или комитет, состоящий из нескольких членов. Не понимая педагогически-просветительного значения этих учреждений, гг. библиотекари сплошь и рядом относятся совершенно пассивно к тому, чтобы помогать читателю в выборе книг. Редко кто принимает какие-либо меры для округления библиотечного ядра, редко кто руководствуется при покупке книг библиографией наших лучших журналов, которая в данном случае могла бы сослужить хорошую службу. Таким образом, образовательно-просветительный характер библиотеки теряется. Она оказывается не тем, чем должна бы быть. <...>

Но не только не во всех библиотеках имеются сочинения новых беллетристов — есть такие, где нет и классиков. Так, проф. Янжул припоминает, что в Рязанской библиотеке не было полного экземпляра сочинений Пушкина, но зато находились каким-то

образом попавшие туда драгоценные Cahiers[1] и разные французские официальные издания времен Конвента (все они пошли на вес букинисту). В Ржевской библиотеке долго не было Белинского, но зато был большой выбор книг XVIII века, например, путешествие академика Палласа на немецком языке; зато было огромное иллюстрированное описание «Народов России» Георги.

Словом сказать, составом своим не могут похвастать и лучшие библиотеки, в какой бы отдел мы ни заглянули. Даже отделы «местные», существующие при некоторых библиотеках, и те носят тот же характер хлама, собранного с бору да с сосенки. О составе частных библиотек нечего и говорить... Так, одна частная библиотека, находящаяся в большом фабричном центре наших приволжских губерний, насчитывала в 1892 г. всего 857 названий. Всякий, кто знаком с каталогами «удешевленных» книг, рассылаемыми по провинции оборотистыми торгашами, покупающими остатки изданий на вес, а продающими их в розницу, с барышом 100—400%, нашел бы, что эта частная библиотека составлена главным образом по каталогам таких господ. <...> Нам приходилось видеть провинциальные частные библиотеки, состоящие из трех полок книг. Содержательница жаловалась, что в их местности читать не любят. Да кто же станет неинтересные книги и читать? Кого удовлетворят такие составы библиотек? Правда, человек интеллигентный, найдя в такой библиотеке Бокля, будет рад ему. Но ведь не всякого Бокль обрадует: иных нужно еще к Боклю-то приучить.

Печальную картину представляют каталоги частных библиотек и столичных. И те, и другие находятся в огромном большинстве случаев в полной зависимости от самой читающей публики. Они волей-неволей должны прежде всего заботиться об угождении этой публике, об удовлетворении ее вкусов, каковы бы те ни были. Но все эти старания угодить публике поставлены в теснейшие рамки микроскопических бюджетов, из которых мало кто рискует вылезать, из боязни не только остаться без подписчиков, но и без денег. Погоня за публикой, с одной стороны, погоня за дешевыми книгами, с другой, — вот две причины, обусловливающие обыкновенно книжный состав частных библиотек. Необходимым следствием этих причин является, во-первых, чрезмерное преобладание в каталогах частных библиотек книг беллетристических, наряду с чрезмерною скудостью отделов научных, которые представляют обыкновенно пестрейший сброд попавшихся случайно произведений. <...> Раз библиотека сделается для читающей публики «источником воды живой», она привлечет и одушевит все способные к жизни элементы данной местности, и сама будет жива ими. Приспособление библиотеки к низшим вкусам публики — для библиотеки смерть, а не жизнь. Но чтобы служить жизни, самому нужно кое-что знать и понимать, относиться жиз-

[1] тетради (*франц.*).

ненно к содержанию книг, а не только к заглавиям их. Нужно для этого быть мыслящим читателем, а не библиографом из породы книжных червяков. <...> Поэтому нечего удивляться, что библиотеки, разумно составленные и богатые научными книгами, как в былые годы (в семидесятых годах, но не теперь) были библиотеки В. Черкесова и Макалинской в Петербурге или какова ныне Петровская библиотека в Москве, до сего времени остаются явлениями исключительными, хотя у этих библиотек и могли бы кое-чему поучиться все другие. Эти библиотеки сами создавали читателей, делая себя интересными для читателей из интеллигенции, облегчая ей доступ к книгам научным, умело выбираемым. Они сами шли к читателю, а не ждали, когда читатель придет к ним. Обыкновенно же библиотеки переполнены беллетристической дребеденью, а библиотекари, по-чиновничьи относящиеся к своему делу, сплошь и рядом совершенно лишены этой *читательской отзывчивости*. <...>

Было время, когда у нас не только существовало, но отчасти и процветало одновременно несколько журналов, поставлявших на книжный рынок одни переводные романы * («Собрание иностранных романов» изд. Е. Ахматовой, «Библиотека для чтения» Сахаровой. «Переводы отдельных романов» Львова (Лебедева), «Европейская библиотека» Пушкарева, журналы Кехрибарджи, Воронова и др.). Затем все эти журналы в конце 70-х и в начале 80-х гг. быстро исчезли, может быть, не без влияния более серьезных запросов жизни, которые пробудили события этих годов. Исчезнув с журнального рынка, издания этих редакций появились во множестве у букинистов, и так как продавались со скидкой в 60—75%, то и были быстро всосаны провинциальными и здешними (вновь открывающимися) библиотеками. Это явление книжного рынка положило отпечаток на состав частных библиотек, особенно провинциальных. Подлаживание под вкусы публики гармонирует с этим явлением вполне. Если это подлаживание управляет составом большинства столичных частных библиотек, то в провинции вкус публики — полный властелин. <...>

Картина современного положения библиотек, нарисованная нами, довольно печальна. Но могло бы быть и иначе, если бы библиотеки, и общественные, и частные, больше были бы проникнуты чувством солидарности и сознанием, что они служат одному и тому же божеству, если бы между ними было больше связи и взаимной поддержки, если бы библиотеки столичные делились своими дешевыми покупками с библиотеками провинциальными, помогали бы им, как могли, в покупке книг, устроили бы обмен дубликатами, если бы они сознательно продвигали хорошую книгу читателю, указывали на нее в печатных бланках, стенных таблицах и пр., как это делается на Западе, и т. д. и т. д. При этой солидарности и поддержке, при сознательном, активном отношении к делу библиотечная жизнь оживилась бы, опыт и знания одних помогли бы другим; оказалась бы выгода и с мате-

риальной стороны, облегчилось бы приобретение книг, те самые книги, которые ныне приобретаются провинцией со скидкой в 20—25%, приобретались бы со скидкой в 40—50% и от этой дешевизны выигрывали бы не букинисты, обделывающие свои дела и потихоньку набивающие цену на подержанную книгу (что так гармонирует с нынешним духом времени), а библиотеки и читатели... А дешевое пополнение библиотек хорошими книгами увеличило бы число этих читателей. Устроить обмен книгами и дубликатами не представляет никаких затруднений; для этого нужно лишь составлять списки дешевых книг и дубликатов и рассылать их по различным библиотекам. Некоторые библиотеки уже делают попытки такого обмена, напр., Одесская.

Итак, сводя все предыдущее к одному, можно видеть, что у нас не только мало библиотек и что многие из существующих захудали, но что в большинстве случаев и не захудавшие библиотеки похвастать своим составом не могут — состав этот пополняется как бог на душу положил, с бору да с сосенки без плана и без системы. Но этого мало — из предыдущего видны и глубокие органические причины, искажающие самый тип библиотеки, делающие ее наполовину непригодной для публики. Неумение библиотекаря, непонимание им своих задач — только одна из этих причин. То они слепо угождают вкусам публики, то приобретают настолько специальные книги, которые мало кто станет читать. А о систематическом подборе книг, о котором мы говорили выше, к сожалению, почти никто не заботится. Погоня за новизной — вот вся система и весь план. В подборе библиотечных книг повторяется то же явление, какое мы видели в издательском деле: одни книги, приобретаемые в библиотеки, висят, так сказать на воздухе, выше голов читающей толпы, другие — представляют результат слепого подлаживания к ее вкусам. Требовать от читателя, чтобы он читал то, что не вполне понятно или неинтересно, — это значит требовать от него невозможного. Между тем библиотекари слишком мало уделяют забот тому, чтобы сделать состав библиотеки *интересным и необходимым* для читающей *массы*. Но есть и другие причины, мешающие процветанию общественных и частных библиотек. Еще одна из них — это недостаток материальных средств. В огромном большинстве случаев общественные библиотеки, да очень нередко и частные, при современной постановке дела сами себя не окупают, а приносят дефицит. Факты, изложенные нами выше, достаточно объясняют, почему это происходит. <...>

К сожалению, плата за пользование библиотеками, даже общественными, существует почти везде, и нередко она весьма высока. Напр., в Харьковской общественной библиотеке по 1 разряду за одну книгу 30 к. в месяц, за 5 книг 1 р. 10 к. за тот же срок; в Слободской библиотеке от 3 до 6 р., Орловской (Вятской губернии) от 6 до 9 р., Сарапульской от 4 до 10 р., Воронежской от 2 р. 50 к. до 15 р. в год и т. д. Даже в Якутской библиотеке

плата за чтение от 3 до 5 р. в год. Не потому, что эта плата была не по силам подписчикам, представляет она помеху для чтения, а потому, что платить за книгу и за пользование книгой тоже нужно привыкнуть, а у нас книжное обращение находится в той фазе развития, когда привычка эта выработаться в «широкой публике» еще не успела... Вряд ли можно сомневаться, что плата за чтение отгораживает многих и многих «чистых господ» от библиотечных богатств, каковы бы эти последние ни были, как бы загородкой, приобретающей в их глазах размеры китайской стены; вряд ли можно сомневаться, что подписная плата не столько пополняет недостаток денежных средств данной библиотеки, сколько суживает читательский круг, позволяя пролезать сквозь условия подписки только избранным. Кроме подписной платы не только частные библиотеки, но и общественные обыкновенно требуют от подписчиков залог от 1-го до 5-ти и даже 6-ти рублей. Это требование для массы людей представляет еще большее затруднение, чем подписная плата, так как изъять такую сумму из обычного бюджета могут лишь достаточные люди. <...>

Итак, мы видели, что не только состав библиотек оставляет желать много лучшего, но и к имеющейся наличности книжного богатства доступ сопряжен с некоторыми лишениями и затруднениями — платой и залогом. Словом сказать, и та узенькая дверка, которая ведет к книжным сокровищам человечества, наполовину призатворена. Проследив шаг за шагом все районы книжного оскудения, постоянно все суживая и суживая круг наших исследований, мы наконец сделали полдороги. Нашу бедность книгами мы проследили с разных сторон. От времени до времени еще раздаются голоса, что в русском обществе — книг изобилие, книг избыток, книг перепроизводство, что их больше чем нужно, что оскудел читатель, а не книги... Насколько оскудел читатель, это мы увидим ниже. Но надеемся, что из всего предыдущего видно, какое значение, какую цену нужно придавать всем этим голосам. Наша бедность книжная поразительна, затруднения добывать книгу для чтения так велики, как нигде ни в одной стране Европы, не исключая даже Болгарии... Но у кого же мало книг? Только у народа? Нет, разрабатывая статистические и другие данные, мы везде имели в виду, в данном случае, не народ, а привилегированные, командующие классы. И у этих классов бескнижие — хроническая болезнь... Каково же бескнижие русского народа, для которого до сего времени не создано и тех пятисот библиотек, какие находятся в распоряжении «чистой публики», если не считать игрушечных библиотек ценою в *пять* рублей каждая? Во сколько раз мрачнее цифры, характеризующие распределение двух-трех сотен народных библиотек среди 20 миллионов грамотеев из стомиллионного народа? Этих цифр мы вычислять не будем. Приблизительное представление о них составить довольно нетрудно.

Среди читателей из народа, которым мы посвящаем вторую половину нашей книги, бедность книжная еще поразительнее. Они не только лишены книг, но, как мы упомянули, и лишены возможности добывать из библиотек, устраиваемых для них, какие-либо книги, за исключением вошедших в министерский каталог* и в «Опыт каталога книг для средне-учебных заведений»*. Для них в эти читальни допущено всего около 1500—2000 названий книг, из всех вышедших от начала грамотности на Руси, до переживаемого нами fin de siècle'я[1]. Если слишком поражает количественная сторона бескнижия русского народа, еще более должна поразить внутренняя скудость книг, имеющихся для него. На этом темном фоне бескнижия русского народа даже бескнижие привилегированных классов кажется светлым пятном.

Как это ни странно, как ни парадоксально, тем не менее совершенно справедливо, что русский читатель и из привилегированных классов, и из народа воспитывается на *отсутствии* книг; он растет на почве книжного оскудения. Только о столицах, только о немногих центрах провинции этого нельзя сказать, да и то не о всех читателях из привилегированных классов. <...> Письма, лежащие перед нами и написанные людьми самых разнообразных положений, начиная от интеллигентных крестьян и рабочих и кончая учителями, инженерами, священниками, содержат многочисленные жалобы на эту книжную бедность, это книжное оскудение, жалобы подобного рода, жалобы то забитого, то возмущающегося человека, нередко попадаются и на страницах провинциальных периодических изданий. Было бы большой ошибкой видеть в каждой жалобе «случайное отражение случайного настроения» одного лица. Эти жалобы — явление массовое; в них суммируется настроение тысяч людей, провинциальных жителей, грамотеев и любителей чтения из командующих классов. Что же тут удивительного, что книжки, изданные для народа, листовки и двухлистовки, расходятся в большом количестве и среди привилегированной «публики». Этот факт отмечается многими авторами ответов на наш «Опыт программы» и корреспондентами С.-Петербургского Комитета грамотности. Книг так мало, доставать их так трудно, что не приходится пренебрегать офенями и школьными библиотеками. <...>

«Лубочные книги, — пишут нам из Златоуста, — в большом ходу даже и не среди рабочих, а часто попадаются и среди канцеляристов и других подобных лиц, получивших мало-мальское образование. На 18 000—20 000 жителей в Златоусте нет ни одного книжного склада, ни одной частной библиотеки, нет никакой общественной, городской или земской библиотеки, исключая 2 клубных и училищной, которых книги доступны не всем». <...>

Словом, русский человек, уродившийся *читателем* на общей почве книжного запустения, добывает книгу откуда только мо-

---

[1] «конец века» (*франц.*).

жет. К сожалению, даже хитрые усилия достигают цели далеко не всегда. Петербургскому и московскому жителю, особенно такому, который стоит у *книг,* очень трудно или даже невозможно представить во всей безобразной реальности эту невозможность что-либо почитать или необходимость читать то, что не совсем желательно и интересно. Между тем подобные явления — самая обычная вещь на Руси. Что же тут удивительного, что на этой почве, в этой среде полученное когда-то образование выдыхается, умственная энергия пропадает, свежие струи, если и текут где, так не дотекают? Обстановка мучительно однообразная подавляет однообразием впечатлений, загипнотизировывает; лучшие стремления, ничем не питаемые, никем не поддерживаемые, бледнеют, исчезают ни за что ни про что, остается лишь бесцветная, бесцельная, подчас изрытая глубоко мучительными воспоминаниями, — не жизнь, а прозябание.

Да и школа не насаждает любви к чтению; до сего времени она снабжала лишь циркулярами, приглашавшими «читать с осторожностью», и снабжала до тех пор, пока не понадобились другие, еще недавно изданные циркуляры, предлагающие *учить читать,* приохочивать к чтению...

Что же тут удивительного, что на почве книжного и идейного запустения, всеобщей безработицы мысли процветает винт [1], принимающий форму нервно-психической заразы, что культурная Россия опоясана вдоль и поперек, от страны гиперборейской до твердыни византийской, от Вислы до Камчатки гирляндами зеленых столов, за которыми ломают головы и щекотят нервы «культурные интеллигенты». Голова так уж устроена, что над чем-нибудь да ломать ее необходимо, нервы тоже требуют раздражения. Откуда же оно придет в той пустыне, которую мы старались нарисовать выше? Без винта при таком положении дел действительно не могут жить тысячи культурных господ. <...> «Игнорируя потребность чтения, — жалуется одна провинциальная газета, — наше общество заполняет свои досуги исключительно картежной игрой. «Винт» стал у нас «злобой дня». Винтят и днем, винтят и ночью; где соберутся два или три, без винта не обходится. Взрослым подражает и молодежь, и грустную картину представляют собой эти не по летам серьезные, бледные от бессонниц юноши, почти дети, убивающие золотые годы за картами и пивом, не зная, не будучи знакомыми, хотя бы по одним именам, с такими даже корифеями отечества, как Гоголь, Пушкин, Лермонтов, Тургенев...»

«О низших слоях общества и говорить нечего, потребности к чтению ни у кого и никакой. Досуги заполняются шатанием по винным погребам, пивным лавкам и прочим нескучным местам. А между тем в этих низших слоях немало десятков людей, окончивших курс уездного и народных училищ, людей просвещенных

[1] Карточная игра. — *Сост.*

хоть незначительными крупицами преподанных им в этих заведениях знаний, которые без поддержки их, без дальнейшего пополнения путем полезного чтения, постепенно стушевываются, переходя нередко лишь в смутные обрывки, лишь в полуграмотность». <...>

В тяжелые исторические моменты, ввиду недостатка учебных заведений, могущих вместить всех желающих, ввиду постановки этих заведений, не вполне удовлетворяющей запросам общества, саморазвитие и самообразование приобретает особое, выдающееся значение. Ими общественная мысль живет и дышит, в них черпает свои силы, в них хранит и питает лучшие традиции прошлого и заветные идеалы будущего. Спрашивается теперь, что делает общество, чтобы облегчить всем желающим дорогу к саморазвитию и самообразованию? Как оно борется с рецидивизмом собственного невежества? Картина, нарисованная нами выше, показывает, как велика наличность средств для борьбы с ним, для расширения и дополнения того, что дала школа...

Сводя к одному все вышеизложенное, мы получаем следующую картину той обстановки, в которой родится и вырастает русский читатель. Этот последний растет и развивается среди неграмотных людей, среди книжного и идейного оскудения, среди различных затруднений для более легкого доступа к книгам, для более быстрого обращения книг даже в культурной массе. Книг не только выходит мало в свет, но они и плохо расходятся, за неимением широко поставленной организации книготорговческого дела; так как книжных лавок на Руси меньше, чем каких-либо иных, книги не только плохо расходятся, но и те, которые разошлись, плохо достигают до публики, так как общественных книгохранилищ, библиотек, доступных всем желающим, самое незначительное число, но и из этого числа многие библиотеки захудали и оскудели, не удовлетворяют читателей по своему составу, слишком не приспособленному к той публике, которой библиотеки и должны были бы помогать; наконец, и к имеющемуся составу книг, каковы те ни на есть, благодаря плате за чтение, залогу и другим условиям, дверца призатворена. Ко всему этому прибавим, что сама инициатива общества в библиотечном деле крайне слаба. Не только не предлагается новых путей, но и не расчищаются старые. Нам известна лишь одна библиотека, устраивающая свои филиальные отделения по городам. Подвижных библиотек не существует. Два года тому назад поговаривали было об устройстве библиотек железнодорожных (в вагонах), да так и замолчали. Словом сказать, картина книжного оскудения раскрывается во всей красе. Дальше, кажется, идти некуда. Остается посмотреть, кто входит через эту призатворенную дверь и кто и как пользуется наличными книгами.

Взглянем теперь на этого самого русского читателя, посмотрим, кто он, к каким слоям общества главным образом принадлежит, сколько он читает, что он читает, наконец, как читает.

IV
СОСТАВ НАШЕЙ ЧИТАЮЩЕЙ ПУБЛИКИ

Уже из предыдущих этюдов можно сделать вывод a priori, что на пустынной почве, к тому же обставленной различными приспособлениями не столько для орошения ее, сколько для осушения, вряд ли встретится обилие плодов земных. Впрочем, к различным выводам a priori нужно относиться с большой осторожностью. Русского читателя, этого неизвестного икса, необходимо изучать, подобно тому, как изучается читатель из народа. Но для того, чтобы подвергнуть его детальному и насколько возможно полному изучению, необходимы материалы, по возможности, точные и богатые. Располагаем ли мы такими материалами? Программ для собирания сведений о культурных читателях пока не существует, хотя с помощью таких программ, несомненно, можно бы было накопить богатейший и интереснейший материал. Сведений о том, какие книги раскупаются привилегированными классами из книжных магазинов и какие журналы и газеты кем выписываются, тоже почти не существует. Последнего рода сведения мы находим лишь в некоторых изданиях губернских статистических комитетов, напр., Архангельского. Но есть другие материалы для характеристики этого читателя, материалы, хотя еще не разработанные, но даже в том виде, в каком они имеются теперь, могущие дать уже многое, а при более рациональной и целесообразной постановке их собирания и разработки могущие дать еще больше.

Наблюдать и изучать русского читателя надо в самих очагах чтения, если не в семейном кругу, который мало доступен для изучения, то в читальнях, в библиотеках, существующих для него.

Дадим себе отчет, что такое подписчик библиотеки. Это такой читатель, который признает чтение своей потребностью, и к тому же потребностью более или менее постоянной, не случайной. Записываются в библиотеку для того, чтобы читать одну книгу за другой, изо дня в день, а то из месяца в месяц и даже из года в год. У подписчиков библиотеки читательские инстинкты, если можно так выразиться, развиты несомненно в большей степени, чем у тех людей, которые довольствуются книгами, добытыми случайно, от знакомых, или 2—3 периодическими изданиями. Библиотечный читатель требует большего для удовлетворения своей потребности. Поэтому, сделав объектом исследования именно этого читателя, мы можем составить некоторое представление и о всех прочих. Всякую библиотеку, где бы она ни находилась, в глухой провинции или в шумной столице, кто бы ею ни заведовал — частное лицо, казна, город, земство и т. д., — можно уподобить маленькой наблюдательной станции, через которую проходят и в которой, при желании, могут быть в достаточной

степени изучены не только сотни, но и тысячи людей, представители самых разнообразных слоев населения, разных возрастов общественных положений и степеней образования. Эта толпа читающей публики, столь же пестрая, с теми же достоинствами и недостатками, как и общество, которое порождает ее, течет через библиотеку, как живой поток: одни входят, другие выходят из числа подписчиков, каждый предъявляет свои требования и свои желания, каждый выражает о прочитанных книгах свои впечатления, указывает, какие книги пришлись ему по душе, какие нет. Если библиотекарь желает не только угождать вкусам публики, если он вдумывается в то, что проходит перед его глазами, а в руках его еще имеется хорошо разработанный механизм библиотечной статистики, то именно библиотекарь лучше, чем кто-либо другой, может ответить на вопрос, кто и что читает. Если бы гг. заведующие библиотеками посерьезнее отнеслись к своим задачам, то, несомненно, каждый мог бы внести свою долю полезного труда в общую и необходимую работу — изучения российского читателя, изучения умственной жизни русского общества в разных его слоях, в разных — и светлых, и темных его уголках. Во всяком случае, нет места более удобного для изучения русского читателя, как библиотеки и читальни. Понимая, что эти библиотеки и читальни существуют для него и живут им (особенно библиотеки частные), читатель чувствует себя в них полным господином. Его требования, его запросы к книге, а отчасти и его мнения о книгах, даже его капризы — перед библиотекарем все налицо. Но библиотекарю интересна не сама личность подписчика. Перед ним стоит не Иванов, не Федоров, *читатель,* один из многих, бесконечно малая часть той или иной общественной группы, дифференциал. Интегрируя же наблюдения, является возможность получить целый ряд образов, настолько точных и обоснованных фактически, что, разумеется, уж они будут стоять тверже и стоить больше, чем всякие рассуждения о читателе a priori. Несколько лет тому назад проф. Лесгафт написал небольшую, но интересную книжку «Школьные типы». В этой книжке, пользуясь данными психологии, с одной стороны, и школьными наблюдениями, с другой, он нарисовал, так сказать, психологические образы учащихся. Подобное этому можно было бы сделать, тоже пользуясь данными научной психологии, и по отношению к типам *читателей* разных общественных групп; получилась бы книжка не менее интересная и не менее, если не более, поучительная и ценная, как материал для характеристики данного исторического момента. Но это дело будущего. В настоящее время достаточного материала для такой работы еще не собрано. Нужно ли доказывать, что гг. заведующие не только общественными, но и частными библиотеками должны были бы отнестись насколько только возможно серьезнее и строже к собиранию материалов, к составлению отчетов своих библиотек и

не смотреть на это дело, как на простое подведение прихода и расхода. <...>

В печати высказывалось мнение, что библиотечные отчеты дают возможность судить о читающей публике лишь отчасти, потому что библиотеками пользуется только та часть населения, которую не останавливают ни залог, ни плата, ни другие условия подписки, ни положение библиотеки в удаленном от них месте города, ни подбор книг в ней, ни всякие иные обстоятельства. Бесспорно, все вышеприведенные условия должны быть приняты во внимание при выводах, но, во-первых, кто бы ни пользовался библиотекой, наблюдения, сделанные в ней, характеризуют этих пользующихся, во всяком случае, более, чем всякие иные, раз эти наблюдения поставлены рационально. Для исследователя даже очень интересно, как отражаются на составе подписчиков затруднения, которыми обставлено пользование книгами, — залог, плата и пр. Если же ставить конечной задачей исследования изучение *типов* читателей, то тем более вышеизложенные возражения не имеют цены. Изучение читателя в платных библиотеках кое-где может идти параллельно с изучением его в бесплатных и служит интересным дополнением к первому; сравнение тех и других наблюдений показывает, что культурный читатель и здесь, и там, как и следовало ожидать, проявляет более или менее одинаковые свойства, т. е. плата за чтение не оказывает большого влияния на читательский спрос. Еще возражают, что подписчики из библиотек берут лишь те книги, которых у них нет и которые они покупать не намерены. Но, во-первых, ведь и те книги, которые они берут, они выбирают по своему вкусу, и, во-вторых, не так уж много и книг на дому у нашей культурной публики, чтобы домашние библиотеки оказывали заметное влияние на спрос книг из публичных библиотек. В огромном большинстве случаев тот именно и подписывается в библиотеке, у кого на дому мало книг... Наблюдения, производимые в библиотеках, и отчеты библиотек, содержащие таковые наблюдения, несомненно, дают возможность составить о читателе из культурных классов такое представление, какого никакие другие материалы не дают.

Этими-то наблюдениями и отчетами мы главным образом и пользовались при составлении этого очерка. Следуя нашей прежней программе, посмотрим сначала, многочисленны ли эти постоянные читатели, называемые подписчиками библиотек; затем посмотрим состав их, какие общественные группы выставляют из себя эти читательские кадры; затем — кадры какой группы многочисленнее. Посмотрим затем, много ли читают эти постоянные читатели и что читают, как распределяются их вкусы между различными отделами библиотечных каталогов и между различными авторами одного и того же отдела.

Просматривая библиотечные отчеты один за другим, отчеты, присланные из разных концов России, вы прежде всего поражае-

тесь чрезвычайно незначительным числом подписчиков в библиотеках. <...> В Уфимской библиотеке за первый месяц оказалось всего 7 человек, — очевидно, публика не набросилась на только что открывшееся книгохранилище, а потянулась в него между прочим, как бы нехотя. <...> Интерес к книге возрастает тогда, когда возрастает интерес к жизни, и именно интерес к общественной жизни, а если этого нет, если день изо дня эта жизнь течет вяло и уныло, если то, что делается, делается без вас, а если что не делается, то сколько бы вы о том ни размышляли, все-таки не будет сделано, если инициатива личности не только не находит поддержки, а встречает преграды, — при такой постановке если не все, то многие, очень многие книги теряют весь интерес. Зато приобретают интерес книги иного рода, чтение которых кто-то остроумно сравнил с курением гашиша. Но ведь и книги, как игра на нервах, долгое время удовлетворять публику не могут; нервы притупляются, книги надоедают; теория, не переходящая в практику, мертвеет. Ничто так не способствует опошлению даже самых возвышенных идей, как именно платоническая любовь к ним. Ничто так не укрепляет любовь к идее, как именно практическое осуществление ее, хотя бы даже при самых неблагоприятных условиях. В те исторические моменты, когда «писатель пописывает», а «читатель почитывает», а практика жизни не соединяет их, — интерес к книге не может быть великим: книга не может захватить и увлечь толпу, не может даже породить рыцарей на час. В конце концов является выход наиболее культурных читателей из библиотек.

Не могут удовлетворять библиотеки и среднюю читающую публику, которая еще не привыкла читать, которая еще нуждается в первом толчке, чтобы приступить к книге с серьезными запросами и искать в ней материалов для их решения. Читатель шестидесятых и отчасти семидесятых годов, так ретиво принимавшийся за чтение книг по научным и по общественным вопросам, как-то отступил теперь на второй план, а его место заняла в значительной степени читающая публика иного рода — публика неустойчивая, только привыкающая к книге и приступающая к чтению, прежде всего, тех книг, которые, как говорится, бьют в нос. Чрезвычайно ничтожное число читателей постоянных, огромный процент читателей переменных — то входящих, то выходящих из числа подписчиков, то бросающихся на книги одного рода, то переходящих на другие, прямо противоположные, — сегодня на Понсон дю Террайля, завтра на Некрасова — таков в общих чертах неустойчивый характер этой текущей через библиотеки толпы. Цифры, которые мы сейчас приведем, показывают не число лиц, пользующихся библиотеками в течение всего года, они показывают число лиц вписавшихся, затем некоторое время почитавших — один, два или несколько месяцев — и снова вышедших из сферы влияния библиотеки. Между этой последней и публикой еще незаметно тесной и неразрывной связи, и ничтож-

ные сами по себе цифры кажутся еще ничтожнее, если вдуматься в их смысл.

Общий факт, наблюдаемый во всех библиотеках, тот, что подписчиков мало, до смешного мало. Другими словами, мало таких людей, которые чувствуют потребность в постоянном общении с книгой. Для огромного большинства читателей книга не есть нечто необходимое, она может существовать и не существовать, ее можно прочесть, но можно и не читать. При случае можно и подписаться в библиотеку, для развлечения, а можно обойтись и без нее. Оскудение книжное предполагает само собою оскудение читательское. Постоянный читатель, предъявляющий к книге известные запросы, в Российской империи не что иное, как явление единичное, но не массовое. <...> Даже в Петербурге большинство частных библиотек имеет не более трехсот подписчиков единовременно, большинство же не имеет и того. Самые большие петербургские библиотеки имеют по 1000—1300 подписчиков. Таких библиотек на всю столицу менее *пяти,* если не считать Императорской публичной. Но и эта последняя, несмотря на свои замечательные богатства, не привлекает к себе стольких читателей, сколько, по-видимому, должна бы была привлекать; в то время, как в Мельбурне (Австралии) число ежегодных посетителей равняется 428 000 человек, Императорскую публичную библиотеку посетили в 1891 г. 108 373 человека. Если на весь Петербург приходится лишь 30 частных библиотек, то единовременно пользуются ими не более 9 или 10 тысяч подписчиков или 35 000—40 000 человек. Увеличьте это число вдвое, даже втрое, даже впятеро, приняв в расчет библиотеки клубные, военные, казенные, даже публичную, и то для нашего центра просвещения число лиц, берущих книги из библиотек, не превысит 200 000 человек *всех* классов населения. Сопоставляя эту цифру с цифрой, которую нам дала перепись 1890 г., мы имеем уже право думать, что весьма и весьма значительная часть даже петербургского культурного населения библиотеками совсем не пользуется. <...> Интересно, что в бесплатных народных читальнях, где посетители принадлежат большей частью к классам не привилегированным, процент читательниц женщин, по-видимому, *выше,* чем в библиотеках, которыми почти исключительно пользуются классы привилегированные. Так, стоит сравнить в табличке данные Одесской городской библиотеки и Одесской бесплатной читальни, чтобы была видна эта читательская особенность культурных классов.

В частных библиотеках, даже столичных, наблюдается то же явление: большинство подписывающихся в библиотеках и большинство посещающих читальни — мужчины, а не женщины. Нет ни одной библиотеки, где наблюдалось бы обратное явление. Основываясь на всех тех данных, которые имеются в нашем распоряжении, мы, кажется, имеем право сказать, что, по крайней мере, в том районе, который охватывают эти данные, на Руси

существует гораздо меньше читательниц, чем читателей, меньше, по крайней мере, в 3—4 раза.

Не мудрено, что малая склонность к книге у матерей плохо возбуждает такую склонность и в детях. Оставляя в стороне рассмотрение этого вопроса, не особенно приятного для самолюбия читательниц, мы склонны думать, что наибольшую роль в нарастании читателя играет все-таки школа: в зависимости от веяний, царящих в этой последней, число читателей на Руси увеличивается то быстро, то медленно; уровень развития читателей то повышается, то понижается. Но, как известно, наша школа находится во власти веяний, которые, из опасения вредных книг, ограждают эту естественную любознательность от книг вообще. <...>

Спрашивается теперь, какие слои населения, какие сословия поставляют главный контингент читателей? Читателей поставляют все слои населения, все профессии. Разумеется, было бы особенно интересно знать не абсолютное число подписчиков из такого-то сословия или звания, а процентное отношение этого числа к числу лиц нечитателей. К сожалению, прямых данных для решения такого вопроса не имеется, хотя некоторые косвенные соображения представляют нашу читательскую скудость во всей ее красе. Даже среди лиц таких профессий, как учителя и учительницы, доктора, священники, далеко не все чувствуют настолько сильную потребность в книге, чтобы идти и записываться в библиотеке и получать оттуда материалы для чтения не спорадически, а постоянно. Кто довольствуется каким-либо дешевеньким журналом с премиями, кто берет книги из учительской, часто скудной библиотеки и держит их подолгу, иной раз по целому году, закрывая доступ к этим книгам и другим, кто живет и обходится и совсем без книг. <...>

Но не будем брать отношения — возьмем абсолютные цифры. Тогда в огромном большинстве библиотек, и частных, и общественных, провинциальных и столичных, на первом месте по степени пользования книгами стоит читатель-чиновник и читатель-дворянин. Присутствие в библиотеках среди подписчиков большого количества «людей двадцатого числа» * до такой степени заметно, что обыкновенно на это самое число или следующие за ним два дня и приходится наилучшая выручка в библиотеках. В Великолукской библиотеке за 25 лет ее существования из общего числа подписчиков — на чиновников, служащих и дворян пришлось 35,4%. <...>

Если лица свободных профессий — доктора, актеры, художники и т. п. — занимают одно из последних мест, то лишь потому, что этих лиц не так уж и много на Руси, как всех прочих; офицерство довольствуется в большинстве случаев библиотеками полковыми, а духовенство мало имеет и времени, чтобы читать книги из библиотек. Из Нижегородской библиотеки, напр., в 1892 г. брало книги 15 офицеров и 9 лиц духовного звания, и

из семейств первых 20 женщин, из семейств вторых 6 женщин. <...>

Если присмотреться теперь, как изменяется контингент подписчиков во времени, то все отчеты, какие нам удалось собрать, свидетельствуют об одном: все сословия прогрессируют, но прогрессируют далеко не равномерно и с колебаниями, обусловленными теми коренными явлениями русской жизни, которые определились в значительной степени за последние двенадцать — пятнадцать лет. Так, напр., в Тотемской библиотеке число читающих дворян с 1879 г. по 1886 г. увеличилось, хотя и незначительно, но зато большое число их перешло в отдел бесплатных подписчиков. В это же самое время число платных читателей из крестьян увеличилось с лишком в 9 раз — возросло с 3 до 28. В московских бесплатных читальнях стали читать меньше учащиеся в средних и низших учебных заведениях, чиновники, учителя, духовенство. Стали читать больше фабричные рабочие, ремесленники, крестьяне. <...>

Все эти цифры, все эти факты — не что иное, как внешние признаки знаменательного внутреннего процесса, совершающегося где-то в глубине России, — процесса нарастания читателя в народе, появления его в тех слоях, где до того времени он не водился и водиться не мог. Все эти цифры говорят, что круг читательский расширяется в глубину и ширину, что на смену и, может быть, и на поддержку читателям из культурных классов идут целые толпы читателей из народа, катится читательская волна новая, свежая, жаждущая света, чувствующая глубокую потребность смотреть на мир божий своими собственными глазами, а не через синие стекла узенького окошка, желающая черпать свои знания, обогащая свой мир идей из общей сокровищницы человечества, а не из кратких специальных каталогов. Правда, «Правилами о бесплатных читальнях 1890 г.» все библиотеки, которыми пользуется недостаточный класс населения, ограничены каталогами книг, рекомендованных и допущенных для чтения детей и юношества; но, проглотив эти книги, поняв, по своему разумению, факты, почерпнутые из этих книг, новый читатель на этом не останавливается, идет дальше, в библиотеки общественные, не жалеет ни подписных денег, ни залога, и принимается за чтение тех книг, которые для командующих классов вредными еще не считаются... Интеллигенции, искренне преданной делу народного просвещения, остается только идти навстречу этой народной интеллигенции.

Об этом нарастании читателя мы еще будем иметь случай говорить. Мы лишь отмечаем здесь этот в высшей степени важный факт, имеющий громадное, можно сказать, историческое значение.

V
МНОГО ЛИ ЧИТАЮТ НА РУСИ?

Посмотрим теперь, много ли читают те постоянные читатели, которых из своей среды ежегодно посылают в библиотеки командующие классы. Для ответа на этот вопрос будем опять-таки пользоваться данными из библиотек больших и хорошо обставленных. Русский культурный человек не знает ни той быстроты чтения, ни того количества прочитанных книг, какие на Западе стали давно уже явлением обычным. Из Чикагской библиотеки в 1891—1892 гг. было выдано 2 115 386 томов. В Англии, в тридцати городах (исключая Глазго и Лондон) 5 000 000 жителей насчитывают 10 000 000 требований книг; в одном Манчестере ежегодно выдается $1^1/_2$ миллиона томов. Наши библиотеки выдают не сотни, а лишь десятки тысяч томов в год на прочтение. Так, напр., из Нижегородской библиотеки было выдано на дом в 1892 г. 40 969 томов, в Астраханской 19 735 томов, Самарской 53 959 томов, Саратовской 60 288 (кроме журналов), Воронежской 42 550, Херсонской 21 478, Кронштадтской 50 322 и т. д. Если сопоставить эти цифры, как это делают заграничные отчеты, с числом городского населения, то получим следующее: в Нижнем на каждого жителя выдано 0,6 книги, в Астрахани 0,28, Самаре 0,71, Саратове 0,49, Воронеже 0,75, Херсоне 0,32, Кронштадте 1,1. <...> Нельзя не признать эти цифры весьма скромными. Оправдывать их одними недостатками книжного состава невозможно. Объяснения их мизерности нужно искать где-нибудь в ином месте — в общем тоне русской жизни, чуждой захватывающего интереса, в самих читателях, не привыкших много читать.

Что захудалость русского читателя объясняется не только причинами, лежащими в нем самом, а и причинами внешними, можно видеть из сопоставления статистических данных за несколько лет. Из этих сопоставлений мы увидим, что читатель растет в количественном и качественном отношениях, когда повышается общий тон жизни, сокращается, когда в общественной жизни замечается застой. Библиотечные отчеты богаты фактами, иллюстрирующими такой вывод. Возьмем, например, Астрахань. Этот город читает не только мало, но, до последнего времени, из года в год все меньше и меньше, так как на одного читателя приходится выданных книг все меньшее число. В 1883 г. было выдано из библиотеки подписчикам по 66 томов на человека, в 1884 г. по 55, в 1885 г. по 54,9, в 1888 г. по 49,5, в 1891 по 49,1, в 1892 г. по 42,5 — в десять лет выдача уменьшилась в полтора раза. <...> Возьмем библиотеку Нижегородскую. Из обширного торгового города, имевшего еще в 1885 г. 66 585 жителей, ею пользовалось в 1883 г. 393 человека. Это число в следующем году уменьшилось до 375 и затем снова начало медленно увеличиваться, оставаясь в течение целых трех лет почти на одном уровне (398—413—414). С 1889 г. оно начало возрастать быст-

рее и в 1891 г. достигло до 575. По-видимому, блестящие цифры нижегородских отчетов представляют нижегородских читателей в блестящем виде, но стоит немного вдуматься в них и сравнить количество выданных книг с количеством лиц, пользующихся библиотекой, чтобы опять-таки значение этих цифр сделалось иным. На каждое лицо в 1883 г. было выдано 83,1 книги, в 1884 г. только 75,1; в 1889 г. 69,9, в 1891 г. 67,9. С 1887 г., судя по этим цифрам, читательское рвение, по-видимому, ослабевает. На счет каких же книг идет это ослабление?

На счет периодических изданий. В 1883 г. журналы были в такому ходу, что на каждое лицо, пользовавшееся нижегородской библиотекой, приходилось в течение года 38,5 выдач журнала; после прекращения в 1884 г. двух журналов эта цифра уменьшилась до 33,2, в 1885 г. до 21,4 и до сего времени не достигла прежней высоты, хотя с каждом годом, скачками, то подымаясь, то падая, ползет понемногу вверх и в 1891 г. достигла до 24,8 выдачи на человека. В это же самое время Саратовская библиотека, из года в год поддерживаемая нарастанием читателя из народа, показывает явление несколько иное; там число подписчиков и число книг, выданных в течение года на каждого, возрастает из года в год, и лишь в отчетах за последние 3 года заметны некоторые колебания спроса на периодические издания (уменьшение с 1320 до 1261). <...>

Все вышеизложенное приводит к выводу, что если русский читатель и виноват в том, что он читатель немногочисленный и не ретивый, то в этом виноваты в значительной мере и те условия, в которых ему приходится существовать.

Библиотеками пользуются мало в таких обширных городах, как Нижний, Воронеж и пр. Но что сказать тогда о городах уездных? Там читают еще меньше. Библиотечные отчеты, присланные из глухих мест, показывают, что в некоторых библиотеках число подписчиков считается десятками, напр., в Епифани 70, Суздале 90, не говоря уже о Кургане, где в 1889 г. было всего 24 подписчика. <...>

Интересные данные доставлены нам из одной частной библиотеки, где собраны сведения о числе томов, взятых в течение месяца каждым подписчиком.

Из сотни подписчиков в течение месяца обменяли книги:

от	1	до	5	раз	50	чел.,
»	6	»	10	»	36	»
»	11	»	15	»	11	»
»	16	»	20	»	3	»
					100	чел.

взяли от	1	до	5	книг	33	чел.,
»	6	»	10	»	27	»
»	11	»	15	»	20	»
»	16	»	20	»	4	»
»	21	»	25	»	7	»
»	26	»	30	»	2	»
»	31	»	40	»	7	»

В течение месяца прочитали всего по одной книге шесть человек из ста, по две — столько же, по три — пять человек и т. д.

Из таблички видно, что менее пяти книг в месяц берет из библиотеки ровно треть подписчиков. <...>

Весьма многочисленны случаи, когда в книжке журнала добрая половина статей остается неразрезанной в *течение года и даже более* при четырехстах подписчиках. Отметим еще факт, что тяжеловесные классические произведения некоторых европейских мыслителей возвращаются подписчиками в библиотеку очень быстро, через 6—7 дней. Это тоже не говорит за то, что взятые книги читаются... Вряд ли мы ошибемся, сказав, что из общего числа взятых из библиотеки книг прочитывается от одной трети их до половины... Приняв это в соображение и сделав соответствующие поправки в вышеприведенных цифрах, нельзя не сделать и того печального вывода, что русский культурный человек не принадлежит к числу усердных читателей, а малое усердие его за последние годы, как кажется, становится еще меньше...

VI

ЧТО ЧИТАЕТ НАША ПУБЛИКА?

Посмотрим теперь, какого сорта книги более всего притягивают его внимание. Основной вывод, подтверждаемый всеми фактами и наблюдениями, тот, что русский читатель совершенно не умеет выбирать книг для чтения. Уровень читательского развития прежде всего отражается на умении выбирать книги, выбирать сознательно, целесообразно, с экономией времени и сил. Для этого нужно известное умение, известный практический навык, которого огромнейшее, подавляющее большинство русских читателей лишены. Библиотечная публика обыкновенно спрашивает почитать «что-нибудь» — будь то журнал, роман или научная книга. Если нет одного, берется другое; даже недовольство на отсутствие требуемой книги чаще всего носит характер каприза, а не запроса, не получившего удовлетворения. Имена знаменитейших светил науки и искусства, передовых бойцов человечества за свободу мысли и совести сплошь и рядом совершенно неизвестны читающей толпе. Произведения их, красующиеся в каталоге, ничего не говорят ни уму, ни сердцу; глаза читателя скользят по ним, как и по сотням других. Спрос на книги того или иного отдела в значительной степени среди такого рода публики — явление стихийное. В этом отношении цифры, приводимые ниже, получают особенный интерес. Возьмем сначала три главные категории книг: журналы, беллетристику и научный отдел. Разношерстный люд, пользующийся книгами из парижских муниципальных библиотек, распределяет свое внимание между этими последними двумя отделами чрезвычайно равномерно. Так в 1888—1891 гг. беллетристических произведений было взято из этих библиотек почти такой же процент, как и науч-

ных. Это отношение держится из года в год, поражая русского исследователя.

Заранее можно угадать, что в русской читающей публике ничего подобного такому распределению мы не встретим. Читателю научных книг в России неоткуда и взяться. Тип западноевропейского читателя развивается на почве широкого простора и всевозможной поддержки, оказываемой высшему образованию и правительством, и обществом. Так, даже лица из народа, обучавшиеся в школе только грамоте, имеют возможность продолжать свое образование и, подымаясь со ступеньки на ступеньку, приобретают знания по самым разнообразным отраслям науки. <...> У нас ничего подобного нет и не было. У нас высшее учебное заведение — редкость, окончивший в нем курс — тоже. У нас высшее образование предоставлено или немногим счастливцам-избранникам, или талантливым самоучкам. Цифры, собранные А. Н. Страннолюбским в одной из статей его, отлично характеризуют наше богатство людьми с высшим образованием. В то время как в Германии на один миллион населения приходится 534 студента, во Франции 460, Швейцарии 685, Великобритании 362, Австро-Венгрии 328, Нидерландах 355, Португалии 274 — в России всего-навсего 152. Отношение числа студентов на 1 миллион населения в ней в 4 раза меньше подобного же отношения в Германии и, что тоже достойно замечания, в 5 раз менее подобной цифры в Финляндии. Из общего числа студентов в русских университетах оканчивает курс не более $^1/_3$, следовательно, на 1 миллион населения ежегодно выпускается около 50 лиц с законченным высшим образованием. <...>

Возьмем теперь средние и специальные учебные заведения. По сведениям Центрального статистического комитета, в 1886 г. обучалось там 274 983 чел. (во всей империи). Сделаем ряд предположений в благоприятную сторону; предположим, что специальные учебные заведения дают такое же развитие, как средние, предположим затем, что в тех и других одна пятая кончает курс, что столько же выходит, не кончив курса, но имея уже некоторую подготовку и некоторое развитие, словом, предположим, что в 1886 г. учебные заведения обогатили Россию 55 тысячами людей, вкусивших образование выше элементарного. Что значат эти тысячи людей? Это значит по 2,9 таких образованных человека на 1000 кв. верст, это значит 0,5 человека на тысячу жителей. Так как в России насчитывается 55 271 «населенное место», то на каждое придется химически малая доля образованного человека (0,1). Если взять одни лишь города, где преимущественно и теснится образованная публика, то и в этом случае придется на 1000 городских жителей по 4 «образованных» человека в год. Словом, контингент этих людей, ежегодно выпускаемых учебными заведениями — средними, высшими, специальными, тонет в необъятных пространствах обширнейшей в свете империи, как

горсточка песку в стоячем болоте, не возмущая глубины. и оставляя лишь кое-какую пену на поверхности...

За этими образованными и полуобразованными людьми идет народная масса, из которой только одна пятая получила образование в школах грамоты, школах церковно-приходских и т. д., а четыре пятых так и остаются в темноте, составляя более темный фон общей картины. <...> Чем большей подготовки от читателя требует данная книга, естественно, тем меньше читателей она себе находит, на этом основании специальные сочинения в очень малом ходу в общественных библиотеках. С другой стороны, на спрос такой-то книги влияет, так сказать, отношение этой книги к запросам, которые предъявляет читатель к родимой действительности; не без такого влияния в течение последних десяти лет уменьшился, например, спрос на книги по общественным наукам, который возрос лишь после 1891—1892 гг. Но есть и такие книги, которые, напротив, отрывают, так сказать, читателя от земли в данный исторический момент, становятся особенно по вкусу читателям того темперамента, который наиболее приспособляется к господствующим течениям жизни. Этим, быть может, объясняются кое-какие успехи, сделанные за последние годы в некоторых кругах русского общества метафизической философией, пришедшейся столько по вкусу некоторым его элементам и давшей философское оправдание далеко не философскому бытию. Словом сказать, между книгами, с одной стороны, и читателями с другой, происходит своего рода естественный подбор; каждый отдел каталога притягивает к себе одних читателей, отталкивает других, и обратно, каждый читатель притягивает к себе одни книги, отталкивает другие: это притяжение и отталкивание у одних субъектов проявляется очень резко и определенно, у других почти незаметно, скрывается где-то в глубине... В конце концов борьба читательских вкусов за удовлетворение, нередко неуловимая и трудно поддающаяся анализу, все-таки оказывает свое влияние на выбор книг, выражающийся в цифрах. <...>

В последние годы кое-где книги по естественным наукам стали требоваться больше, так как повысился спрос на книги по сельскому хозяйству, которые нередко в библиотечных каталогах отнесены к этому отделу. Что касается до научно-популярных книг по естествознанию, то спрос на них вообще невелик, как потому, что мало существует таких книг, так и потому, что в курсе средних и низших учебных заведений эти науки заняли одно из последних мест, а то и исключены из курса. Не счастливится также и наукам общественным и правоведению. Последнее фигурирует больше в качестве справочных книг, а первые до последнего времени понемногу отступали все более и более на задний план. <...>

Книгам из отдела наук политико-социальных больше других не счастливится среди русских читателей. В этом нельзя не ви-

деть некоторых особенностей русского читающего интеллигента. Он как-то привык относиться к окружающей жизни, если так можно выразиться, как бы с одной стороны: то он интересуется вопросами этическими, а все прочие не ставит ни во что, то интересуется вопросами экономическими, и тогда вопросов политических уже почти не признает. Такое хождение вокруг да около, такие односторонние поиски «начала всех начал» — одна из характерных особенностей русского читающего интеллигента, стремящегося отыскать «истинный корень вещей». Такого рода «ищущие» — явление пока довольно редкое в читательской среде, особенно в области общественных наук. В некоторых библиотеках даже книги по философии в большем ходу, чем по общественным наукам. <...>

Богословские книги у русских культурных читателей в ходу менее всех остальных. В известной нам частной библиотеке в течение года при 45 000 выдач всего-навсего было выдано 12 книг богословского отдела, в том числе соч. Фаррара, Робертсона, Ольденбурга («Будда»), Вашингтона Ирвинга («Магомет»), поучения Родиона Путятина и творения монаха Митрофана. Последние 2 книги были взяты первая рабочим, другая прислугой одной подписчицы. Несколько лет тому назад офицерские библиотеки получили предписания выписать духовные журналы. Из этих журналов в известной нам офицерской библиотеке в течение двух лет *ни один* номер не нашел себе читателя. Интересно, что к богословским книжкам русская культурная публика относится довольно ровно во всех городах, колеблясь в пределах от 0,0 до 0,5 книжки на каждого подписчика. <...>

VII
ЛЮБИМЫЕ АВТОРЫ РУССКОЙ ЧИТАЮЩЕЙ ПУБЛИКИ

<...> Если всмотреться в длинные списки требований, помещаемые в отчетах некоторых библиотек и расположить авторов по категориям, то оказывается, что больше всего требуются те научные книги, *которые нужны учащим или учащимся:* учебники, пособия. <...>

Рассмотрение отчетов общественных библиотек показывает нам, что главные потребители научного отдела книг — учащие и учащиеся. Где больше этих читателей, там в большем ходу и научные книги. <...> Так как наибольший процент научных книг, взятых из библиотеки, приходится на учащуюся молодежь, то естественный вывод отсюда, что библиотеки должны несколько специализироваться, чтобы научные отделы могли служить, прежде всего, тем читателям, которым они нужны, библиотеки должны оказывать учащимся какое только возможно содействие и по отношению к выбору книг и по отношению к облегчению пользования ими, а для этого должно уменьшать плату, заме-

нять залог поручительством известных библиотеке лиц и т. п. Так как воспитанники среднеучебных заведений в настоящее время ограничены в выборе книг «Опытом каталога для библиотек среднеучебных заведений», то библиотеки должны постараться завести у себя, по крайней мере, книги по этому каталогу, затем объявить по всем учебным заведениям данного города о своем согласии отпускать книги учащимся на льготных условиях, к тому же книги, указанные гг. преподавателями. Этим существующие постановления не нарушатся, а учащиеся сразу получат доступ к книгохранилищам гораздо большим, чем жалкие школьные библиотеки, на которые раздаются жалобы из разных официальных и неофициальных мест... Для учащихся общественная или частная библиотека должна завести особый разряд подписки, установив минимальную плату для него. Она должна сконцентрировать вокруг себя и учащихся; она должна привлечь последних к *активному* участию в лучшей постановке внеклассного чтения учащихся. При общественных библиотеках должны возникнуть педагогические кружки из учителей и учительниц, которые, несомненно, внесут оживление в самое библиотечное дело. Это дело — несомненно дело живое. Библиотека может и должна стать учреждением педагогическим и играть общественно-просветительную роль. <...>

Некоторые иностранные авторы читаются гораздо больше, чем известные русские писатели. Русский человек, знающий литературу, будет удивлен такого рода сюрпризами. В 1883 г. в Нижегородской библиотеке Эмар читался почти в полтора раза больше Щедрина, Террайль в 1,34 раза больше Печерского, Монтепен больше Островского, Гоголя, Некрасова, Григоровича, Пушкина, Гончарова, Добролюбова (65) и Решетникова (64), почти в 3 раза больше Лермонтова и почти в 5 раз больше Жуковского. В отчете той же библиотеки за 1884 г. на первом месте стоит Достоевский (547), на втором — Террайль (392), тогда же Габорио читали больше, чем Аксакова, а Поль де Кока — больше А. Толстого, М. Вовчка, Грибоедова, Кольцова. Такое распределение читательских требований можно видеть и на требовании журналов: «органы», поставлявшие переводную дребедень, далеко оставляют за собою органы серьезные. <...>

Скажем теперь несколько слов о типах читателей беллетристических произведений. Читатель этот пестрый, гораздо пестрее читателя научных книг: беллетристика притягивает к себе всевозможных представителей человечества, всех рангов и положений. Читатели довольно резко группируются одни около беллетристики переводной, другие около беллетристики оригинальной. К главным потребителям переводной беллетристики принадлежат, во-первых, те, кто только что привыкает к «толстой» книге, — торговцы, лавочники, конторщики, купцы, вообще те, кто получил в лучшем случае образование в начальной школе, кто не требует от книги ничего, кроме развлечения. Эти люди ищут

в книге «приключений с героями», именно с героями, ни с кем другим. Такие читатели не редкость в любой библиотеке. Они приходят обыкновенно по праздникам или в будни по утрам и долго роются в каталоге, ищут заглавий пострашнее и позамысловатее («Полны руки роз, золота и крови», «С брачной постели на эшафот», «Три рода любви» и т. п.); они спрашивают одну книгу за другою, перелистывают ее, смотрят начало и конец — трагическая ли там развязка, смотрят, легок ли язык книги — много ли «черточек» (книги в разговорной форме предпочитаются). Если на какой-либо странице попадется описание какого-либо «раздирательного» события — выстрел, кровь и т. п., если черточек много — читатель берет книгу для прочтения. Одна из особенностей таких читателей — частый обмен книг. Они приходят в библиотеку чуть ли не ежедневно и берут многотомные романы — Террайля («Рокамболь», «Молодость Генриха IV»), Борна (различные «тайны»), Дюма... На вопрос, как они успевают проглатывать так скоро такие большие книги — они отвечают: «а так-с, мы скучные места пропускаем». — А если вы чего не поймете? — «Тогда прочтем и скучные места!» Но так как романы Монтепена, Борна и т. п. особенных усилий мысли не требуют, то, читая с пропусками, читатель только приносит себе пользу, изощряет сообразительность, догадываясь, что написано в пропущенных им местах. Было бы большой ошибкой относиться к таким читателям только отрицательно и смотреть на такое их чтение как на зловредное препровождение времени. «Сногсшибательные» романы занимают свое место в читательской системе; они влекут к книге тех, кто без них, вероятно, и не пошел бы, и, что еще важнее, они находят в голове таких читателей совершенно особый мирок, и образы из этих романов сталкиваются там с образами своеобразными, унаследованными от предков, и из столкновений этих образов получается результат далеко не такой, как, может быть, думают культурные люди, строгие судьи таких читателей... Вот что рассказывает о себе один читатель, сам вышедший из народа, сам прошедший школу такого читательства, небезызвестный в литературе В. И. Савихин: «Стал я чуть не каждый день бегать в библиотеку за книгами, читал их не переводя духа, жег за свечкой свечку, и времени у меня мало стало... Выбором книг, конечно, руководил я сам, и выбирал я, что привелось по заголовку. Были прочитаны: «Ледяной дом», «Таинственный монах» («Интересно и справедливо!»), Поль де Кока «Мусташ», «Сестра Анна», еще что-то («Смешно и зазорно»), «Граф Монте-Кристо» («Захватывающий интерес!»), «Собор Парижской Богоматери» («Сказочного рода письмо, но интересно!»), «Три мушкетера», «Всадник без головы», «Охотники за черепами», «Тайны мадридского двора». Вот это штука! Какой простор, какой полет мысли по этому кипучему морю человеческой деятельности! Какая жизнь! Людей сколько, борьбы... Хорошо! Сижу я на дощатом помосте в своем уютном углу и при

свете свечи созерцаю беспредельные американские прерии, горы, где насыпано грудами золото, страшные толпы краснокожих... Гляжу на Испанию, на Францию. Вижу, как копошатся там графы, маркизы, короли, солдаты, поселяне — все продолжают одно общее дело, все уцепились друг за друга... Э, ребята, да вы все человеки! А ведь я-то думал: маркиз, так уж маркиз и есть, а граф, так уж граф, а выходит, просто, все человеки... Ну-ка я вас еще с подмостка-то, со свечой-то посмотрю...» Этот отрывок весьма поучителен, тем более, что он принадлежит перу человека, который шел и пришел к свету путем саморазвития с помощью книг. <...>

Библиотека должна *показывать* читателю хорошие или лучшие книги *всех* категорий, напоминать о существовании их, а пусть выбирает и пусть идет вперед сам читатель... Наконец, прогрессивное самовоспитание читателя — факт, хорошо известный каждому заведующему библиотекой... На читателя такого рода книг библиотеки должны обратить особенное внимание. Ведь эти-то читатели, если можно так выразиться, и стоят на границе книжного влияния, которое только что начинает захватывать их в свой водоворот. <...>

Гораздо многочисленнее те читатели, которым все равно, что ни читать, только бы чтение было интересно, которые не ищут идей в книге, не проникают в нее глубже фабулы, которые спрашивают у библиотекаря «что-нибудь» и берут «что-нибудь». Эти читатели, если можно так выразиться, пасутся на обширной ниве родной и заграничной беллетристики как бог на душу положит, то сбиваются в кучу вокруг одного какого-либо автора, то идут вразброд, бродят туда и сюда, пожирая без разбора всякую травку, какая попадет в зубы. <...>

VIII
ЧИТАТЕЛЬ ИЗ НАРОДА И ЕГО ИЗУЧЕНИЕ

Факты, собранные нами в предыдущих главах, с достаточной наглядностью рисуют нашу читающую публику из классов привилегированных. Посмотрим теперь, каков читатель из классов не привилегированных, из народа.

Мы уже несколько раз имели случай упоминать об этом читателе. Мы отмечали и его стремление к библиотеке, предназначенной для «чистой публики», и поразительное бескнижие, в котором этому читателю приходится существовать. Сравнительно с его бескнижием бескнижие «культурной» публики положительно представляется светлым пятном. Мы видели, что на одного читателя из привилегированных классов приходится около двух названий вновь выходящих книг в течение года, или около 5 экз. Судя по цифрам, которые мы извлекаем из «Ежегодника, или Обзора книг для народного чтения» (изд. Московского ко-

митета грамотности), в 1893 г. вышло для народа всего 859 названий книг, в том числе больше половины (467) лубочных. Весьма возможно, что цифра эта ниже действительности, так как составители «Ежегодника», при всей их добросовестности, могли пропустить кое-какие книжки. Увеличим вышеприведенные цифры в полтора раза и сопоставим их с числом грамотеев, которое можно предположить в составе русского народа (около 23%). Из этого сопоставления оказывается, что на тысячу человек грамотеев приходится около 0,065 названий, или около 65 названий на миллион. Цифра эта немногим преобразуется в лучшую сторону, если даже к народным книжкам прибавить и всю беллетристику, все духовные книги и пр. По статистическим сведениям г. Л. Павленкова, в 1893 г. вышло дешевых и народных изданий 440 названий и 3 464 490 экз., а вместе с беллетристическими и духовными 2351 название и 11 016 528 экз. Это составит почти *одно* название на тысячу грамотеев или менее пол-экземпляра на 1 человека. Перед этими цифрами бескнижие читающей публики оказывается светлым пятном даже в том случае, если мы в наших вычислениях ошиблись в 2, 3 и даже 4 раза.

Еще печальнее цифры, характеризующие количество народных библиотек и читален. На 23 миллиона читателей вряд ли приходится в настоящее время и сотня бесплатных читален и библиотек, да и те помещаются, в большинстве случаев, в городах. Что касается до прочих «населенных мест», которых насчитывается по сведениям 1890 г. в одной Европейской России 485 462, то обретающиеся там грамотеи и в лучшем случае принуждены довольствоваться библиотеками школьными. Но так как число школ на Руси не достигает в настоящее время и 50 000 и распределены они далеко не равномерно, то отсюда следует, что в огромнейшем большинстве случаев жители деревень лишены каких-либо библиотек. <...>

В последние годы торговля дешевыми или, как их обыкновенно называют, народными изданиями значительно оживилась. Выступили на сцену новые издатели, стало появляться больше хороших книжек. Если сравнить торговлю этими книгами прежде и теперь — значительное ее развитие станет несомненным.

Это оживление торговли дешевыми народными книгами, несомненно, показывает, что спрос на книгу сравнительно с прошлым увеличился, и увеличился именно в тех слоях населения, которым не по достатку книжки дорогие. Раскупает дешевые книжки деревня; раскупает их рабочее, трудовое население городов. Уже по одному развитию торговли дешевыми книгами можно предположить, что где-то «в глубине России», быть может, даже там, где «царит немая тишина», нарождается и нарастает *читатель*. Этот же факт подтверждается, как мы видели, и статистикой общественных библиотек.

Да, читатель нарастает. Правда, это нарастание совершается очень медленно, кое-где так медленно, что иные могут прийти

от этой медленности в отчаяние, и все будут желать лучшего... Тем не менее нарастание читателя совершается неизменно и непрерывно.

Все это давно было замечено и отмечено, и об этом совершенно излишне здесь говорить. Грамотность вызывает стремление к книге; спрос на книги идет даже быстрее развития грамотности. Как результат этого спроса (и, в свою очередь, отчасти как причина его) является масса дешевых изданий на книжном рынке.

Знаниями, заключающимися в этих изданиях, плохо ли, хорошо ли, но многие тысячи деревенских грамотеев пополняют, или, вернее, *могли бы* пополнять те сведения, какие вынесены ими из школы.

На рынке имеются книги очень разнообразного содержания, как по беллетристике, так и по разным наукам. <...> За последнее же время народная литература, разумеется, не без влияния самого народа, получила даже особенное развитие.

Книжек появилось много — и беллетристических и научных; многие книжки, в появлении на свет которых принимала участие интеллигенция, очень не дурны, иные превосходны. Но, присматриваясь ко всей массе этих «интеллигентных» книжек, нельзя не заметить некоторого весьма своеобразного отношения их творцов к своему делу.

Прежде всего, по отношению к книжкам беллетристического содержания до сих пор упорно держится и отражается на деле специально русский взгляд, о котором мы сказали выше, именно, что для народа должна существовать *особая* литература, упрощенная, потому что эстетические и всякие другие тонкости народу не доступны. При этом, разумеется, забывают, что, как показал кружок X. Д. Алчевской *, произведения лучших наших авторов понимаются и находят прекрасный прием в деревне; что те же сочинения не всем бывают понятны и в среде так называемых «чистых господ»; что привычка читать всякие книги приобретается крайне быстро, если только экономические и всякие другие обстоятельства откроют доступ к книге.

Грустно становится, когда приходится опровергать это коренное заблуждение, столь распространенное даже среди несомненно доброжелательных для народа людей. Очень решительно и определенно высказывается по этому поводу в своем обстоятельном ответе на «Опыт программы» * один читатель из народа: «В литературе для общества попадаются часто скучные и даже глупые, ей-богу, глупые книги (их я могу назвать). Вот такую скучную книгу и дадут читать крестьянину или мещанину. Ну что ж? Книга ужасно скучная. Даже попадись вам скучная книга, неужели вы прочтете ее без всякой мины до конца? Не бросите ли вы ее, не дочитавши? Так и нам: попадется скучная книга — прочтешь четверть книги и бросишь, а между тем лица трубят: им непонятны фразы, они не могут читать книг, пред-

назначенных для общества. Нет, народу нужны *не народные книги, а дешевые,* потому что он *бедняк, а не дурак».* <...>

Другое, не менее важное заблуждение относительно народной литературы заключается в том, что литература эта смешивается нередко с литературой детской, одни и те же книги помещаются в общую рубрику книг «для детского и народного чтения». Никто бы против этого не возражал, если бы здесь речь шла о таких книгах для взрослых, которые прочтутся с пользой и удовольствием и детьми; нет, приверженцы этого взгляда как бы приравнивают ум мужика к уму ребенка, совершенно забывая разницу между сложившимся мировоззрением мужика и неокрепшими суждениями ребенка, и пичкают на этом основании деревенского читателя азбучными истинами, облеченными в детские формы.

Быть может, из этого взгляда вытекает третья особенность «особой» литературы для народа; утверждают, что народ наш любит поучения и назидания и так верит им, что до него, до этого наивного, детски простодушного мужика, одного рода поучения допускать можно и должно, а от других следует его ограждать китайской стеной, как будто он без книжек сам ни до чего не додумается. Этот взгляд даже лежит в основе издательской деятельности нескольких довольно крупных фирм, сводящих всю свою работу к какому-то натиранию очков. В этом отношении особенно грешат книжки по русской истории.

Мы в другом месте имели уже случай иллюстрировать примерами все особенности таких взглядов, поскольку они отражаются на книжках. Присматриваясь к ним и делая вместе с тем небольшую экскурсию в область истории, вы не без удивления замечаете в этом «учении об особой литературе для народа» нечто старое, нечто знакомое: вам вспоминается еще не истершееся из памяти народной разделение людей на «белую кость» и «черную кость». Переживание старых воззрений еще удерживается в области литературы. Белой кости доступны и наука, и искусство, все тонкости эстетики; черная кость всего этого лишена — это нечто невежественное, грубое, без образования, неспособное подняться до отвлеченных суждений. Черной кости нужно все «разжевать, да в рот положить, да смотреть, как бы не подавилась, глотая». Слушая рассуждения об «особой литературе», спрашиваешь себя: что это — трактование ли деревенских читателей свысока или незнание их? Сравните, как говорит со своими читателями автор Никольского рынка *: его разговор — разговор равного с равным; как ни плохи его произведения, но вы не найдете в них этих маскированных третирований свысока, этого квасного поучительного тона, какой претит читателю. Посмотрите теперь на какую-нибудь книжку изданий «Общества распространения полезных книг» *; как часто из-за этой книжки рисуется вам образ элегантной столичной барыни и «барина в шляпе», который считает себя вправе читать мораль на тему «Thue nichts

böses»[1]. Читатель из «черной кости» прекрасно чувствует этот поучительный тон и, наученный горьким опытом, относится к нему с недоверием. «Все нашего брата учат», — насмешливо выразился один рабочий, ученик воскресной школы, возвращая учительнице какую-то поучительную книжку. <...>

Возьмем теперь книжки научного содержания. Присматриваясь к ним, вы тоже замечаете своеобразные особенности в популяризации знания. Несомненно, учение об особой *научной* литературе для народа, т. е. для людей, получивших лишь начальное образование или не получивших никакого, имеет за себя очень много данных. Польза, которую получает какой-либо читатель от той или иной популярной книжки, обусловлена запасом фактического, систематизированного материала, имеющегося в его голове; запас этот в голове мужика необходимо носит отпечаток односторонности, однообразия и, кроме того, относительно беднее, чем запас этот в голове «культурного» читателя. Вести популяризацию во всем блеске стройной научной теории поэтому самому здесь не всегда возможно — нужно справиться с особенностями мировоззрения читателя. Если изучение этого последнего далеко не бесполезно для беллетриста, так для популяризатора оно положительно необходимо. Просматривая существующую популярно-научную литературу, подчас просто поражаешься, как неумело авторы принимаются за свое дело, как мало знают они и тех людей, кому говорят, и условия жизни, в какие поставлены эти люди. <...>

На мировоззрение читателя кладет глубокий отпечаток сама жизнь, те условия, в которых этому читателю приходится стоять, условия экономические, социальные и пр. Со всеми ими необходимо более или менее считаться, вступая в борьбу с мнениями и заблуждениями, которые укоренялись в течение веков. Вот еще примеры, несколько в ином роде, рисующие нежелание авторов обратить внимание на некоторые особенности жизни своих читателей. Очень многие книжки по сельскому хозяйству написаны «для крестьян вообще», без указания местности, какую имел в виду автор. Вследствие этого выходит то, что и хорошие книжки для массы читателей пользы не приносят. Экономические условия нельзя не принимать в расчет при составлении книжек по сельскому хозяйству. Пришлось как-то летом мне беседовать с одним очень умным мужиком деревни Б., близ Ораниенбаума, о «Беседах по земледелию» Котельникова. О книжках был дан отзыв прекрасный; видно было, что многие явления в жизни растений эта книжка читателю уяснила. Он толково рассказал мне о значении фосфорной кислоты в питании растений, о поглощающей способности почвы и т. д. Но когда речь зашла о применении добытых знаний, Иван Максимович сказал: «Хорошо это все, только не про нас — не по нашим местам. У нас как тут сеять

[1] «Не делай ничего плохого» (*нем.*).

траву? Вон покос-то какой — все полосами». Второй выпуск «Бесед» уже не прельстил его. <...>

Изучение читателей из народа имеет не только огромный теоретический интерес, в смысле изучения народного мировоззрения,— оно имеет, кроме того, интерес практический. Авторы должны прислушиваться и дорожить указаниями своих читателей. В одном из своих талантливых «Очерков русской жизни» Шелгунов очень метко заметил, что известный труд «Что читать народу?» заключает в себе вопрос: «... как писать для народа, как с ним говорить, как создать живую и нравственную связь с ним, как установить непосредственные отношения». «Что читать народу?» — добавим мы, вместе с тем содержит и ответ на этот вопрос; если ответ не полон,— во всяком случае, капитальный труд кружка Х. Д. Алчевской содержит много указаний словами самого народа, как писать книжки.

Если тот, кто берется за труд составления книжек для народа, не знает тех, с кем он желает беседовать,— пусть он хоть дорожит указаниями, замечаниями, мнениями этих последних и учится по ним. Эти мнения *безусловно необходимы* составителям научных книжек; эти мнения *полезны* и авторам беллетристических произведений, для создания которых первое условие — талант.

Как бы ни посмотрел кто на эту мысль, как на трюизм или как на ересь, во всяком случае, это трюизм, с которым необходимо считаться. Что касается до обвинения в ереси, то должны признаться: да, мы разделяем эту ересь и думаем, что ее разделяют с нами все, кому приходилось следить за отношением народа к книге и кому удалось познакомиться с наличностью так называемой литературы для народа.

Авторы должны знать своих читателей. Это отнюдь не значит, что они должны подлаживаться под тон народа — наоборот: потому-то некоторые и подлаживаются, что не знают своих читателей, которым это подлаживание претит и внушает недоверие.

Создание популярно-научной литературы, обнимающей всевозможные отрасли знания, в значительной степени еще дело будущего. Но оно должно стать делом русской интеллигенции. Прямо или косвенно — все желающие могут принять в этом деле участие. <...>

Просматривая длинные списки книг, найденных у крестьян в различных местностях России, прежде всего поражаешься огромным преобладанием книг религиозных. Без сомнения, эти списки говорят и о религиозности русского народа, но, разумеется у всякого явления не одна, а несколько причин, его объясняющих. Вот на эту-то мысль и наводят некоторые ответы на наш «Опыт программы». В 168 ответах, словом, почти во всех, которые содержат ответ на 78-й вопрос, говорится, что старики больше любят читать книжки духовно-нравственного содержания.

Один учитель при собирании сведений спросил у мужика, почему у них так мало книг светских. На этот вопрос тот отвечал, что они и рады бы приобретать такие книги, да не всегда могут купить, что желают,— старики не позволяют и заставляют покупать, что им, старикам, больше нравится, т. е. божественные книги. «Старики, от которых зависит приобретение книг,— продолжает автор сообщения, — убеждены, что светские книги не дают ничего хорошего, что, читая их, научишься только плохому; по их мнению, одно только божественное проливает свет. Такое мнение сложилось отчасти потому, что крестьяне, кроме дурных и часто безнравственных книг, вроде «Пана Твардовского» *, «Бовы» * и т. п., мало встречали книг хороших». <...>

Сводя все предыдущее к одному, мы видим, какое огромное (если не решающее) значение имеет для составителей народных книжек, прежде всего популярно-научных, затем книг беллетристических, изучение народа как читателя. Для авторов и издателей книг беллетристических это изучение разрешит такого рода пререкания, как пререкание об особой литературе для народа, о детском элементе в народной литературе и о поучительной миссии ее; оно же может удержать подчас от ошибок... Авторам книжек научно-популярных оно покажет, как нужно популяризировать знания в мало подготовленной массе. Нечего говорить, что сама жизнь подскажет и самые темы, за популяризацию которых должен приняться тот писатель, который своим трудом желает помочь жизни. <...>

IX

ТИПЫ ЧИТАТЕЛЕЙ ИЗ НАРОДА

Библиотечная статистика дает так мало материалов для характеристики читателей из народа, что для ознакомления с ними мы позволяем себе употребить совершенно иной прием. Мы не будем изучать их en masse, а постараемся изучать лишь некоторых из них, постараемся познакомить с различными представителями «читающей публики из народа», именно теми, которые, по нашему мнению, заслуживают особенного внимания в том или ином отношении. Читатели из народа так мало известны, что такое знакомство, думается нам, представляет значительный интерес.

Каковы читатели из народа? Ответы на этот вопрос крайне сбивчивы и неопределенны. Одним читатель из народа рисуется в виде гоголевского Петрушки, другим в образе гончаровского слуги, третьим в образе седовласого, угрюмого начетчика, зараженного расколом, и т. д. Таков ли этот читатель на самом деле? Тщательное изучение и сравнение читателя из привилегированных классов и читателя из народа прежде всего показывает, что первый не так уж хорош, а второй не так уж плох.

Все читатели, к какому бы классу общества они ни принадлежали, на какой бы ступени развития ни стояли, интересны посвоему. Между читателями «культурными» и читателями «из народа», как мы видели, есть разница, но и немало черточек сходства. Петрушки и гончаровские слуги встречаются и среди «чистых господ». Нам лично приходилось быть свидетелем, как «чистая публика» выбирает книжку по объему, по формату, по количеству «черточек» (тех самых, которые ставятся в начале красной строки, в разговорах: «черточки» эти — термин); иные спрашивают романы непременно такие, чтобы «порок не торжествовал». Одна девица настоятельно излагала даже целый рецепт романа, какой ей требуется, и чтобы он непременно кончался свадьбой. Это факт. Другие предъявляют рецепты иного рода. У массы подписчиков в таком же ходу «Рокамболь» — т. е. бесконечная серия антиестественных романов Понсон дю Террайля, Ксавье де Монтепена, сказания об индейцах и пр., и пр., как в народе «Английский милорд». Правда, здесь, в городских библиотеках вы не встретите Бовы, Еруслана и др., но зато есть такие же традиционные симпатии к Дюма, особенно к его «Трем мушкетерам», «Графу Монте-Кристо», к «Сыну тайны» П. Феваля, к разным «Тайнам» и «Сыщикам Лекокам» и др. Кто читает эти романы? Читают их купцы, чиновники, их чада и домочадцы, затем приказчики в разных торговых заведениях. Все это читатели «не из народа», если можно так выразиться. Присматриваясь к их отношению к книге, разговаривая с ними, вы встретите здесь очень большое разнообразие, которое наблюдается и в народной среде. Читатели везде бывают всякие. Одни схватывают только содержание, фабулу данного литературного произведения, другие уже вникают в отношения действующих лиц, третьи усваивают идею, четвертые способны к критическому отношению к этой идее и т. д. Присматриваясь к так называемым читателям из народа, деревенским, фабричным, в сущности, вы находите те же самые градации. <...>

Оставляя пока в стороне читателей мало подготовленных, мы познакомимся теперь с читателями другого рода, которых можно бы назвать *современными начетчиками,* которые, нужно сознаться, имеют не много общего с начетчиками минувшего. На первых не лежит уже библейско-схоластического отпечатка вторых; у них иные интересы, иные стремления, иные отношения к окружающему. Знакомство с ними крайне интересно. Оно не только дает материалы для решения вопросов, поставленных в предыдущей главе, но и открывает некоторые стороны процесса нарастания читателей. Те читатели, с которыми мы сейчас познакомим, почти всем своим богатством знаний обязаны книге. Правда, некоторые из них обучались в начальной школе, но каждый, кто с ними познакомится, хотя бы по тем обстоятельным ответам, которые они прислали мне на «Опыт программы», увидит, что очень многим они обязаны книге, своей любви к чтению.

Все они любознательны. Книга их привлекает; они ловят всякую печатную строку, начиная с клочка газеты и кончая какой-нибудь «Гисторией о падении Трои», изданием 1754 г., купленным случайно на базаре. Все попадающиеся под руку книги поглощаются без всякого разбора; все они оставляют в способной голове какие-либо следы, отрывки, намеки, которые своеобразно перерабатываются, дополняются. Мало-помалу читатель становится книжным человеком; мировоззрение его расширяется; он чувствует свое преимущество в этом отношении над другими сверстниками, односельчанами; уважение, какое крестьяне питают к книге, помогает обаянию книжного человека. Его влияние на окружающих устанавливается само собою и само собой уже возрастает: читатель становится умственным центром, из которого исходит влияние на других. Любовь к чтению, так сказать, индуцируется; эта индукция происходит, незнаемая, в разных уголках России, даже самых глухих. Так нарастает интеллигенция из народа, которая, несомненно, способна понимать интеллигентных представителей из других общественных слоев.

Весьма интересно, хоть издали, хоть одним глазком, взглянуть на этот процесс образования и нарастания читателя. Изучение этого процесса покажет, какое значение может иметь в умственном развитии народа работа интеллигенции в области народного образования вообще и над книгой для народа в частности; ниже будет идти речь об *избранных;* работа интеллигенции над расширением внешкольного образования и над созданием общедоступной книги, несущей в народ науку, знание и понимание различных областей мира, жизни и мысли, должна открыть дорогу для *всех.* <...>

Большинство хочет читать ту книгу, которая со временем может дать пользу в жизни, где есть много доказательств, которые встречаются и при наших глазах: «Раз если ты ее прочитаешь, то будешь иметь в опасном деле предосторожность. Но есть и такие желатели чтения, чтобы только посмеяться. Для того едва ли подействует и полезная цель». <...>

X
ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ ИЗ НАРОДА

Что результаты этой работы, внутренней, глубокой, быть может, заложенной на той же глубине, как работа мысли религиозной,— о которой мы знаем из истории русского рационализма,— что результаты ее, говорим мы, уже определяются,— это несомненно. Не только то интересно и важно, что предъявляются запросы *на* книжку, запросы на чтение вообще, но то, что предъявляются известные требования *к* книжке. Все более и более понимается ее значение.

Говоря так, мы имеем в виду не духовно нравственную книгу, ореол которой создан веками. Мы говорим о книге *светского содержания*. Требования чего-то лучшего, более внушительного, чем копеечная литература, раздаются из разных мест. В ответах на «Опыт программы» почти во всех констатируется это повышение уровня требований. Так, из Смоленской губ. нам пишут, со слов офени-книгоноши, что «народ ноне на книги стал разборчивее». Даже из далекого Сургута сообщают, что маленькие книжки не удовлетворяют взрослого читателя. «Мне приходилось слышать не раз от взрослых читателей, что «мы-де не дети, чтобы читать сказки. Мы можем читать и романы». Одною занимательностью книжки не удовлетворяются. Многие светские книжки, которые «пустое пишут», крестьяне называют *побасенками*. Нам сообщают даже о делении литераторов на «писателей» (кто «хорошее пишет») и «сочинителей» (кто «зря болтает») и деление литературы на «божественное» и на «сказки» или «басни». Басни — это так, пустяки, забава; они не нравятся, их не любят, о них говорят, что из них ничего вынести нельзя. Но только что они поймут, что и в басне содержится правда, нравоучение и т. п., тогда и басни начинают нравиться, их любят и читают. «Вначале, до чтения с туманными картинами,— пишет учительница Петергофского уезда В. Т. Добрынина,— к басням крестьяне относились презрительно; у них даже есть особое слово «побасенки», которым они клеймят всякие пустые разговоры и чтения. Но с тех пор, как читались и объяснялись басни на чтениях с туманными картинами, крестьяне стали смотреть на них совсем иначе, слушают с большим интересом и считают полезным и поучительным чтением. Во всяком случае, взгляд на басни изменился». Тот же процесс совершается и по отношению к другим беллетристическим произведениям и иным книгам. Если книга ничего не дает, она — «пустяки», «побасулька». Деревенская читающая публика не гонится за щекотаньем нервов, как делает это публика столичная. Она требует от книги *пользы*.

О поднятии уровня требований к книге свидетельствуют в своих письмах и ответах на «Опыт программы» и самоучки-писатели и деятели на почве народного образования, выдвинувшиеся из народной массы, представители *народной* интеллигенции, о которых сейчас будет идти речь.

Это тоже читатели из народа, тоже люди, обязанные многим книге, которая заменила им или значительно дополнила школу. Вместе с тем это люди, не ушедшие из своей среды. Они живут в деревне, занимаются земледелием, исполняют все то, что и другие их односельчане, но вместе с тем они сознательно пользуются таким орудием, как грамотность и знания, заключающиеся в книге; одни из них занимаются литературным трудом, другие действуют, устраивая библиотеки, становясь учителями в школах, ими самими основываемых, делаясь добровольными лекторами и т. д. <...>

XI
ЧИТАТЕЛИ ИЗ ФАБРИЧНЫХ РАБОЧИХ

Оставим теперь деревню и перейдем на фабрику. При всем различии условий жизни деревенских и фабричных, мы и на фабрике видим то же самое явление, что и в деревне. Мы видим тот же процесс, логический и необходимый, *самонарастания* читателя, процесс, крайне медленный и трудный, встречающий на пути столько различных затруднений, совладать с которыми могут далеко не все, по крайней мере, в настоящее время, когда работа по созданию средств к образованию внешкольному только что начата интеллигенцией. Мы и здесь видим, как грамотность неизбежным образом плодит стремление к книге; одна книга зовет к другой; чтение образует своего рода начетчиков, которые становятся маленькими центрами просвещения, каждый в своей среде. Из *читателей,* в известных случаях, вырабатываются и *писатели,* которые несут с собой и в себе все достоинства и недостатки такой системы, или, вернее, способа образования. Правда, не одной только книге они бывают обязаны этим образованием, но нельзя отрицать и той важной роли, которую играет в их судьбе книга. Образование заменяется начитанностью. Любознательный человек приобретает привычку читать очень быстро. В конце концов, граница между «читателем из народа» и читателем из «чистой публики» стушевывается само собою и нередко от нее не остается и следа. Тип вполне интеллигентного человека из фабричных рабочих, особенно в последние годы, определился довольно ярко, к тому же такой тип, для которого «особая литература» не только не нужна, но и вредна.

Фабричные читатели далеко не одно и то же, что деревенские, потому что и условия жизни, и амплитуда ее на фабрике — совершенно иные. Условия жизни так значительно отражаются на том, что и как читает народ, что последний вопрос нельзя изучать, не касаясь и не изучая первых. Напряжение в фабричной жизни равномернее распределено в году, чем в деревенской; первая требует больше подвижности, она менее консервативна; она несравненно более пропитана духом городской «цивилизации», со всеми ее сторонами — темными и светлыми. На фабрике время года отзывается на чтении книг гораздо меньше: деревня в страдную пору не читает; фабричные и летом, после окончания работ, после «звонка», берутся нередко за книжки. Мужику во время работ не до чтения; фабричного нередко можно увидеть с книжкою и у машины. Это чтение под стук и грохот машин заключает в себе нечто трогательное.

Много различий вы замечаете и в выборе книг для чтения. Религиозные книги на фабрике не в таком ходу, как в деревне; пост не так резко отражается на чтении. Читателям фабричным более любы книги светские. Весьма возможно, что это различие в выборе книг можно рассматривать как продукт различия в

условиях жизни и в близости к природе. Мужик, если так можно выразиться, стоит ближе к сырой, необработанной, менее зависимой от него природе, в которой величие и бесконечность виднее, и внушаемое ими религиозное чувство сильнее. Фабричный далек от этой природы, в его руках — покоренные, регламентированные, так сказать, силы природы; в машинах виднее могущество человеческого ума, мощь гения, изобретательности; фабричный сам господин машины, и сознание *этого* господства заставляет нередко забывать, что эта самая машина подчиняет его владельцу машин. Не в этом ли различии отношений к природе и лежит объяснение малой распространенности среди фабричных духовно-нравственных книг?

Среди фабричных в большом ходу толстые книги. «Стремление к чтению,— пишет нам один фабричный из одной глухой фабрики в Московской губернии, — сильное, но любят читать больше романы и повести, как лубочные, так и не лубочные». Из Онеги пишут: «Против города по ту сторону реки — завод. В рабочей казарме, когда большинство из рабочих проживало там, вследствие неудобства переправы через реку, читаются рабочими совместно сочинения Майна Рида, Эмара, Жюля Верна, Купера, Вальтера Скотта, разные издания Е. Ахматовой и т. п. Книги эти достают из библиотеки при городском училище». Из Ленвы: «Время года, в которое более или менее читают здешние рабочие, точно определить трудно, потому что круглый год они одинаково заняты работами». «Совместные чтения не редкость, особенно между молодежью». В списке книг, приложенном к этому сообщению, находим массу романов вроде таких: «Графиня де Маден», «Рыцарь Родриг», «Дар слова», «Американские степи». Из Губахинских каменноугольных копей: «Рабочие предпочитают светские книги, так что и больше и покупают на свой счет... Берут романы, больше переводные, из конторской библиотеки». «Не так живи, как хочется» Островского понравилось на любительском спектакле только некоторым, между тем как смешные водевили понравились всем без исключения. Вообще большинство здесь предпочитает такие книги, в которых описываются необыкновенные приключения» и т. д.

Но есть и такие читатели из фабричных рабочих, и их не так уж мало, как можно думать, которые исключительно читают книги, изданные для «культурных слоев». Из нескольких фабричных центров нам пишут, что читатели-рабочие покупают и интересуются такими книгами, как сочинения Щедрина, Диккенса, Теккерея, «Очерки из всемирной истории» проф. Петрова, «Русская история» Костомарова и Трачевского, труды Дарвина, Тимирязева («Жизнь растений»), и многими другими. Мы выписываем эти имена на память. Но можно бы было составить длинный список таких книг, которые находят в рабочей среде прием не менее радушный, чем в среде «чистой публики». Разница между двумя группами читателей, между прочим, и в том, что первая

больше *читает* и больше *вникает* в книгу, как в новый неведомый и светлый мир, а вторая больше просматривает ее, как нечто давным-давно известное, хотя бы и понаслышке. Во всяком случае, взгляд на фабричного читателя давно уже пора коренным образом изменить. Читатель этот вырос и продолжает расти с каждым днем.

Сообщения, имеющиеся в наших руках, позволяют сделать этот общий вывод и могут служить некоторыми иллюстрациями чтения на фабриках. Вряд ли можно сомневаться в том, что стремление к свету и знанию среди фабричных сильнее, чем среди крестьян. У нас под руками имеются в высшей степени интересные письменные ответы нескольких фабричных на предложенный им вопрос: что им интереснее было бы знать? «Я желал бы изучить геометрическое правило,— пишет один,— потому что я человек мастеровой, а для человека мастерового геометрия вообще требуется. Но меня не особенно интересует чтение о природе небесных тел. Хотя оно и интересно слушать это чтение, как все это создано премудро, но все-таки нам об этом не так требуется знать, как понятие о геометрии». Другой, напротив, пишет: «Иногда, всматриваясь в чистый небосклон, усеянный миллионами звезд, какие чувства охватывают мою душу! Какое-то наслаждение чувствуешь, рассматривая его, и желание узнать, охватить все!..» <...>

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История последних лет выдвинула вперед дело святое и великое и показала во всей ширине и глубине всем и каждому, сколько добра и света могут внести все желающие в общую сокровищницу народного образования и развития и какими разнообразными путями могут идти к общей цели работники.

Образование народа и его развитие, подъем его теоретической и творческой мысли, его сознательного отношения к окружающей действительности — одна из величайших задач нашего времени. <...>Великое дело требует многих работников, которых если и немало, то нужно еще во много раз больше, которые если и энергичны, то нужны еще более энергичные. Факты, собранные в нашей книжке, надеемся, обрисовывают с достаточной наглядностью нашу читающую публику, как из классов привилегированных, так и из народа. Из этих фактов видно, что если первая не так уж хороша, как это, быть может, кажется, так и вторая не так уж плоха, как, может быть, о ней думают. В той и другой есть положительные качества, которым нельзя не пожелать всякого развития, и качества отрицательные, с которыми желательна самая горячая, упорная борьба. Работников мало. Книг мало. Это неопровержимые факты. Но не так еще мало работников, как мало единения между ними. Не так мало книг, хороших книг, как медленно обращение их в обществе, в народе. Предыдущие страницы достаточно иллюстрировали эти общие положения, облекли их в фактический материал, позволяющий взглянуть на неприглядную действительность, какова она есть. Из них видно, до какой степени необходима дружная, сознательная, целесообразная работа, направленная на борьбу с книжным оскудением в разнообразнейших слоях общества и народа. Быстрое обращение книг — одно из самых необходимейших условий быстрого обращения идей. Русская читающая публика из привилегированных классов словно не торопится мыслить, как бы ожидая, когда наведут ее на кое-какие размышления события вроде неурожая 1891/92 гг. или подобные ему. Раздаются жалобы на дряблость нашей интеллигенции, на

бедность ее знаниями, на притупленность ее понимания. Вряд ли нужно доказывать, что в этих жалобах много есть справедливого, хотя отчасти и не самой интеллигенции в том вина. Ее вина в том, что она мало выделяет из своей среды таких элементов, которые, вместо того чтобы жаловаться на идейное оскудение, принялись бы прежде всего бороться с ним. Кипение жизни, чувства, мысли — заразительны. Жизнь вызывает жизнь. Живые элементы находят отзвук в элементах, еще не потерявших способность к жизни. А таких на Руси не тысячи, а миллионы. Общество должно создать, по примеру Западной Европы, широкую систему внешкольного образования привилегированных классов, а не только внешкольного образования народа. Первые нуждаются в такой системе не меньше, чем второй. Библиотеки и читальни занимают в этой системе одно из первых мест. Необходима дружная работа для распространения и развития библиотек, для пополнения их лучшими книгами; необходимо доводить и доводить до сведения читателя, к какому бы классу он ни принадлежал, что существуют на свете хорошие книги, что многие из них способны раскрыть перед читателем целый мир неведомых еще явлений, совершенно новых и свежих и могучих идей, стремлений, настроений, чувств. Необходимо облегчить возможно широкий доступ к этим книгам, которые нередко теперь гниют по книжным складам или покоятся на пыльных полках малодоступных библиотек.

Дружная, сознательная работа над внешкольным образованием привилегированных классов должна занять свое место рядом с работой в области народного образования. Первая работа лишь пополняет вторую. Спрос на работников по народному образованию гораздо больше, чем предложение, и усиливается с каждым годом. Их необходимо создавать. Правда, за последние 3—4 года библиотечное дело как будто бы начало здесь и там оживать. Доносятся из разных мест сведения о кое-каких светлых явлениях, об открытии и улучшении разных библиотек. Весьма возможно, что нарисованная нами картина в настоящее время не так мрачна. Но, повторяем, немногие ласточки еще не делают весны; немногие светлые явления еще не изменяют общего фона; немногие, даже очень искренние, преданные делу работники делают еще половину, четверть, сотую часть его, если не оживляют, если не одухотворяют своей работы ясным пониманием того, что всякое маленькое дело, во всяком случае, осмысливается лишь своим отношением к делу великому, близкому, дорогому, святому для всех тех, кому дорого и близко счастье родной страны.

Одна из отраслей дела или, вернее, одна из задач интеллигенции — это создание такой научно-популярной литературы, которая дополняла бы знания, полученные в начальной школе и открывала бы к этим знаниям доступ для тех, кто не удовлетворяется тем количеством знаний, какое дает школа.

К этой-то стороне или, вернее, этой отрасли дела, к созиданию научно-популярной литературы мы и желали бы привлечь работников; в ее созидании может и должен принять участие не только круг писателей — в нем могут и должны принять участие все те, кто по своему положению имеет возможность наблюдать и изучать народ как читателя, кто видит его отношения к книге, требования, предъявляемые к ней, кто слышит его отзывы о той или иной книге, о полезности или бесполезности ее, понятности или непонятности, о степени интереса, возбуждаемого ею, и т. д. Пусть до писателей доходят отзывы народа; пусть писатели по этим отзывам учатся писать.

Теперь, в заключение нашего труда, сделаем краткий обзор и сведем к одному все то, что мы старались показать выше по отношению к читателю из народа. Прежде всего, мы обратили внимание на нарастание читателя в тех слоях, которым не по достатку книжки дорогие, в крестьянстве, фабричном и рабочем населении городов и т. п. — рядом с этим мы указали печальное состояние так называемой «литературы для народа», основные взгляды на которую крайне не установились до сего дня и подчас не только странны, но даже смешны. Мы говорили затем, что составители книжек находятся как бы в темном лесу; в области беллетристики идут споры об «особой литературе», о «детских книжках для мужика», о необходимости его «поучать». В области литературы научно-популярной не менее заметно иногда даже полное незнание авторами своих читателей и условий их жизни; научно-популярные книжки пишутся иногда, как бог на душу положит и, в лучших случаях, пользуясь наблюдениями, сделанными в том или ином уголке. Не отрицая огромного значения и таких составителей книг, мы выразили мысль, что делу составления научно-популярных книжек может и должен помочь голос самого народа, к которому нужно прислушиваться и здесь, как везде, и услышать который поможет исследование отношений народа к книге, отношение разных читателей к разным книгам. Мы показали, какое значение могут иметь для составителей книжек отзывы народа о книгах, его указания, замечания, мнения; эти мнения, или, вернее, критика книг читателями из народа, *безусловно, необходима* для составителей научно-популярных книжек; эти мнения *небесполезны* авторам книжек беллетристических. Затем мы перешли к изложению задачи, поставленной нами в начале, — к ознакомлению с теми материалами, которые проливают некоторый свет на внутренний и незаметный процесс нарастания читателя, процесс, ускорить который — одна из задач интеллигенции; мы познакомили с длинным рядом читателей из народа, основываясь на их рукописях и письмах; оставляя в стороне читателей наименее подготовленных, мы остановились на тех, кого назвали современными *начетчиками,* т. е. людьми, обязанными очень многим книге, к которой они привязаны всей душой: эти люди благодаря книгам, всевозмож-

ным книгам, успели накопить в себе известный запас умственной, нет, не только умственной, а, если можно так выразиться, образовательной силы, а эта сила, раз она есть у одного человека, — сама собой, не случайно, а необходимо, передается другому, третьему, десятому, сотням, тысячам; знаменатель этой геометрической прогрессии обусловлен талантливостью и энергией личности. Эта индукция образования книжного напоминает индукцию электрическую. Можно было бы еще сравнить такого *начитанного* читателя с бродильным грибком, который и в закрытом, глухом сосуде производит брожение, и чем больше у него способностей, чем больше теплого доброжелательства к людям, тем больше результаты его *деятельности,* даже результаты одного его существования. <...>

Мы могли бы из имеющихся у нас под руками рукописных материалов, разработка которых, можно сказать, почти не начата, извлечь еще несколько примеров для характеристики народной интеллигенции, не говоря уже о материалах печатных; можно бы было привести еще длинный ряд фактов, несомненно доказывающий прогрессивное нарастание не только читателей из народа, но и народной интеллигенции, идущей на встречу, стремящейся к встрече с интеллигенцией из культурных классов, но, боясь утомлять читателя, мы остановимся и на этом, и спросим в заключение: не свидетельствует ли все, что мы изложили выше, во всей видимой разбросанности и отрывочности данных, что все это, все эти данные — *жизнь,* сама жизнь? Оттуда, отсюда, здесь, там, из дальней Онеги, из соликамской деревеньки, из холодного Сургута, из Московской губернии, и т. д., и т. д. набраны эти данные. И что они говорят! Они говорят о жизни. Самая их отрывочность жизненна. Систем в жизни не встречается... Все это говорит о жизни; десятки знаемых говорят о сотнях незнаемых, десятки замеченных о тысячах незамеченных, которых мы хотя и не знаем, но которые есть. Чтобы существовали герои, ведь нужна толпа: единицы, составляющие толпу, должны иметь в своем настроении нечто аналогичное с психической организацией героя. <...>

СРЕДИ КНИГ

ПОСВЯЩАЮ ЭТОТ ТРУД
ПАМЯТИ МОЕЙ МАТЕРИ
ЛИДИИ ТЕРЕНТЬЕВНЫ
РУБАКИНОЙ,

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ РАБОТАВШЕЙ СРЕДИ КНИГ И НАУЧИВШЕЙ МЕНЯ ЛЮБИТЬ КНИГУ И ВЕРИТЬ В ЕЕ НЕПРЕОБОРИМУЮ И СВЕТЛУЮ МОЩЬ

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

В настоящее время[1] в России ежегодно печатается около 15000 названий книг, в количестве, превышающем шестьдесят миллионов экземпляров. Над распространением этих книг трудятся не менее 5000 книжных магазинов и лавок (не считая книжных ларей, книгонош и т. п.) и не менее 20000[2] разного рода общественных, клубных и народных библиотек и читален, причем в это число не входят quasi-библиотеки школьные. Десятки тысяч работников стоят около книжного дела, живут *среди книг, в самом* круговороте их обращения, перед лицом десятков миллионов читателей из самых разнородных слоев населения и миллионов людей разного возраста, работающих над своим образованием и самообразованием, перед лицом быстро растущих и развивающихся потребностей умственной и общественной жизни, которая миллионами голосов вопиет о помощи и каждого русского человека властно заставляет вооружаться знаниями и развитием.

Книга — одно из самых могущественнейших орудий просвещения школьного и внешкольного и вместе с тем одно из могущественнейших орудий борьбы за истину и справедливость. Работники просвещения, стоящие около книг и трудящиеся над их распространением, относятся ли они к своей работе сознательно или полусознательно, не могут не делать и, разумеется, делают великое и необходимое дело: они служат *всенародному* развитию и *общественному* просвещению и, являясь их слугами, естественно принимают активное участие в той борьбе культурных, политических, экономических, умственных, нравственных и религиозных, научных и философских течений, которая кипит всюду вокруг.

Но одно дело принимать участие в кипучей исторической борьбе полусознательно и совсем другое дело вступить в нее, так

[1] Первое издание «Среди книг» вышло в 1905 г., второе издание, в котором Н. А. Рубакин повторил это предисловие, — в 1911 г. — *Сост.*

[2] В оригинале у Н. А. Рубакина явная опечатка — 20000 тысяч. — *Сост.*

сказать, во всеоружии книжных знаний, с определенным научно-философским и общественным миросозерцанием, с определенным пониманием, зачем и куда идти и чего добиваться, и какими средствами. Каждый работник книжного дела, если только он не желает быть простой машинкой для выдачи и разноски книг, должен стремиться прежде всего к тому, чтобы относиться к своему близкому, дорогому делу сознательно, стремясь вникнуть в самые основы его и осмыслить свое отношение к работе отношением этой последней к общему миросозерцанию. Поэтому *первая и основная* задача всех тех, кто стоит около книг, заключается в выработке определенного общего миросозерцания. *Вторая их задача,* имеющая своим фундаментом первую, заключается в том, чтобы познакомиться с наличностью книжных богатств, существующих на русском языке и созданных многовековой работой науки и литературы, оригинальной и переводной. Разобраться в этой наличности, выбрать из нее все мало-мальски ценное и достойное внимания, с точки зрения общего миросозерцания — такова *третья задача,* стоящая перед лицом всех работников книжного дела. Но это еще не все. Необходимо не только познакомиться с наличностью наиболее ценных книг, но и расклассифицировать их по определенной схеме, чтобы таким способом определить те пробелы, которые существуют в русской литературе по отношению к тем или иным отраслям знания, философии и искусства. Только познакомившись с тем, что есть на книжном рынке, можно с точностью определить, чего собственно ему недостает и в какую сторону должна быть направлена деятельность всех работников, которые трудятся над созданием и изданием книг для русской читающей публики. Такова *четвертая задача,* стоящая перед лицом этих работников. Но и ею еще не заканчивается их работа: они должны, кроме того, познакомиться *с содержанием* книг, которые проходят через их руки. Но ведь познакомиться посредством чтения с десятками тысяч книг и с их содержанием — это дело в высшей степени трудное, если не невозможное. Для этого требуется время, и даже очень много времени, которого у работников обыкновенно недостает и, кроме того, требуются научные и литературные знания, которые тоже не всегда имеются налицо. Мало чем помогают этому знакомству и рецензии, в которых далеко не всегда излагается содержание книги. Кроме того, на многие книги, вышедшие 10—15 лет тому назад, нет никакой возможности найти рецензий. И тем не менее знакомство с содержанием книг все-таки необходимо для всех работников книжного дела, библиотекарей, книгопродавцев и т. д. Значит, необходимо изобрести какие-либо новые способы для того, чтобы они имели возможность знакомиться и знакомить других с тем, что дают книги, проходящие через их руки. Способы эти должны быть указаны, и работники, стоящие около книг, должны быть так или иначе ознакомлены с тем, что дает и может дать тому или иному читателю та или иная книга. Они

должны держать в своих руках *книжные знания,* или, точнее говоря, книжные источники этих знаний. Они должны знать и понимать, в какой книге найдет тот или иной читатель определенный и обстоятельный ответ на те вопросы души, которые его мучают в данное время. Заглавие книги говорит еще слишком мало. Работники, стоящие около книг, должны быть настолько хорошо знакомы с книжным содержанием, чтобы иметь возможность, в крайнем случае, указывать не только книги, но и главы, и даже страницы таких книг, где читатели найдут материал для решения интересующих их вопросов. Иметь возможность и уметь делать такого рода указания — это и значит держать в своих руках книгу как орудие борьбы за истину и справедливость. Такова *пятая задача,* которую должны разрешить работники, стоящие около книг и сознательно относящиеся к своему делу. Но и это еще не все. Приведя в известность наличный состав и содержание книжных богатств, существующих на русском языке, необходимо оценить их с точки зрения относительной трудности их понимания, их относительной популярности и доступности. И эта оценка всей наличности избранных книг необходимо должна быть сделана, так как без нее вряд ли возможна плодотворная и планомерная работа над распространением книг в самых широких кругах читающей публики с их самой разнообразной подготовкой. В этом и заключается *шестая задача,* которая тоже должна быть разрешена. Только при удовлетворительном решении всех этих задач каждый работник книжного дела действительно будет исполнять ту общественную, в высшей степени важную функцию, которую он, в сущности, и должен исполнять: распространять книги, а значит, и знание, понимание и настроение среди читателей, среди *народа,* понимая это слово в широком смысле. Библиотекарь, книгопродавец, издатель — все это *книжные двигатели.* Все они должны быть настолько знакомы и осведомлены в том, что может дать книга, чтобы на каждый запрос, предъявленный со стороны любого читателя, — «где я могу прочесть по такому-то, в данный момент интересующему меня вопросу?» — иметь возможность дать точный и определенный ответ: «на этот ваш запрос вы, человек, имеющий такую-то подготовку, можете найти желательный вам ответ в такой-то книге». Давать такие указания по всевозможным запросам, от кого бы они ни исходили и к какой бы отрасли науки и литературы ни относились, — это и значит сознательно работать над распространением лучших книг, это и значит, основываясь на требованиях *жизни,* служить, путем распространения лучших книг, и «вечной истине» и «злобе дня». Разумеется, весьма возможно, что многие запросы, идущие со стороны читателей, вовсе не могут быть удовлетворены посредством указаний на существующие книги: ведь эти последние иной раз могут быть распроданы, иных же вовсе нет и даже никогда не было на русском языке. Но коли этих необходимых книг еще не суще-

ствует, то, повинуясь тем же требованиям жизни, необходимо искать путей для их *создания*.

Таким образом, перед работниками книжного дела раскрывается еще одна весьма важная задача: пополнение книжного рынка недостающими и необходимыми книгами.

Вряд ли нужно доказывать, какое громадное значение имеет разрешение всех этих задач на практике. Разрешить их на практике — это значит вооружить всех работников, стоящих около книг, это значит одухотворить их работу теми научно-философскими и общественными идеями, которые являются достоянием нашего времени. Как известно, на книжном рынке существует теперь несколько книг и брошюр, посвященных технической стороне книжного (библиотечного и книгопродавческого) дела. К сожалению, до сих пор нет ни одной книги, которая была бы посвящена идейной стороне его. Но эта-то последняя и нуждается в особенно тщательной разработке. Книга, выпускаемая нами в свет, и представляет скромную попытку такой разработки.

В этом нашем труде мы старались не столько *разрешить* все вышенамеченные задачи, сколько *посодействовать* их разрешению, показать самую возможность разрешения этих задач, оказать посильную помощь всем работникам книжного дела, а также и всем тем, кто работает над своим образованием и самообразованием. Книга эта была задумана нами уже много лет тому назад, именно в 1890 г., когда мы впервые приступили к разработке теоретических вопросов библиотечного дела.

В основу этой книги положена идея, высказанная нами еще в 1893 г.; первоначально в докладе, читанном на одном из заседаний Спб. комитета грамотности, а затем в «Русском богатстве» (1893 г., 11, 12) и в нашей книге «Этюды о русской читающей публике». (См. с. 61—64 настоящего издания. — *Ред.*) <...>

Но одно дело — наметить теоретические основания библиотечной организации, а другое дело — осуществить их на практике. Вскоре после того, как был напечатан в «Русском богатстве» вышеупомянутый наш доклад, читанный в Комитете грамотности, мы сделали попытку составления примерного каталога общеобразовательной библиотеки по вышеизложенному плану и приступили к большой библиографической работе. С первых же шагов мы увидели, что эта попытка должна окончиться неудачей, так как *на русском языке вовсе не оказалось книг* по многим отраслям знания, в особенности же книг научно-популярных и так называемых «народных». Познакомившись с наличностью книжных богатств того времени, мы вскоре должны были прийти к убеждению, что целые отделы каталога, задуманного нами, вовсе не могут быть заполнены за неимением подходящих книг. К этому же убеждению пришел и «Отдел для содействия самообразованию», возникший около того же времени при Спб. педагогическом музее военно-учебных заведений. Этот отдел, в работах которого по составлению «Программ чтения для самообра-

зования» (кстати сказать, выходящих ныне пятым изданием) и нам приходилось принимать посильное участие, с первых же шагов тоже наткнулся на это же непреодолимое препятствие в виде недостатка популярно-научных книг на русском языке и должен был вводить в свои программы, предназначаемые для широких кругов читателей, такие книги, которые требуют от этих последних весьма значительной научной подготовки. С тем же недостатком подходящих книг пришлось считаться и Московской комиссии по организации домашнего чтения, состоящей при учебном отделе Общества распространения технических знаний. Эта комиссия, по ее собственному заявлению и по вышеуказанной же причине, сама должна была приступить к издательской деятельности и положить основание своей превосходной «Библиотеке для самообразования», издаваемой под редакцией проф. П. Г. Виноградова, П. Н. Милюкова, А. И. Чупрова и др. через товарищество И. Д. Сытина.

Так было в 1893 и 1894 гг. С того же года, как появились программы, начинается, как известно, небывалое оживление на русском книжном рынке, — внешний признак весьма глубокого перелома, совершившегося около того же времени в сознании не только культурных кругов русского общества, но и русского рабочего народа. И в городах, и на фабриках, и даже в деревнях проявился новый читатель и очень определенно заявил свое властное желание теперь же, неотложно приобщиться к тому самому просвещению, которым живет и которым сильно современное культурное человечество. Читатель этот выступил не только враздробь, в виде отдельных самоучек, современных светских начетчиков, но и целыми массами, и проявил дотоле небывалую требовательность не только к книге, но и к жизни, к тем условиям, которые уже много десятков и даже сотен лет держат ее в своих гнетущих и обезличивающих тисках. Этот нарастающий читатель начинал и к тому же усиленным темпом не только «почитывать», но и «подумывать», он даже как будто готовился к действию, то сознательно, то полусознательно, а то и просто стихийно побуждаемый к активной деятельности целым рядом тяжелых бедствий, начиная с конца 80-х и начала 90-х гг. Появился невиданный дотоле спрос на научную и научно-популярную книгу. Развилась до небывалых размеров книгоиздательская деятельность, не только в столицах, но и в провинции, с Ф. Ф. Павленковым и только что возникшей тогда фирмой О. Н. Поповой во главе. И эта интенсивная издательская работа с тех пор не прекращается и до сего времени. Разумеется, под напором напряженного спроса, возраставшего с каждым годом, русский книжный рынок за последние 12—13 лет сделался неузнаваем, как это и показывает статистика книжной печати [1]. За последние

[1] См. нашу статью «Книжный поток» («Русская мысль», 1903—1904), где мы сделали попытку разработать статистику русского книгоиздательского дела за последние 15 лет.

два года книжное дело сделало дальнейшие и очень крупные шаги вперед. Развитие русских книжных богатств не только не приостановилось, даже под давлением таких великих и всенародных бедствий, как японская война, а даже, напротив, именно во время бедствий книга и сделала (отчасти под влиянием газет) новые и крайне важные завоевания в народной среде. Ныне наблюдаемый рост общественного и народного сознания, как и следовало ожидать, отразился на русском книгоиздательстве в самую благоприятную сторону, и та библиографическая, давно задуманная работа, которая была невозможна 13 лет тому назад, сделалась в настоящее время до известной степени возможной. <...>

В основу нашей книги положен следующий план. Он разделяется на такие отделы:

Первый отдел — теоретический. Здесь идет речь о классификации наук и о классификации книг по наукам, в связи с вопросом об общем образовании, его целях и задачах. Мы стараемся выяснить здесь основные принципы комплектования библиотек, подбора книг для них и распределения книг по степеням относительной трудности их понимания.

Второй отдел — библиографический — представляет из себя примерный каталог большой общеобразовательной библиотеки, удовлетворяющий тем требованиям, которые сформулированы нами в первом отделе. В этот каталог введены нами не только книги, существующие в продаже, но и распроданные. Насколько нам позволили наши библиографические знания и каталоги разных букинистов, у многих из распроданных книг мы ставили в скобках слово (распр.), отмечая там таким способом книги, которые до сего дня еще требуются *самой системой знаний,* но не имеются на книжном рынке. Позволяем себе обратить внимание издателей на эти пометки. Правда, эти наши указания мы считаем далеко не полными, но и они, по нашему мнению, могут сослужить хорошую службу издателям и вообще делу пополнения русского книжного рынка хорошими книгами, хотя и вышедшими из продажи, но далеко еще не утерявшими своего значения.

Третий отдел — приложения. Здесь мы даем, во-первых, краткий список пособий для библиотекарей, который поможет им еще более ориентироваться в деталях книжного и библиотечного дела. Далее, мы даем несколько примерных каталогов небольших библиотечек на разные суммы, причем при комплектовании этих библиотечек мы старались осуществить на практике те же основные принципы, которые изложены нами в первом отделе. Работая над составлением этих примерных каталогов, мы пришли к следующему, как нам кажется, довольно интересному выводу: *в настоящее время уже имеется полная возможность устраивать небольшие общеобразовательные энциклопедические библиотечки по нашему плану — домашние, кружковые, общественные,*

имея в руках очень небольшие средства (от 100 р.). Современное состояние русского книжного рынка позволяет сделать это в достаточной степени. Дело теперь только за организаторами библиотек. Полагаем, что и за ними остановки не будет. Далее мы даем в этом отделе две схемы библиотечных каталогов и, наконец, алфавитный указатель имен авторов, вошедших во второй отдел, т. е. в наш примерный каталог общеобразовательной библиотеки. Этот указатель особенно необходим потому, что, как это будет видно дальше, в распределении книг по отделам каталога мы придерживаемся своей особой системы *дробления рубрик,* весьма облегчающей отыскивание книг *по вопросам,* но значительно затрудняющей отыскивание их по именам авторов.

Четвертый отдел нашей книги представляет собою опыт библиографического указателя *содержания* тех семи тысяч книг, названия которых указаны во втором отделе нашего труда. Этот указатель мы выпускаем отдельным изданием, причем стараемся возможно полнее использовать тот материал, который содержится в книгах, помещенных нами в наш каталог. При составлении этого указателя, мы выдвигали на первый план не столько *фактическую,* сколько *философскую* сторону каждой науки, а в отделе искусства, и особенно в отделе беллетристики, старались наметить этико-философские и общественные вопросы, которые не могут быть чужды мыслящему человеку, серьезно трудящемуся над выработкой своего миросозерцания и сознательно относящемуся к окружающей жизни. По каждому такому вопросу мы старались дать возможно больше библиографических указаний на лучшие произведения как русских, так и иностранных авторов. Те же вопросы жизни мы старались обставить библиографическими указаниями также и научных книг. Таким образом, этот отдел нашей книги представляет из себя список главнейших научных, философских и этических *вопросов,* ответы на которые читатели могут найти в книгах, помеченных теми номерами, какие указаны при каждом вопросе. Читатель, интересующийся одним из этих вопросов, без особого труда может отыскать по этим номерам в каталоге те книги (или главы и даже страницы книг), которые дадут на них ответ, а по римской цифре, приводимой при каждом номере, может судить и о популярности изложения данной книги. Ввиду больших технических и других трудностей составления этого отдела нам приходится выпускать его отдельным изданием, как второй том нашего труда.

Когда наш каталог вчерне был уже окончен и когда уже нужно было сдавать его в печать, мы долго колебались, не решаясь сделать этого шага. Нам хотелось даже отложить опубликование нашей работы еще на несколько лет и заняться самой детальной ее проверкой и разработкой. Нас пугала и останавливала самая сложность работы, которая, исполненная одним человеком за свой страх, не может не иметь весьма серьезных недостатков и

погрешностей, происходящих как по вине самого работника, так и по условиям сложности самой работы, а кроме того (и это очень важно), по ее неизбежной субъективности в оценке не только книг, но даже и авторов. И в самом деле: разве может не быть субъективности при решении таких вопросов, как, напр.: которая из двух рекомендуемых книг заслуживает большего или меньшего внимания? которая из них лучше или хуже и которая интереснее и понятнее? Книги в библиотеке, как и зоологические виды в природе, соединены между собою длинными рядами переходных форм. Вот эти-то последние, как известно, больше всего и затрудняют классификаторов, и та или иная оценка той или иной формы не может не встречать, даже с точки зрения самого оценщика, весьма существенных и веских возражений. И это справедливо не только по отношению к распределению книг по отделам, но и по категориям читателей. Это справедливо даже и по отношению к классификации самих отделов. И книги, и вопросы, и отделы могут быть классифицированы на множество разных ладов и способов. Мы выбрали такую классификацию, которая нам показалась наиболее целесообразной с нашей точки зрения, по отношению к главной нашей цели, — помочь по мере сил возможно широкому распространению лучших книг в возможно широких кругах населения и внедрить в сознание всех русских читателей, что ныне существующая наличность книг на русском языке уже представляет из себя такую лестницу, по которой может и должен идти вперед и вверх всякий желающий, кто бы он ни был, — крестьянин или фабричный, студент или литератор, — и каким бы вопросом он ни интересовался, лишь бы старался вникнуть в самую его глубину. Все науки, все вопросы, в сущности говоря, представляют не *ряд, а круг,* и с какой точки окружности ни начни двигаться по этому кругу — лишь бы была охота да вдумчивость, «пытливость ума» — все равно будешь переходить от книги к книге и от науки к науке, пока не впитаешь в себя цельного, закругленного, законченного и чуждого догматизму научного миросозерцания, осмысленного критическим отношением к окружающей действительности и одухотворенного гуманным общественным настроением, которое требует от каждого человека не только идей, *но и дел.* Каково бы ни было исполнение на практике намеченной нами задачи, какими бы недостатками оно ни обладало — мы решили, в конце концов, теперь же приступить к печатанию этой книги, и побуждением к такому решению служили не только соображения личного свойства, в силу которых откладывать эту работу было равносильно тому, чтобы никогда не исполнить ее. Нас побудили к ее неотложному опубликованию те самые явления, которые совершаются вокруг нас, выдвигая каждый день из народной глубины десятки, а может быть, и сотни тысяч читателей, которые теперь же, неотложно и необходимо и во чтобы то ни стало, *должны* вооружить себя знанием и пониманием, чтобы созна-

тельно творить жизнь, которую они *не могут не творить*. В разных уголках русской земли наблюдается теперь прилив таких читателей. Под их напором буквально ломятся двери некоторых библиотек. Настало время, когда все русские библиотеки и все другие очаги книжного дела обязаны принять активное участие в духовном воспитании возможно широких кругов читающей публики, особенно тех ее слоев, которые стремятся к книге из глубины трудящихся масс. Библиотеки должны теперь же запастись необходимыми книгами, и издатели должны помочь дальнейшему созиданию той лестницы, о которой выше шла речь. Библиотеки должны возможно шире открыть свои двери читателям и, если нужно, то коренным образом изменить свой состав. Если наша работа хоть немного поможет в этом отношении, значит, она не пропала даром.

Книга — сила. Книга — страшная сила. Но в огромном большинстве случаев сила эта находится в скрытом потенциальном состоянии. Сильная своею связью с жизнью и выдвигаемая ее жгучими запросами, идея завоевывает жизнь все-таки очень медленно. Во всяком случае, она проникает далеко не так быстро, как это было бы желательно, в виде назревших и назревающих потребностей жизни. Мы глубоко убеждены, на основании нашего личного опыта и на основании данных, собранных многочисленными исследованиями, что круговращение книг может быть *сознательно ускоряемо*. Задача всех работников книжного дела — помогать этому книжному круговращению, кто где может, кто как может и кто на каком месте стоит.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ТОМУ ВТОРОГО ИЗДАНИЯ

Первое издание этой книги вышло в августе 1905 г., т. е. в самое неудобное время для всякого рода библиографических трудов. Тем не менее в два с половиной года, несмотря на довольно высокую цену, все издание было уже распродано, вопреки ожиданиям составителя, отнюдь не рассчитывавшего на столь радушный прием.

Успех первого издания наглядно показывает, до какой степени русский книжный рынок нуждается в общих библиографических указателях и обзорах книжных богатств, имеющихся к услугам русского читателя. Всякий работник книжного дела, всякий учащийся, всякий работающий над своим самообразованием должен эти богатства знать возможно шире, возможно глубже и полнее, для того чтобы искать и находить по любому вопросу такую именно книгу, которая дает достаточно полный и ясный ответ на этот вопрос и более или менее подходит для данного читателя. Но таких общих обзоров до сих пор нет, и составление их представляет чрезвычайные трудности. Чтобы составить такой обзор, необходимо прежде всего иметь под руками огромные количества книг, затем еще большее количество всякого рода оценок, критик, рецензий, описаний этих книг; далее, необходимо изучить и все эти книги и их оценки и, наконец, все это сопоставить с русской читающей публикой — ее нуждами, потребностями, привычками, вкусами.

Нужно ли доказывать, сколь огромное значение имел бы для ее широких кругов такого рода общий обзор, если бы когда-либо и кем-либо он был составлен? Так или иначе сделать, по крайней мере, первую попытку его составления — пускай даже самую слабую, самую несовершенную, — во всяком случае необходимо. Недосмотры и промахи, неизбежные в таком кропотливом труде, впоследствии могут быть сглажены и исправлены; работа единоличная может быть затем заменена коллективной. Но пока что первый шаг лучше не откладывать, и книга, которую мы теперь выпускаем в свет, представляет из себя именно такого рода попытку, такого рода первый шаг. Она настолько отличается от первого издания, что по этому поводу теперь же необходимо сказать несколько слов.

Первое издание этой книги представляло собой сравнительно небольшой каталог наиболее ценных русских книг (до 7500 названий), классифицированных по их содержанию и по трудности изложения. Этому каталогу предшествовало введение, в котором было дано объяснение самого плана каталога и отчасти сформулированы принципы оценки книг и трактовался довольно запутанный и сложный вопрос о классификации наук.

Принимаясь за подготовку второго издания, составитель решил сделать, быть может, чересчур для него смелую попытку и

дать нечто большее — более существенное, важное и необходимое, а именно — не только *каталог* книг, но и *сравнительный обзор* их по особой системе, положив в основу этого обзора не только классификацию явлений и областей жизни, но и *историю научно-философских и литературно-общественных идей.* Положив в основу своей работы анализ *жизни* (а не условную схему наук, работающих над ее разносторонним освещением и изучением), составитель предполагал, таким образом, самим планом каталога приблизить к жизни лучшие книги, ее освещающие и помогающие разбираться в ней. Полагая затем в основу научных и всяких иных теорий и вообще толкований жизни историческую точку зрения, с которой все оттенки и направления мысли одинаково подлежат изучению, если они в достаточной степени уже определились в жизни, составитель старался, таким образом, сделать свой обзор книг возможно объективнее, беспристрастнее, полагая, что «история мнений — лучший, хотя и строгий судья их». Ставя свою работу на такую почву, составитель желал бы прежде всего избежать упреков в пристрастии, полагая, что время, нами переживаемое, прежде всего должно быть временем беспристрастной оценки, а будет нужно — и переоценки всяких программ, — всех без исключения. Таким образом, партийная точка зрения совсем исключена из этой книги и заменена внепартийной, или, точнее говоря, надпартийной (см. § 25 и 73 введения, «Борьба с тенденциозностью и односторонностью оценки»), и потому мы заканчиваем первую часть этого труда (§ 89) следующим образом формулируя принцип, положенный в его основу: «Будем прежде всего смотреть на то, что могло бы соединить людей, а не на то, что разъединяет их» [1].

Таким образом, второе издание этой книги представляет собой *опыт обзора лучших русских книг в связи с историей научно-философских и литературно-общественных идей* — опыт, далеко не совершенный во многих отношениях, но, во всяком случае, *первый* такой опыт, и не только в России. Сколько нам известно, таких обзоров не существует ни на французском, ни на немецком языках, если не считать «Librairie rationaliste», (изд. Reinwald'а) и «Litterarische Ratgeber» (изд. Düresbund'а), — двух очень кратких указателей лучших французских и немецких книг, с небольшими характеристиками их в предварительных замечаниях к каждому отделу. Впрочем, оба эти указателя слишком кратки, односторонни и совсем не преследуют цели, намеченной нами выше.

Эту последнюю, относительно второго издания нашего труда, можно формулировать так.

Мы желали бы дать всем работникам книжного дела, библиотекарям, книгопродавцам и т. д. и всем работающим над своим образованием и самообразованием возможность ориентировать-

---

[1] Об ошибочности этих взглядов Н. А. Рубакина см. с. 30, 219. — *Ред.*

ся в русских книжных богатствах, познакомиться с общей наличностью тех книг, которые представляют наибольший интерес в целях общего образования и выработки *общего* миросозерцания, составляющего главный и основной фундамент всяких наук и искусств, верований, стремлений; всяких специальных и профессиональных знаний, технических приемов, навыков. Мы желали бы помочь знакомству читателей не только с заголовками и названиями книг, но и их внутренним содержанием и даже характером, *независимо от заголовка,* так, чтобы каждый работник книжного дела и каждый читатель имел возможность найти библиографический ответ на любой вопрос, относящийся к области общего образования, лежащей, в виде общей схемы, в основе нашего труда, — по крайней мере на главнейшие из этих вопросов.

Благодаря трогательно-доброжелательному отношению к этому нашему труду со стороны издателя его, И. Б. Поздеева, всегда относившегося с особой предупредительностью ко всем проявлениям фанатической любви к книге и библиографическим размахам составителя, этот последний решил воспользоваться случаем и подвести наконец итог своему 35-летнему сиденью среди книг, начиная с детского возраста, и мобилизовать все свои библиографические силы.

Две области библиографических знаний положены в основу этого труда: во-первых — изучение книг, во-вторых — изучение читателей. Обе эти стороны мы никогда не отделяем одну от другой, как это было и в первом издании, с той только разницей, что в основе второго издания лежит неизмеримо больше материала, чем в основе первого издания. Непосредственное знакомство составителя с делом самообразования, постоянное общение с читателями, индуктивное изучение их типов по экспериментальному методу, выработанному самим автором, — все это позволило внести во второе издание нечто такое, чего не было в первом.

Вот в кратких чертах общий план второго издания «Среди книг». Сопоставив его с первым изданием, читатель сам увидит, в чем заключаются наиболее существенные перемены, введенные нами во второе издание.

1. Это последнее состоит из двух больших томов. Первый том, ныне выходящий в свет, заключает в себе две части: первая часть — теоретическая, вторая — библиографическая.

2. В первой, теоретической, части мы делаем попытку изложить основные принципы книжного дела, выяснить его основные, жизненные задачи, в смысле сближения книги и жизни. При этом, согласно указаниям работников, мы значительно упрощаем наше изложение. Принимая за основу нашего труда схему общего образования, мы кладем в основу этого плана классификацию явлений окружающей нас жизни — интимной, социальной, космической. Мы говорим о классификации явлений и о классификации наук, в общем плане обзора русских книжных богатств в

связи с планом общего образования, о распределении книг по этому плану, по его отделам, о внутренней организации каждого отдела, о выборе книг для них, о распределении книг по кругам читателей, по их психическим и социологическим типам, по их читательской подготовке. Формулируя основные задачи книжного дела, мы стараемся осмыслить, таким образом, его практическую сторону, дать работникам книжного дела руководящую нить в их работе, в стремлениях многих из них поставить это дело на рациональную почву.

3. Вторая библиографическая часть нашего труда (II часть первого тома и второй том) разделяется, в свою очередь, на два главных отдела. В первый входят отделы изящных искусств (в том числе беллетристика), затем публицистика и этика, в связи с их историей, историей литературы, литературно-общественных течений и критики. Во второй отдел этой части (и во второй том этого труда) входят общественные и естественные науки, математика, логика, гносеология и философия, детский, справочный и библиографический отделы и приложения (алфавитные указатели — именной и предметный).

4. Каждый отдел второй, библиографической части (I и II тома) состоит из двух частей: 1) описательной и классифицирующей и 2) собственно библиографической, перечисляющей названия книг. Описательная часть носит название «предварительных замечаний» и содержит сравнительные обзоры книг в связи с историей теорий и вообще научно-философских и литературно-общественных течений. Читатель найдет в «предварительных замечаниях»: а) общую характеристику каждого отдела, заимствуемую нами из произведений, по возможности, наиболее выдающихся авторов, знатоков данной отрасли жизни и знания; б) более или менее подробное *сравнительное описание* общих руководств и обзоров каждой отрасли знания; в) хронологическое распределение авторов (по эпохам или десятилетиям), а во многих случаях и по странам, с указаниями годов рождения и смерти авторов; г) распределение авторов по главнейшим основным течениям мысли и школам; а иногда, где представлялось возможным (напр., в отделах истории литературы, публицистики, этики и т. д.), по некоторым основным вопросам, изучаемым данной отраслью знания; наконец, е) по кругам читателей (по библиотекам трех основных типов). В «предварительных же замечаниях» мы знакомим читателя, также по большей части посредством цитат из подлинников, с главнейшими теориями наиболее выдающихся авторов и отмечаем наиболее существенные пробелы в русской литературе, указывая при этом те произведения (на французском, немецком, английском, а отчасти и на других языках), которые, по нашему мнению, могли бы пополнить эти теоретически намеченные пробелы.

5. Библиографическая часть каждого отдела разделяется у нас на параграфы, один или несколько в каждом отделе. К каж-

дому параграфу отнесены книги, трактующие, хотя, быть может, и с разных сторон, об одном и том же вопросе, иногда очень частном. Мы не боялись сильно детализировать распределение книг по параграфам, в уверенности, что это не может не способствовать читателям возможно легко находить библиографические указания по любому, их интересующему вопросу. О каком именно вопросе идет речь в книгах, отнесенных к тому или иному параграфу, об этом мы прежде всего указываем в «предварительных замечаниях». Подбирая библиографический материал для каждого отдела, мы всегда старались отделять общие обзоры и руководства от монографий, книги описательные, фактические, систематизирующие и классифицирующие — от теоретических и философских. Каждый отдел мы старались заканчивать философией его. Особенно важное значение мы всегда придавали книгам о методах исследования и изучения (книгам для практических занятий). Иногда мы выделяли книги, имеющие особенно важное историческое значение (напр., в отделе этики, истории, биологии и т. д.). Таким образом, посредством такого распределения книг по параграфам, явилась возможность, по нашему мнению, достигнуть довольно детальной классификации книг *по их характеру,* независимо от заголовков, а это распределение дает возможность читателю, если не всегда, то в огромном большинстве случаев судить о любой книге по месту, занимаемому ею в общей системе. Зная номер интересующей его книги, читатель даже по оглавлению нашего труда может уже определить это. В библиографической же части мы старались распределить книги и по степеням относительной трудности изложения и понимания их. Эти степени обозначены при каждом номере книги римскими цифрами. Книги, отмеченные римской цифрой I, доступны для читателей, получивших образование ниже среднего и начальное. Книги, отмеченные римской цифрой III, — книги специальные, требующие от читателей значительной подготовки. Книги, не отмеченные никакой цифрой (потому что таких большинство), — книги популярные, доступные читателям со средним образованием. Книги, отмеченные цифрою II, доступны для начинающих читателей этой последней категории.

Все вышеизложенное в достаточной степени указывает читателям способы практического использования нашего труда. Из предыдущего же видно, что второе издание «Среди книг» весьма существенно отличается от первого, и не только по числу указываемых книг (в первом издании около 7500, во втором около 20 000), но и по другим внутренним сторонам. Вышесказанное достаточно иллюстрирует *мозаичность* нашей работы — мозаичность, которая нередко повергала и составителя и его помощников в настоящее отчаяние вследствие полнейшей невозможности не только в нужные моменты, но и вообще отыскать ту или другую библиографическую деталь, навести ту или иную точную справку (напр., о цене книги, о ее последнем издании, о ее кон-

фискации и т. п.). На книги конфискованные, ввиду того значения, которое имеет для всякого книготорговца и библиотекаря эта сторона дела, мы старались обратить особенное внимание и возможно тщательно отмечали, которые из них испытывали такую судьбу. Кроме того, ввиду постоянного пополнения списка конфискованных книг мы перепечатываем его полностью во втором томе нашего труда — дополнение, необходимое по нашему мнению, для всякой справочной книги. Старались мы пополнять нашу работу и вновь появляющимися книгами, следя за ними по «Книжной летописи» и по газетам, а затем выписывая наиболее важные для нас новинки. Но, несмотря на все наши старания, печатание нашего труда, по чисто техническим причинам, шло так медленно, что многие новые книги, вышедшие в свет во время печатания, мы все-таки должны были отнести к дополнению, которое и будет приложено ко II т. Отчасти может служить вместо этого дополнения каталог книг за 1910 г. [1] (изд. кн. маг. «Наука»). Ввиду мозаичности нашей работы да не посетует на нас читатель, встречая в ней ту или иную погрешность, пропуск или опечатку, помня, что со стороны составителя было сделано все возможное, чтобы число таких погрешностей было возможно меньше. За указание таковых мы во всяком случае будем весьма признательны.

Переходя теперь к техническим особенностям нашего труда, мы прежде всего должны отметить, что в *его основу положено непосредственное знакомство с книгами,* просмотр и изучение книг, т. е. *работа по сырым материалам,* непосредственно *по книгам,* по возможности, независимо от разных каталогов, рекомендательных указателей, рецензий и т. п. чисто библиографических источников. Только работая таким способом, мы имели возможность распределить книги *по содержанию,* независимо от заголовков и названий. Но, не полагаясь на оценку книг только одного лица, мы постоянно старались все-таки проверять себя посредством возможно широкого знакомства с рецензиями и указателями. Всего нами просмотрено не менее 15 000 рецензий во всех наиболее выдающихся периодических изданиях и все указатели, список которых мы даем в приложении ко II тому. Сравнительное знакомство с рецензиями, нередко крайне противоречивыми, и сопоставление их между собою и с книгами тем более заставило нас положить в основу нашего труда непосредственное изучение самих книг. При составлении «предварительных замечаний» приходилось работать также по большей части по сырым материалам. Особенного труда в этом отношении стоил отдел русской публицистики, история которой, как известно, до сих пор не написана. Чтобы набросать общую схему этой ее истории, пришлось не только перерывать старые журналы, но и знакомиться

[1] Систематический каталог книг, вышедших в 1910 г. С указателем рецензий. М., 1911.

с произведениями разных публицистов непосредственно, а в некоторых случаях обращаться за разъяснениями к самим авторам. Таким образом, для составления «предварительных замечаний» к этому отделу, пришлось произвести не только библиографическое, но и историко-литературное и историческое исследование, которое, при щекотливости темы и мозаичности работы, все-таки не вполне гарантирует от ошибок и промахов, неизбежно связанных с таким трудным вопросом, как определение литературно-общественной физиономии того или иного литературного борца, в особенности же принимая в расчет, увы! довольно часто встречающуюся среди них неустойчивость мнений и тем более настроений.

Следующим приемом работы, который мы считаем нужным отметить, было изучение книг с точки зрения психологических и социологических типов читателей. В основу такого изучения были положены нами не только новые обширные наблюдения над читающей публикой, полученные посредством новой анкеты, произведенной нами в 1908 г., но и новые методы исследования читательства, о которых мы говорим в другом нашем труде, выпускаемом одновременно с этим, — а именно в наших «Этюдах по психологии читательства» (изд. К. Тихомирова. М., 1911 г.) [1], где мы делаем опыт поставить вопрос об оценке книг на психологическую и социологическую почву, стараясь найти возможно научный и точный ответ на основной вопрос книжного дела: «Какая книга, на какого читателя, при каких условиях и в какой момент как действует?». «Среди книг» и «Этюды по психологии читательства», по мысли автора, должны взаимно дополнять друг друга, составляя вместе с «Этюдами о русской читающей публике» единое целое, посвященное истории, теории и практике распространения знания, понимания и настроения. Практической же стороне дела посвящено «Руководство к самообразованию», имеющее выйти в конце 1911 г. или в начале 1912 г. и представляющее из себя опыт практического приложения психо-социологической теории читательства, изложенной в § 82—87 введения к этой книге <...>.

Встречая с разных сторон, и извне и со стороны издателя, такое сочувствие своей работе, составитель имел счастье увидеть, что его старания, несомненно, идут навстречу назревшей потребности книжного дела, а значит, и вообще русской жизни, как бы ни отливала она мрачными и унылыми тонами. Книжное дело, потому что это вместе с тем и дело просвещения вообще, еще с незапамятных времен настолько тесно слито с судьбой вообще культуры, что ни свестись на нет, ни даже остановить своего развития на более или менее продолжительное время оно не может.

---

[1] Отдельное издание не появилось, были лишь отрывки в журналах (См. библиографический указатель в конце второго тома настоящего издания). — *Ред.*

Работа для расширения, а главное — для углубления этого дела всегда нужна, и лишь истина и справедливость от этого выигрывают в наибольшей степени.

Поэтому составитель глубоко уверен, что не совсем бесплодно прожиты им, вдали от горячо любимой им родины, самые глухие и унылые годы российского безвременья, что не напрасно испытаны им всякого рода лишения и что если даже в только что минувшие годы не покидала его ни вера в близкое светлое будущее, ни бодрое настроение, не уступавшие ни на шаг ни унынию, ни усталости, ни хандре, то тем более теперь этим последним не найдется места в душе: книжное дело — одно из тех, которые бодрят, поддерживают, мешают рукам опускаться, а сердцам размагничиваться. Книжное дело даже слабых людей делает сильными. Книжное дело ждет и ждет неутомимых и убежденных работников. И такие, разумеется, найдутся и сделают историческое дело. Общее стремление к самообразованию, к накоплению знания, понимания, настроения тому порукой.

ВВЕДЕНИЕ

КНИЖНЫЕ БОГАТСТВА, ИХ ИЗУЧЕНИЕ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ

Научно-библиологический очерк

ГЛАВА I

СУЩНОСТЬ КНИЖНОГО ДЕЛА И ОБЩИЙ ОБЗОР ЕГО

§ 1. ОСНОВНАЯ ЗАДАЧА КНИЖНОГО ДЕЛА

Надо знать книгу. Надо понимать и ценить книгу. Надо любить ее и верить в нее. Надо выработать в себе умение и практическую сноровку работать при помощи книги — для себя и для других, — распространяя книгу в самых широких кругах населения, в самых глубоких слоях его, действуя ею даже на самых темных, даже на самых неспособных людей.

Такова задача, которая стоит, стояла и всегда будет стоять перед каждым работником книжного дела, какое бы участие в этом последнем он ни принимал, — перед книгопродавцем и библиотекарем, и перед всяким другим распространителем книг, перед издателем и автором, творцом их, перед каждым человеком, кто бы он ни был, если только он принимает хоть какое-либо участие в деле народного просвещения, если только он работал, работает или собирается работать над своим самообразованием или образованием. Нет и не может быть в настоящее время ни одного культурного и даже просто грамотного человека, не говоря уже — в Западной Европе, но даже у нас, в России, который бы осмелился сказать про себя: «Мне не нужно и никогда не было и не будет нужно никаких книг и никаких знаний о них». Нет, всякому из нас нужны эти самые знания — так нужны, что никто из современных нам людей *не может обойтись без знакомства с книгами*. Или откажись от современной культурной жизни, или знакомься с книгами — такова дилемма. Если желаешь жить мало-мальски человеческой жизнью и желаешь расширять, углублять, возвышать ее и делать все напряженнее и напряженнее, — не говорим во имя общего, а даже своего собственного счастья, — знакомься с книгами, с возможно большим числом их, приобретай знания о них, об общем составе книжных богатств, какими может и должно пользоваться современное человечество — в том числе и каждый из нас — я, такой-то, имя рек, — я, где бы я ни жил и кем бы я ни был. Не только специалистам-библиографам, книгоделам и книголюбам надо знать книжные богатства человечества — их надо знать каждому из нас, знать в их целом, и

лучшие книги в каждой такой отрасли, и распределение их по разным отраслям знания и мышления, и распределение по странам и эпохам, по течениям и направлениям научно-философской и литературно-общественной мысли, по авторам и издателям, знать влияние разных книг на разных читателей, — словом сказать, надо знать и совокупность книг, общую сокровищницу умственной жизни человечества, и отдельные книги, и значение их. Но и этого еще мало: надо знать, кроме того, перемены, происходящие с книжными богатствами с течением времени, — их приливы и отливы, нарождение новых книжных богатств, изнашивание, забывание, отмирание старых, перемены в их характере, свойствах, их влияние, т. е. приспособление к миллионам все новых и новых читателей, наконец, — *отношение книжных богатств к общественной психологии.* Другими словами, надо знать не только *книжное дело собственно,* но и его отношение к духовной жизни своего родного народа и человечества и *их социальной исторической жизни.* Иначе говоря, нужно понимать, что судьба книги неразрывно слита с общественной психологией и с историей духовной жизни, и нельзя понимать книжное дело и служить ему, не вникая в общественную психологию и вообще социальную жизнь своего места и времени. Такова задача книжного дела в самых общих и основных чертах. Помочь ее разрешению или, по крайней мере, ее освещению — в этом и состоит формулируемая тоже в самых общих чертах задача этого нашего труда.

§ 2. РАЗРЕШЕНИЕ ЭТОЙ ЗАДАЧИ — ОДНО ИЗ НАСУЩНЫХ ТРЕБОВАНИЙ ЖИЗНИ

Задача книжного дела громадна, и не только разрешить, но даже и разрешать ее, несомненно, очень трудно, особенно в наших русских условиях, при недостатке книг, при их медленном кругообращении, при целом ряде условий, правовых и экономических, далеко не благоприятствующих процветанию книжного дела. Тем не менее разрешать эту задачу надо. Надо во всяком случае. Это не только наш долг, наша нравственная обязанность перед родиной, вытекающая, как частный случай, из необходимости для всех нас возможно широкого просвещения, в лучшем смысле этого слова, — это наш прямой долг перед нашими современниками и наш собственный интерес, наша прямая выгода. Мы не можем проходить мимо книжного дела, уже по тому одному, что сама жизнь вопиет миллионами голосов вокруг нас *о книжной помощи.* Из года в год становится все больше и больше книг. Из года в год они получают все большее и большее распространение. Таково характерное — одно из самых характерных явлений нашего времени. Непрерывное нарастание книжных богатств и такое же нарастание их потребителей — читателей — нельзя не считать теперь несомненным проявлением определенного социологического закона, и если и бывают в иных странах

иногда исключения, они всегда кратковременны и объясняются более или менее быстро преходящими причинами. Таково, например, русское книжное затишье, наступившее после 1907 г. под влиянием исключительно полицейских условий, невиданных нигде в Европе со времен великой инквизиции. Да, жизнь миллионами читательских голосов вопиет вокруг нас: «Распространяйте книгу!» И миллионы людей, даже темных из темных, все яснее понимают, что не в силах им дать даже живой человек того, что иной раз им может дать иная, как следует выбранная книга. «Среди книг есть, разумеется, такие, которые мне, такому, каков я ни на есть, могут дать отличнейшие практические советы»,— так писал нам недавно из очень глухой провинции один, уже немолодой читатель. «Есть такие книги, которые могут быть моими интимнейшими советчиками и великолепнейшими учителями и профессорами, глубокими толкователями всех условий и нашей и чужой жизни, даже пророками и надежнейшими моими вождями, руководителями, вдохновителями. Помогите мне найти их и укажите, как и где их искать». В интересной анкете, произведенной редакцией «Вестника знания» в 1910 г. и превосходно разработанной А. А. Николаевым, и в другой, еще более широкой и не менее интересной, анкете «Современного мира», затем не столь подробной анкете «Нового журнала для всех» такие же голоса, свидетельствующие о том же, раздаются многими сотнями. Но и эти анкеты — капля в море среди других голосов, вопиющих о том же, и между этими последними много, много таких, которые идут из самых недр народной массы, из самых глубоких слоев трудового населения. И весь этот хор голосов наглядно доказывает, что знание книг и книжных богатств уже сделалось крайне необходимым *народу* и что книга рассматривается теперь и народным сознанием как крайне важная и вполне реальная сила, необходимая и для обыденной жизни, без которой «по нынешним временам уже прожить нельзя». И вот деревенский и фабричный читатель пишут и говорят: «кто книгой владеет, у того, по этому одному, уже есть сила». И миллионы людей желают сделаться сильными при помощи книги. И миллионы сердец и рук тянутся к ней, как к силе. Роются в «указателях лучших книг», «рекомендательных каталогах», читают рецензии и «библиографии».

§ 3. ЖИЗНЬ ЗАСТАВЛЯЕТ РАБОТНИКОВ КНИЖНОГО ДЕЛА СОДЕЙСТВОВАТЬ САМООБРАЗОВАНИЮ МАСС

Самообразование — это характерное явление наших дней, это знамение нашего времени. Слово «самообразование» приходится теперь слышать в устах не только учащейся молодежи, но и фабрично-заводского рабочего, и деревенского крестьянина, и служащего разночинца, приходится слышать в устах и молодых, и пожилых людей, и мужчин, и женщин. Стремление к самообразо-

ванию сделалось своего рода стихийным потоком. Над собственным образованием работают в настоящее время сотни тысяч, если не миллионы людей, и все эти люди ищут книг, которые дали бы им те знания, то развитие, какого требует от них быстро усложняющаяся жизнь. Общесознанное и общепризнанное крайне неудовлетворительное состояние нашей низшей, средней и высшей школы, бесконечные преграды и препятствия в деле распространения знаний, идущие со стороны правящей бюрократии и ее классовых и сословных вдохновителей, заставили, в конце концов, миллионы людей просто-напросто махнуть рукой на стесненное и регламентированное образование школьное и приняться за завоевание себе подобающего места в среде других культурных народов *«своими средствами»,* путем самообразования. Тысячи, если не десятки тысяч «ищущих» и «стремящихся» наполняют воскресные и повторные школы, народные университеты, аудитории популярных чтений; сотни тысяч людей идут целыми толпами в библиотеки и книжные магазины и спрашивают там *определенных,* рекомендованных книг, — рекомендованных то какой-нибудь «программой чтения», то последней книжкой любимого журнала, то просто-напросто каким-нибудь «хорошим человеком». И нет такой отрасли знания, нет такого отдела литературы, книги которых стояли бы, как это было еще очень недавно, тихо и мирно на пыльных полках, тоскливо ожидая, когда же кто-нибудь из самых ретивых читателей нарушит их продолжительный покой. Книги научно-популярные и научные, еще недавно забытые и полузабытые, после непродолжительной передышки, обусловленной историческими событиями, снова пошли в ход, и под давлением общих запросов жизни, можно сказать, все книжные магазины, книгоиздательства, общественные библиотеки, за очень малочисленными исключениями, должны были сделать самые энергичные усилия, чтобы удовлетворить этот быстро растущий спрос на «самообразовательную литературу». С конца девятисотых и с начала девятьсот десятых годов этот спрос проявился и в низах народной массы, в среде трудящихся классов, на фабрике и в деревне, и перелом народного сознания, происшедший в 1904—1908 гг., благотворно и мощно отразился на развитии тех же стремлений к самообразованию: и в деревню и на фабрику идут все в большем и большем числе толстые научно-популярные и научные книжки. И деревня и фабрика, даже в экономических и политических тисках, работает над самообразованием в лице многих сотен, тысяч, если не миллионов людей. Вышло словно само собой так, что именно удовлетворение потребностей самообразования сделалось главной задачей огромного большинства ныне существующих библиотек и книжных магазинов, книгоиздательств и вообще распространителей книг. С этой потребностью читающей публики все они теперь уже *не могут не считаться*. Они не могут не служить ее удовлетворению, если только не желают покрыться плесенью и умирать в жизненных болях. Или

помогай читателям или умирай — такова дилемма. Общественные библиотеки и книжные магазины волей-неволей должны делаться *общественными орудиями самообразования.* Частные люди должны были невольно служить тому же делу. Таким образом, настоятельные требования жизни сделали то, что удовлетворение *запросов самообразования* стало основной задачей общественных библиотек и книжных магазинов, не говоря уже о частных лицах, работающих над тем же для самих себя или помогающих, по мере сил и знаний, другим в той же работе.

Рядом с этим стремлением к самообразованию, несомненно, подвигается вперед, хотя и медленным темпом, до сих пор находящееся в казенных тисках образование. Учащиеся ныне считаются у нас миллионами, и знание книги тем более им необходимо, чем выше они успели подняться по школьной лестнице. Это последнее приходится расширять, углублять, дополнять, а то и переделывать тоже «своими средствами», и эта переделка «казенных знаний» тоже разлилась теперь широкою волною по «святой Руси». И для этого тоже требуются книжные знания. И из среды учащихся тоже раздается все больше и больше голосов, их ищущих, и жизнь вопиет и их голосами: «Книга — сила. Мы хотим получить эту силу в наше распоряжение».

Надо всем этим людям эту силу теперь же дать или, по крайнее мере, давать, давать и давать самым энергичным образом. Надо понять, изучить книжные богатства, книжные сокровища человечества, чтобы служить, с помощью их возможно детального знания, этой рвущейся к книге народной массе. Служить, повторяем, теперь же, не теряя ни дня, ни часа, «кто где может и кто как может, и кто на каком месте стоит». Необходимо распространять и распространять не только книги, но и знание о книгах — и о методах их распространения, о их производстве, круговращении, распределении, о их чтении. Нужно дать знания и о тех способах, с помощью которых каждый человек действительно может отыскать по любому вопросу, интересующему его в данное время, такую книгу, которая «именно ему даст то, что нужно ему», как пишет нам тот же цитированный выше читатель-друг. «Вооружайтесь же знаниями о книгах сами и вооружайте ими всех других, с кем вы сталкиваетесь», — так пишет нам другой читатель, и мы не можем не придавать громадного значения этому его совету...

§ 4. СОКРОВЕННАЯ СУЩНОСТЬ КНИЖНОГО ДЕЛА

На основании довольно многочисленных данных, собранных в этом нашем труде, и на основании многолетней практики в области книжного дела мы лично, решительно и определенно, тоже присоединяемся к выше выраженной читательской вере в громадную силу книги и позволяем себе утверждать то же самое: нет такого человека, который не мог бы найти теперь по любому

предмету и любому вопросу (если только это не самый мелочной, частный вопрос) такую книгу, которая именно этому читателю откроет глаза на этот самый вопрос и введет в его суть. *Теперь всякий может найти такую книгу,* которая действительно захватит его душу, возбудит его мысль и даст ему действительно ценное, обширное, научное, достоверное знание и понимание, поскольку это уже сделалось достоянием современной науки и литературы. «Есть, словно для вас лично приготовленная, такая книга — ищите! Найдите ее и прочтите — и сделаетесь от этого не только просвещеннее, но и сильнее».

Но как ее находить, эту книгу, эту самую нужную, самую подходящую для данного читателя, в данный момент, в данной обстановке его личной, а также общественной и исторической жизни? И где искать-то? И какими методами, приемами и способами? Вот вопросы, которые подлежат подробному и возможно точному обсуждению и исследованию, как теоретическому, так и практическому. *Найти научный ответ именно на этот вопрос, думается нам, — это и значит понять самую сущность книжного дела* — не только чтения, но и распространения и, наконец, производства книг. Даже при настоящем уровне библиографических знаний уже имеется значительная возможность найти ответы на вышепоставленные вопросы — ответы действительно научные, т. е. фактически и философски обоснованные, такие ответы, значение которых не может не сказаться *немедленно на всей практике книжного дела.*

§ 5. ЗАДАЧА НАШЕГО ТРУДА

В этом нашем труде мы ставим себе нижеследующие задачи:

Во-первых, помочь читателям и всем работникам книжного дела в их знакомстве с *общей наличностью* русских книжных богатств.

Во-вторых, помочь их знакомству с *распределением* этих книжных богатств по разным отраслям знания.

В-третьих, помочь знакомству их с книжными богатствами в каждой отрасли знания в отдельности и освещающими каждую область жизни.

В-четвертых, познакомить, хотя бы в самых общих, основных чертах, с распределением этих богатств в пространстве и времени, т. е. по странам и по эпохам, по национальностям, их создававшим, и по историческим периодам, с которыми совпало это созидание.

В-пятых, помочь внутренней идейной оценке этих богатств с исторической точки зрения, с точки зрения истории научно-философских и литературно-общественных идей, находящих в этих книжных богатствах свое отражение и выражение.

В-шестых, помочь знакомству, тоже хотя бы в самых общих чертах, с наиболее выдающимися произведениями и литератур-

ными именами в каждой отдельной области, с наиболее известными авторами, работающими в данной отрасли литературы и науки и, по возможности, с их теориями, по крайней мере главнейшими из них, излагая эти последние цитатами из их собственных произведений.

В-седьмых, познакомить с распределением книжных богатств по кругам читателей, по основным типам их.

Наконец, в-восьмых, познакомить с распределением русских книжных богатств по трудности изложения, т. е. по тому, какой подготовки требует та или иная книга от своего читателя.

Все эти задачи, по крайней мере, в своих общих, основных чертах могут быть до некоторой степени разрешены как теоретически, так и практически, по мере наших сил и не на основании одних общих соображений, а на основании непосредственного знакомства с русскими книгами.

Мы намерены в нашем дальнейшем изложении следующим образом идти к разрешению вышенамеченных задач, на которые, естественно, распадается наша общая, основная задача, — иначе сказать, задача всего книжного дела.

§ 6. ОСНОВНОЙ КРИТЕРИЙ ДЛЯ ОЦЕНКИ КНИЖНЫХ БОГАТСТВ

Прежде всего мы попробуем ответить на такой вопрос: какие же именно требования может и должен предъявлять читатель, т. е. всякий человек, к этим книжным богатствам и к их общей наличности — что может и чего не может он от них требовать? Далее, мы поищем ответа на такой вопрос: в какой же мере ныне существующие книжные богатства удовлетворяют этим требованиям, как в целом, так и частями, — во-первых, теоретическим, во-вторых, практическим. При этом мы пойдем в нашем изложении от общего к частному, от общих требований к частным применениям их.

Итак, прежде всего, стоя перед лицом многих миллионов книг, ежегодно появляющихся в сотнях тысячах все новых и новых названий, спросим себя, под грохот печатных станков и шумливую суету библиотек и книжных магазинов, какие же требования можно и должно предъявлять к этому мощному, вечно нарастающему книжному потоку в его целом? Что он должен давать человечеству, *должен* давать во всяком случае, если только книжные богатства не простая груда бумажного мусора, печатной макулатуры.

Всякая книга, какая бы она ни была, кто бы ее ни написал, ни напечатал, правительственное ли учреждение, частный ли человек, враг ли человечества, или друг его, варвар или просвещенный мудрец, — прежде всего подлежит нижеследующей оценке: *оценке* с точки зрения мыслящей, чувствующей, страдающей человеческой личности. Всякая книга должна, раз она, так сказать, появилась в свет, дать ответ на такой вопрос: что ты, книга,

можешь дать мне, личности человеческой, мне — такому, каков я есть, моему уму, моему чувству, моей жизни, борьбе, которую я веду, работе, которую я делаю или намерен делать, в тех условиях, в которые меня поставила судьба-фортуна или судьба-злодейка? Что ты, книга, даешь вообще личности человеческой, потому что каждый человек к тебе, книге, может и должен предъявлять именно такой вопрос, прежде чем даже взглянуть на тебя и подойти к тебе? Будь эта книга — устав какого-нибудь учреждения или свод законов, ученый трактат или сборник стихов, философское рассуждение или поэма, роман, высшее произведение художественного творчества — все равно, вопросы, предъявленные выше к книге, это вопросы, которые относятся одинаково *к каждой* книге. Ты, книга, что, собственно, представляешь из себя и какому именно господину служишь? И какие именно перемены ты намерена или можешь внести в мою и вообще человеческую жизнь? Каковы же твои намерения, цели и средства? Мне, личности человеческой, далеко не все равно, какой ответ ты даешь на все эти вопросы. Я, личность, — судья всякой книги, и только я могу решить, что ты мне даешь или можешь дать, и в рай или в ад кромешный ты стремишься превращать те условия, в которых я живу в настоящее время. От твоего, книга, ответа, который я сам же в тебе прочитаю, то на строках, а то и между строк, зависит всецело — я друг или враг твой. Отсюда следует: критерием всякой книги, пробным камнем ее всегда была, есть и будет личность человеческая.

§ 7. ПЕРВЫЙ ПРИНЦИП КНИЖНОГО ДЕЛА: ПРИМАТ ЛИЧНОСТИ

Спрашивается теперь, стоит ли останавливаться на доказательстве этой как будто избитой и всем известной истины? Опираясь на пачку писем, лежащих перед нами, мы отвечаем на этот вопрос утвердительно. До сих пор есть еще на свете люди, и их немало, в том числе и среди работников книжного дела, которые недостаточно ясно и прочно усвоили вышеуказанный критерий для оценки всяких книг и книжных богатств.

«Для меня человеческая личность выше истории, выше общества, выше человечества», — писал Белинский, искренне и глубоко раскаиваясь, что он когда-то мог считать эти последние выше личности человеческой, забывая, что все эти понятия — не более как отвлеченные фикции, лишенные и индивидуальности, и души, и тела. Мы живем в целом мире таких общих слов, которые нередко принимаются за критерий и при оценке книг: «книга, полезная для общества вообще», «для народа», «для правительства», «для человечества» и т. д... Приступая к оценке книжных богатств человечества, прежде всего отбросим в сторону все эти фетиши и поставим во главу угла нашей библиологической системы как главный критерий для оценки *всех* книг и *всяких* книг — личность. Личность человеческая и есть тот естественный центр,

вокруг которого, как около центра тяготения, кружатся все явления, все элементы человеческой истории. «Все в истории существует через нее, в ней и для нее: все виды социальной жизни суть только разные системы отношений между личностями; какое бы учреждение мы ни взяли, оно, в конце концов, создается, поддерживается, изменяется совокупною деятельностью личностей, так или иначе отражается на их характере, так или иначе влияет на их судьбу; точно так же и каждый продукт деятельности человека существует только в его сознании, является памятником, характеризующим его настроение, и определяет дальнейшую деятельность личности. Как субъект, творящий культуру, и как объект, испытывающий на себе ее влияние, личность и есть то реальное существо, через которое, в котором и для которого существует и государство, и экономические отношения, и общественная жизнь, и право, и философия, и мораль, и религия, и наука, и литература, и искусство, — и есть тот центр, посредством которого, в котором и для которого они связываются между собою» [1]. «История тоже делается людьми, и деятельность личности не может не иметь в ней значения» [2]. Книжные богатства тоже созданы людьми, существуют для людей, оцениваются людьми. И каждая отдельная книга, и все они, вместе взятые, все книжные богатства человечества, вся литература, в самом широком смысле этого слова. Исходя из этого, мы прежде всего должны понять и помнить, что как суббота существует для человека, а не обратно, так и книга тоже существует для человека, а не обратно. Любовь к книге, ради книги не должна существовать. Можно любить книгу лишь поскольку любишь человека — отдельную человеческую личность и человечество, совокупность их. Жалости достойны те любители книг, книголюбы и книгоеды, которые, забывая человека, любят книгу ради ее самой, забывая, что живая сила человеческой мысли и чувства, в ней кристаллизованная, только тогда проявляется как сила, когда вселяется в человека снова. Примат, первенство человеческой личности над книгой — таков первый основной принцип книжного дела, которого (в этом надо признаться) очень многие любители книг и работники книжного дела часто вовсе не придерживаются. И этим работникам нельзя не сказать: любите книжное дело, любите книгу, но то и другое не ради них самих, а ради человека, который в них нуждается, и любите их постольку, поскольку они этому человеку действительно дают что-то для него нужное. И эта истина, в сущности, элементарнейшая, часто также забывается, и мертвая и мертвящая любовь к книгам как к каким-то фетишам и к книжному делу как к манипуляциям с этими фетишами занимает место действительно живого служения живому общественному делу, живым людям. Часто встречаются такие книж-

[1] Кареев Н. И. Осн. вопросы философии истории. Изд. 2-е. Спб., 1897. 281 с. (Здесь проявляются идеалистические взгляды Рубакина. — *Ред.*).
[2] Г. Плеханов. За 20 лет. Изд. 2-е, с. 478.

ники, библиографы и всякие иные любители книг, ценители печатной бумаги, обложек и переплетов, книжных редкостей ради редкостей, независимо от того содержания, носителем которого эти редкости являются, книжные гробокопатели. Они тоже не должны забывать, что даже наука археология, занимающаяся тем же делом, раскапывает могилы для уяснения окружающей нас жизни, ходом, а значит и пониманием которой заинтересованы опять-таки живые, мыслящие, чувствующие человеческие личности.

§ 8. ВТОРОЙ ПРИНЦИП КНИЖНОГО ДЕЛА: ПРИМАТ ЖИЗНИ НАД КНИГОЙ

Другой вывод из того же основного принципа книжного дела, т. е. из примата личности, состоит в следующем: *говоря об оценке книг, прежде всего нужно думать не о книге, а о жизни, ею отражаемой и выражаемой.* Нет и не было такой книги (да, пожалуй, и быть не может), которая отражала бы жизнь во всем ее целом, во всем ее бесконечном разнообразии и величии. Книга всегда одностороння, жизнь, напротив, всегда и бесконечно разностороння. Книжное содержание всегда более или менее схематично, жизнь не укладывается ни в какие схемы, и эти последние всегда временны и преходящи. Жизнь — это сама реальность; книга, сравнительно с нею, всегда отвлеченна. Жизнь нераздельна, книга никогда не трактует о всех, а лишь о немногих сторонах жизни; ради удобства их рассмотрения и изучения книга не может не делить нераздельное целое на части. Это — прием ума, в сущности, идущий вразрез с нераздельностью жизни. Но не в том беда, что человечеством выработан такой прием, — разумеется, в силу необходимости, — а в том, что результат этого приема, логический вывод, начинает занимать в человеческом уме место нераздельной реальной жизни, и книжная отвлеченность оттесняет на второй план реальность, т. е. самую жизнь. Уяснить все значение этой простой истины для правильного понимания самой сущности книжного дела, как нам кажется, на основании нашего личного знакомства с его работниками и вообще любителями книг, еще труднее, чем понять все значение примата человеческой личности для того же дела. Мы со школьной скамьи приучаемся мыслить жизнь не в ее единстве, а в ее раздробленности. Мы учимся делить неделимое, подмечать прежде всего отдельные его стороны и, разделяя их в своем уме, забывать, что вне нашего ума они ведь неразделимы. Каждая наука, как известно, изучает жизнь лишь с какой-либо одной стороны — химия с химической, психология с психологической, история с исторической и т. д., и, изучая все эти науки в отдельности, мы мыслим все эти сторо́ны не отдельными сторонами, а отдельными *областями* жизни: вот тут химическая, а где-то дальше психическая, а еще дальше — историческая, тогда как на самом деле, т. е. в жизни,

все это отнюдь не *отдельные* области, а одна-единственная область, т. е. та же жизнь, только изучаемая с разных сторон. Все они — нераздельные части целого, а его нужно делить только для того, чтобы лучше изучить. Но, изучив, а также и во время изучения, нельзя и нельзя забывать прямо противоположного и не менее необходимого логического процесса, который состоит в том, чтобы *снова складывать в одно целое* то, что мы только что мысленно разделили. За анализом нельзя забывать синтеза. Как известно, давным-давно вошло в обычай распределять все литературные произведения по разным отделам, напр., на искусства и на науки, а эти отделы делить снова и снова на подотделы и целый ряд других, еще более детальных и частных рубрик. Принято по таким рубрикам распределять и книги, и нам приходилось не раз слышать сердитую воркотню книголюбов на такие книги, которые никак не укладываются в приготовленные для них рубрики, или укладываются во множество рубрик сразу. Нередко бывает, что именно такие непокладистые книги особенно-то и интересны с точки зрения жизни, потому что они-то и не грешат односторонним подходом к этой последней. Таковы, напр., «Этюды оптимизма» проф. Мечникова, «Чудесный век» Уоллеса и т. д. Но таких книг, к сожалению, не много, и какие бы книги мы ни имели в виду — по беллетристике, по искусствам или по наукам, — не следует забывать все той же жизни, нераздельной и разносторонней в ее вечности. В любом, даже самом простом, жизненном факте всегда сосредоточивается множество сторон — в его рассмотрении, понимании, изучении всегда участвует множество наук. Вот, напр., вы, читатель, человек определенного сословия и общественного положения, читая эту мою книгу, изданную в Российском государстве, по всем правилам российского свода законов, — представляете из себя по этому самому факт *юридический* и поэтому подлежите изучению и уже изучены в *этом* отношении, *с этой* стороны, *наукой права. Вы* — явление правовое. Вы, покупатель этой книги, человек такого-то общественного класса и экономического положения, пользующийся такими-то доходами: рентой, прибылью или заработной платой, или живущий в таких-то экономических тисках, уже по этому самому изучены и изучаетесь экономическими науками. Вы — явление экономическое, социальное. Вы, читатель, живущий в определенный исторический момент, представляете собой частичку русской истории, ее деятеля или ее жертву. Вы — во всяком случае исторический факт. Вы — явление историческое, продукт исторической среды, исторического развития. Вы же и факт географический, потому что вы — человек определенной расы и племени и занимаете определенное место на земном шаре как *житель* данной страны. Вы же и факт психологический, потому что в это самое мгновение в вашей душе совершается бесконечно сложный ряд психических явлений, изучаемых психологией: поле вашего сознания — безграничная арена их. Тут и мысли, и чувства, и

желания, и надежды, и мечты, и интересы, и аппетиты, и инстинкты, и потребности. Вы же как организм — и анатомический и физиологический факт. Вы же и факт химический и физический, потому что в нашем теле есть и химическая и физическая стороны, вы представляете собой очень сложный комплекс силы и материи, всевозможных физических явлений, до электричества включительно, вы — настоящий поток вечно превращающегося вещества. Вы же и факт космический, иначе сказать, астрономический, потому что и силы и атомы, из которых вы составлены, — нераздельная часть планеты Земли, с нею несущиеся в пространстве. Другими словами, в вас, лично в вас, как бы сосредоточен целый ряд фактов, изучаемых одновременно множеством наук. Но вы-то сами — факт единый и нераздельный. Вы — воплощение и представление жизни в ее целом. Вас, как и всю жизнь, в ее целом, одновременно изучают все науки. Нет такой науки, которая не имела бы никакого касательства к вам. Но, как бы все науки ни были раздельны, вы-то, как человеческая личность, все-таки нераздельны, да таковым всегда и останетесь. Вряд ли нужно доказывать, что все эти соображения приложимы для *всех* фактов и для *всех* наук, какие только существовали, существуют или будут существовать, не говоря уже об утилитарном значении разных наук в деле устройства человеческой жизни. Все они в своей совокупности освещают нераздельную жизнь и ее факты, в том числе и вас лично как один из фактов ее. *Иначе сказать, наука — схема, жизнь — все.* И этого-то не следует забывать, имея в виду книжные богатства и изучение их.

Отбросим же навсегда в сторону всякую схоластику и всякие односторонние книжные очки. Не будем забывать ни на минуту все *служебное* значение отвлеченности и анализа. За книгой и книжным изучением не будем забывать жизни и ее ощущений.

Все вышесказанное, как это уже видно и из предыдущего, имеет непосредственное отношение к пониманию самой сущности книжного дела и к общей оценке и расценке всех книжных богатств в их целом. Вывод из всего вышесказанного таков: *все подразделения, все сортировки книжных богатств на отделы, подотделы и проч. — все условны, все неточны, все относительны.* Самая суть дела не в том, чтобы правильно распределять книги по тем или другим отделам, а в том, чтобы изучать и понимать с их помощью единую, нераздельную, бесконечно сложную жизнь, а значит, и личность человеческую, стоящую в жизни, с человеческой точки зрения, на главном месте.

§ 9. ТРЕТИЙ ПРИНЦИП КНИЖНОГО ДЕЛА: КНИГА — ОРУДИЕ

Далее не следует забывать, что книга не более как орудие, которое создает и которым действует в своих целях все тот же человек, человеческая личность, и поскольку различны цели, которые выдвигаются этой последней, постольку различно и разно-

образно и применение этого орудия — книги. Она — орудие передачи знания, понимания, настроения от того, кто книгу пишет, тем, кто ее читает или будет читать; тонкое орудие психического воздействия творца книги на самую пеструю и разношерстную толпу — толпу разных времен и народов; орудие, способное переходить из страны в страну, из века в век; орудие особенно могущественное, потому что им можно воздействовать исключительно на психику человека и даже на психику общества, т. е. на то, что вообще очень трудно поддается воздействию. Но, как и всякое орудие, книгу едва ли можно назвать хорошей, полезной, благотворной самое по себе, независимо от оценки тех рук, которые ею пользуются в данном случае как орудием. Давно уже сказано, что хорошая вещь топор, но им можно сделать с одинаковым успехом и самое хорошее, и самое скверное дело: и выстроить превосходный дом, и отличный корабль, и всякое другое деревянное сооружение, но им же можно и отрубить единым взмахом голову величайшему человеческому гению. Так к книге и относятся разные люди по-разному. В руках одних — она орудие расширения и углубления жизни и вообще ее переделки в сторону света и свободы; в руках других книга — орудие борьбы против тех же самых начал, орудие угашения духа и затемнения света, орудие гнета, насилия над человеческой личностью, орудие всякого унижения и топтания этой последней, вплоть до глумления над нею включительно. Известны тысячи тысяч примеров, что даже произведениями величайших светочей человечества насильники сплошь и рядом пользуются для своих самых гнусных целей. Костры инквизиции горели, оправдываемые ссылками на евангелие. Произведения свободолюбивых греческих классиков служат до сих пор очень распространенными орудиями для угашения духа молодых поколений. Тысячи тысяч книг и других произведений печати написаны и пишутся специально для оправдания всякого рода заведомых гнусностей, специально для отупления человечества, главным образом молодых поколений. В особенности это можно сказать про учебники, подлежащие одобрению правительства и написанные по его указке, правительства, всегда состоящего из представителей командующих классов, сильных политически и экономически и не останавливающихся ни перед какой несправедливостью, чтобы сохранить свое привилегированное положение. Сотни тысяч книг написаны в защиту этого положения и в оправдание всяких несправедливостей и преступлений, вплоть до смертной казни включительно. Далее, всякому известно, что про одну, даже очень солидную и внушительную книгу, именуемую «Сводом законов» (и не только России, но и всякого другого государства), издавна сложилась народная пословица, что эта книга «вроде как дышло: куда захочешь, туда и воротишь». И пред лицом миллионов фактов, которыми уже подарила и до сих пор еще дарит нас окружающая жизнь, фактов из области религиозной, умственной, политической и вообще

социальной жизни, мы не можем не прийти к тому выводу, что книга действительно не что иное, как орудие в руках человека, ее творца и распространителя, да ничем иным и быть не может. Поэтому говорить о том, что книга уже как таковая представляет собой нечто хорошее, не приходится. Самая суть вопроса о пользе или вреде книги не в ней самой, а в том, кто и как, и в каких целях действует ею как орудием. Ниже нам еще придется говорить о влиянии книги и об условиях, при которых это влияние бывает то благотворным, то вредным, в зависимости от той почвы, на которую падает содержание книги.<...> Этого принципа и не должны никогда упускать из виду работники книжного дела. Они должны изучать эти самые условия — и внутренние, психические, и внешние, социальные, и всякие другие, и побольше и посерьезнее думать и размышлять о них, если хотят, чтобы и их собственная работа сделалась наиболее плодотворной.

§ 10. ЧЕТВЕРТЫЙ ПРИНЦИП КНИЖНОГО ДЕЛА: КНИГА КАК ОРУДИЕ ДОБРА, СПРАВЕДЛИВОСТИ И ИСТИНЫ.

Из всего предыдущего нельзя не сделать одного вывода, который имеет, несомненно, громадное значение для всей постановки книжного дела, для его понимания и оценки и, наконец, для настроения лиц, в нем принимающих участие. Да, книга действительно не более как орудие. Да, чтобы решить вопрос о том, приносит ли это орудие, в конечном итоге, вред или пользу человеческой личности и всему человечеству, — нужно сосредоточить внимание на тех *условиях,* в которых применяется книга. Но именно потому, что вопрос о пользе или вреде книги — это вопрос условий, она как орудие и является орудием света, свободы, справедливости, правды. Эту великую и знаменательную истину работник книжного дела должен не только понять, но и *почувствовать*. Она должна до глубины души захватить его, потому что понять эту истину — это значит понять и оценить самого себя, свою работу, свою жизнь, ее смысл, ее самое внутреннее, глубокое значение. Пусть среди книжных богатств человечества существует и еще долго будет существовать заведомо много разной книжной дряни и требухи; пусть эта требуха пользуется особым покровительством властных или ловких господ, пользующихся ею в своих низменных целях, чтобы наводить туман на человеческое сознание, порабощать его, в тех же целях, путем культивировки обмана, мрака и невежества, пусть политические или социальные хозяева положения хотя бы даже сознательно и планомерно работают над производством и распространением своей тенденциозной и заведомо лживой «литературы» — все равно не им принадлежит будущее. И не только будущее, но и настоящее. Давно сказано: «и если только останется на свете хоть один умный и честный человек и хоть одна умная, честная книга — даже этого будет достаточно, при некоторых социальных условиях,

чтобы темный из темных и тихий из тихих уже понял свое положение и чтобы одна-единственная книга, говорящая правду, сильнее подействовала на него, чем сотня самых ложных и гнусных книг, принудительно распространяемых». *Условия самой жизни* заставляют людей вокруг нас отличать ложь от истины, нелепость и обман от правды.

«Люди любят истину, — сказал когда-то Д. Г. Льюис, — не потому, что она истина, а потому, что на ней основываются те или другие мнения, которые считаются необходимыми для их счастья. Вот что составляет вечную природу прогресса человечества» *. Тоже давно сказано, что ложь и несправедливость невыгодны огромному большинству людей и прежде всего трудящимся классам населения. Поэтому-то именно самые условия социальной жизни и борьбы, кипящей за их изменение к лучшему, делают миллионы людей крайне восприимчивыми к словам справедливости и истины. И правда: что такое истина, как не соответствие мнения с фактами, или, как выражается тот же Д. Льюис: «*согласие выводов* с чувствованиями» *? Сколько ни называй всенародное бедствие «недородом», а кровожадность Наполеонов и Тамерланов и их отродий «божественной» или «человеческой» «милостью», все равно факты от этого названия все-таки остаются фактами, и даже самые искренние мнения, им поддакивающие в этом, никому истиной не покажутся — факты, всем очевидные, в конце концов даже самых тупоумных людей заставят признать истину истиной, вопреки самым горячим уверениям тех, кто заинтересован в распространении лжи. Если истина действительно страшная сила, так именно благодаря своему соответствию с фактами жизни и с интересами большинства, т. е. трудящихся классов. *Сравнительно с книгой, сеющей ложь, книга, сеющая истину,* действительно представляет собой страшную силу. Именно книга последнего типа и является такой книгой, которая необходима большинству человечества. Лишь благодаря сочувствию этого последнего книги, служащие истине, не сходят с читательского горизонта в течение веков и тысячелетий и получают громадное распространение. Еще многие тысячи лет тому назад книга в руках лучших представителей человечества сделалась одним из главных орудий их борьбы за истину и справедливость, и *именно это орудие* придало этим людям страшную силу. «Бойтесь, бойтесь кротких и невооруженных, если в их руках истина», — так советовал один средневековый проповедник средневековым гонителям истины. Далее, что такое справедливость? В согласии со всеми великими религиями человечества, самая суть всякой человеческой справедливости, в формулировке Л. Толстого, сводится к одному основному правилу: «Не делай другим того, чего не желаешь, чтобы тебе самому делали». Иначе говоря, в формулировке поэта: «Живи и жить давай другим». Ту же идею современный философ (Г. Спенсер) формулирует так: «Всякий человек волен делать все то, что он хочет,

лишь бы он не нарушал ничьей свободы»[1]. Но ведь к этому-то и сводится самое страстное, задушевное желание всякого человека, за исключением тех, кто именно на нарушении чужой (политической, экономической и духовной) свободы и строит свое благополучие. Справедливость прежде всего необходима большинству человечества, т. е. опять-таки тем же трудящимся классам, его составляющим, и всякая книга, действительно служащая справедливости, не может не находить себе самого горячего отзвука в сердцах всех трудящихся и обремененных, всех оскорбленных и униженных. Таким образом, книга, являющаяся в их борьбе за свое существование носительницей истины и справедливости, — это и есть книга, представляющая собой страшную силу и могущественнейшее орудие в этой борьбе. Это и должны понимать и помнить все работники книжного дела. *Только такие книги представляют собой страшную силу, которая служит истине и справедливости,* а все те, кто работает в противоположном направлении, обречены на бессилие, так как жизнь трудящихся классов, в конечном итоге, более или менее быстро опровергает их. Степень же этой быстроты зависит не от чего иного, как от сознательности читающей и мыслящей массы, от степени развития ее сознания. Поэтому работники книжного дела и все те, кто так или иначе причастен к книжным богатствам человечества, должны ясно и определенно относиться к книге как к могущественнейшему орудию борьбы за справедливость и истину. Они не могут не принимать в этой борьбе участия, не могут не служить, кто как может и где только может, той же справедливости и истине.

§ 11. ТРИ ВЕЛИКИЕ СИЛЫ, СОДЕРЖАЩИЕСЯ В КНИГЕ: ЗНАНИЕ, ПОНИМАНИЕ, НАСТРОЕНИЕ

Попробуем теперь сделать некоторые выводы из вышеизложенных принципов, непосредственно относящихся к нашей практической задаче. Первый вопрос, возникающий перед нашим сознанием, заключается в следующем. Исходя из основного принципа личности, принимая в расчет ее и ее стремления, имея затем в виду прежде всего не схоластические интересы книги, а именно интересы жизни, одним из могущественнейших орудий для переделки которой в интересах истины и справедливости и трудящегося большинства человечества является книга, — нам предстоит теперь приступить к разработке книжных богатств и к оценке их с вышенамеченных точек зрения. Нужно ли доказывать, что далеко не всякое произведение печати имеет интерес с этих точек зрения? Нужно ли говорить о том, что многие и многие из них

---

[1] Здесь особенно ярко сказываются расплывчатые представления Рубакина об истине и справедливости, лишенные четкого классового подхода. Некритически цитируется мысль Г. Спенсера, проповедующего явно буржуазную идею свободы. — *Ред.*

заранее могут и должны быть оставлены в стороне и выброшены из нашего обозрения? Как известно, есть литература. Есть произведения печати, которые можно назвать произведениями «ни для кого», за исключением их авторов, наслаждавшихся, быть может, самим процессом их созидания; есть литература минутного интереса, «литература момента» — совокупность печатных эфемерид, напоминающих муху-поденку, живущую лишь от восхода до заката солнца; далее, есть «литература пункта или уголка», для него только и интересная; литература «документов» и «деталей» и т. д., объявлений, уставов, отчетов, циркуляров и прокламаций и т. п. — вихрь печатной бумаги, характерная особенность которого — его специальный интерес лишь для того момента и пункта, для которых он был предназначен, и недоступность для широких кругов читателей. Несомненно, для общей характеристики текущей жизни и такая литература представляет собой своеобразное собрание печатных документов, и историк не может оставить ее без внимания. Но, во всяком случае, не в этой груде печатных произведений надо искать центр того влияния, которое оказывает на человечество литература в лучшем, в самом возвышенном, благородном смысле этого слова. Для нас, живущих нервной и деятельной жизнью XX столетия, литература прежде всего представляется всемирной сокровищницей трех величайших сил — сил, необходимых для каждой человеческой личности для того, чтобы «ориентироваться и устроиться во Вселенной». Вот эти три великие силы: во-первых, знание, во-вторых, понимание, в-третьих, настроение. Не всякое печатное произведение содержит в своих недрах эти три силы. Но для широких кругов грамотного человечества именно их-то и приходится искать в книге, ради их-то проявления, накопления, развития и стремиться к книге. Правда, все эти три силы до некоторой степени неотделимы одна от другой и встречаются более или менее вместе. Но не во всякой книге они находятся в равных количествах, и иные книги прежде всего дают знание, другие будят мысль, третьи воздействуют на настроение — прежде всего и больше всего на него. На значении этих трех духовных сил необходимо несколько остановиться, чтобы термины, выбранные нами, не возбуждали в читателях недоразумений.

Что такое знание, понимание, настроение? Под первым мы понимаем знание, прежде всего, *научное,* соответствующее возможно строгим требованиям научной достоверности и точности, в связи с успехами науки в данный исторический момент, — знания фактов и законов их, т. е. обобщений этих фактов, обобщений, определенным образом формулированных, — знание настоящего в связи со знанием прошлого, из которого развилось ныне существующее, знание систематизированное, цельное, глубокое и широкое, дающее в своей совокупности возможно полную концепцию всего мироздания, знание, дающее возможно широкий научный кругозор, закругленное общее миросозерцание. Под вторым

мы понимаем силу критической мысли, уменье вникать в явления жизни, ничего не принимая на веру и добиваясь прежде всего достоверной, проверенной истины, уменье, как говорит В. Лесевич *, «сводить данное явление к его причине», ясность мысли и стремление к такой ясности, находящее свое полное удовлетворение лишь тогда, когда объяснение фактов приведено к понятиям, фактически обоснованным *, «способность ориентироваться в новых для нас данных опыта» *, развитие в себе самом свободной и независимой ни от каких авторитетов мысли — свободной в лучшем смысле этого слова. Под третьим мы понимаем настроение этическое и гуманное — общественное, без которого немыслимо правильное отношение к явлениям окружающей среды, никакая оценка этих отношений, никакое мало-мальски энергичное наступательное действие живой человеческой личности, направленное против тех сторон жизни, которые, с точки зрения этой оценки, не выдерживают критики и должны быть изменены. Чтобы быть борцом за лучшее будущее и работником во имя его, — а жить полною, настоящей жизнью, не будучи ни тем, ни другим, невозможно ни в наши, ни в какие другие времена, — необходимо реагировать на окружащее. Без этого реагирования никакое общее образование, никакое, даже самое глубокое и научное, миросозерцание ни к чему. Но чтобы реагировать на окружающее, необходимо иметь в своей душе не только знания и идеи; необходимо еще, чтобы они были там органически соединены — высокие идеи с чистыми знаниями. Факты и идеи должны не только светить, но и волновать. <...> Наше знание, понимание, настроение — это три нераздельных элемента живой человеческой личности.

Работник книжного дела должен служить, посредством распространения книг, не только распространению *знаний,* но и критического отношения к окружающей действительности, умения вникать в нее, умения вникать в окружающее в любом месте и в любое время. Другими словами, он должен помогать человеку в деле развития его понимания. Но и этого еще мало — работник книжного дела должен давать людям, кроме того, некоторый комплекс эмоций, настроений, чувствований, без которых немыслима не только духовная, но и всякая иная жизнь. Знание, понимание и настроение — три силы, кристаллизующиеся путем печати в книге и сохраняющиеся в потенциальном состоянии в библиотеке — совокупности книг. Большая и непростительная ошибка — понимать основные задачи книжного дела как распространение одних только знаний посредством распространения книг. Его задачи более широкие и более боевые. Поэтому всякий работник книжного дела должен прежде всего составить себе понятие о таком подборе книг, который давал бы *все три* вышеперечисленных элемента духовного развития человеческой личности — то есть знание, понимание, настроение.

§ 12. КНИГИ КАК ОРУДИЕ ТРЕХ ВЕЛИКИХ ДУХОВНЫХ СИЛ

Все книги, которые только существуют или существовали на свете, могут быть прежде всего распределены по трем великим духовным силам, о которых здесь сейчас шла речь, смотря по тому, какой из этих трех сил данная книга служит больше и запас какой из них она в наибольшей степени собой представляет. Есть книги, дающие настроение, или, точнее говоря, настроения, в их бесконечных разнообразиях и оттенках, от боевого настроения революционного борца до расслабленного причитания размагниченного нытика, от мечтаний и тоски влюбленного Вертера до мировой скорби Фауста, до «философских горений» Фихте, до огненной убежденности Дж. Бруно и т. д. Критическая мысль, «понимание» также имеет бесконечное число оттенков. То она представляет собой острое лезвие тончайшего анализа, то орудие гениального творчества, мощный синтез творящего гения, указывающего новые пути в целях перестройки миропонимания всей жизни, то осторожное, кропотливое, вдумчивое и добросовестное исследование ученого. То же можно сказать о накоплении знаний и о их бесконечном разнообразии, о трудах исследователей, работающих над изучением разных сторон единой жизни и отдающих многие годы и даже всю свою жизнь делу собирания, констатирования бесконечно большого числа бесконечно мелких фактов, — ученых, делающих смелые и точные обобщения и выводы, создающих научный синтез и стремящихся выразить в кратких и точных формулах все разнообразие явлений жизни. Идеальная книга совмещает в себе все три силы — знание, понимание, настроение (например, такое соединение их можно видеть в «Истории английской литературы» Тэна, «Исторических письмах» П. Лаврова). Обыкновенно же эти силы встречаются в разных количествах и пропорциях. Есть литература настроений — типичной представительницей ее могут служить так называемая «изящная словесность», агитационная литература, некоторые произведения религиозной мысли, напр., «Слова верующего» Ламенне. Есть литература критической мысли, представителями которой могут служить произведения теоретического, обобщающего, абстрактного характера, некоторые философские произведения и многочисленная полемическая литература. Есть, наконец, литература знаний и фактов, систематизированных, классифицированных, описанных, оцененных и т. д.

При виде всякой книги невольно возникает вопрос — какой именно из трех духовных сил данная книга служит и в какой степени? В зависимости от этого, как мы увидим дальше, находится не только пользование книгой как оружием, но и практическое значение ее в данное время и в данном месте. Из всех этих сил наиболее практическое значение имеет, несомненно, настроение. В зависимости от его количества и его потенциаль-

ной энергии (напряжения) находится не только сила книжного влияния на данного читателя, но, в значительной степени, и сила усвоения книжного содержания читательским *большинством,* а значит, и степень исторического значения всякой книги. Работники книжного дела должны обращать особенное внимание на научные книги, написанные с настроением, и для каждой отрасли знания иметь подбор таких книг. По относительному напряжению трех духовных сил — знания, понимания и настроения — все печатные произведения могут быть распределены на три главных отдела. Во-первых, литературу интимную, литературу *личных переживаний,* литературу разных и всевозможных индивидуальностей, типичной представительницей которой могут служить произведения изящной литературы, а также произведения некоторых других изящных искусств (в особенности музыки); во-вторых, литературу *социальной среды,* регистрирующую и оценивающую ее явления, — литературу той общественной атмосферы, в которой мы все рождаемся, растем и действуем, которою мы все дышим, в которой нередко задыхаемся; и, наконец, литературу *среды космической,* регистрирующую и оценивающую явления природы (органической и неорганической). В произведениях, относящихся к первому типу литературы, несомненно, преобладает настроение. Именно их она регистрирует и оценивает. В литературе третьего типа, напротив, преобладает знание, и идеал этой последней — объективное, беспристрастное знание, регистрирующее факты и оценивающее лишь достоверность их и правильность их сообщения, а также выводов из этих последних. Литература социальная занимает промежуточное положение между этими последними: не лишенная настроения, она вместе с тем стремится к объективности. Что касается до понимания, то в лице исторической и экономической науки, а также статистики и некоторых других научных дисциплин, как уже было замечено выше, оно во все времена, всегда и всюду представляло собой не что иное, как «слугу настроения», и если объективное изучение всего существующего является идеалом и понимания, то лишь в области литературы космической идеал этот достигается в удовлетворительной степени; в литературе же социальной и интимной до этого последнего очень далеко. Понимание — та связка, которая охватывает собой все три литературы и соединяет их в единое целое силою человеческого суждения, с точки зрения ума, потребностей, запросов и интересов человеческой личности.

Распределение всех книжных богатств по вышеперечисленным трем типам литературы имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Как мы увидим несколько ниже, оно не может не быть принято в расчет при более детальной классификации книжных богатств по более детальным рубрикам. Следует при этом отметить, что распределение их по тем же трем рубрикам вполне совпадает и со степенью читаемости этих трех литератур. Литература настроений всегда была, есть и будет ли-

тературой самой читаемой. Литература наиболее объективная, которая в огромном большинстве случаев является и наиболее отвлеченной, — наименее читаема. Социальная литература и в этом отношении занимает среднее положение. Каждый исторический момент, каждый уголок Вселенной, каждая отдельная личность выдвигала, выдвигает, всегда будет выдвигать свои особые запросы на настроение, знание, понимание. Эти последние подлежат своеобразному распределению в пространстве и времени. Какое же настроение где является преобладающим? Какова цена этому настроению с точки зрения основных требований истины и справедливости? Надо ли бороться с ним или помогать ему? А если помогать или бороться, то каким именно способом? Какие же именно книги являются лучшими орудиями в данном отношении? Какие же именно книги являются наиболее важными для данной общественной группы, для данной личности? Вот вопросы, стоящие не только перед каждым работником книжного дела, но и перед каждым человеком, и знакомство с литературой настроений имеет в этом отношении громадную практическую ценность. Само собою является необходимость иметь в голове запас библиографических данных в ответ на вышеизложенные вопросы.

Но это не только относительно литературы настроений. Те же вопросы с небольшими изменениями можно предъявлять и к литературе социальной и даже космической. Работники книжного дела и всякие другие распространители и читатели книг должны вооружать себя систематически, имея в виду все эти три литературы вместе и отнюдь не одну из них.

§ 13. РАЗНЫЕ КАТЕГОРИИ РАБОТНИКОВ КНИЖНОГО ДЕЛА И НЕОБХОДИМЫЙ МИНИМУМ ИХ ЗНАКОМСТВА С КНИЖНЫМИ БОГАТСТВАМИ

За этими наиболее общими классификациями всех книжных богатств человечества должна следовать их классификация более детальная. Но прежде чем перейти к этой последней, нельзя не сказать несколько слов для предупреждения некоторых могущих встретиться недоразумений. Говоря о книжной классификации и вообще о книжных богатствах и наиболее целесообразном пользовании ими и предъявляя к работникам книжного дела определенные требования, необходимо не упускать из вида и степень практического осуществления этих требований. Вряд ли нужно доказывать, что миллионы людей, имеющих дело с книгами, сотни тысяч распространяющих книги и десятки тысяч работников-специалистов стоят и всегда будут оставаться на самых разнообразных уровнях книжных знаний и далеко не в одинаковой степени могут использовать их.

Даже самое понятие — «работник книжного дела» — понятие очень общее, и в него входят самые разнообразные категории не

только профессионалов-работников — библиотекари, книгопродавцы, издатели и авторы, с одной стороны, а с другой — все распространители книг, и среди них прежде всего учителя, учительницы, члены просветительных обществ и других просветительных учреждений, земские деятели и т. д., вообще работники самых разнообразных категорий. Можно ли предъявлять требования, изложенные в этой книге, в одинаковой степени к представителям всех этих пестрых категорий? Да и нужны ли столь детальные книжные и философские знания, о каких дальше будет идти речь, всем работникам книжного дела, напр., книгопродавцам, приказчикам книжных магазинов и т. п.? На этот вопрос, думается нам, не может быть иного ответа: «могий вместити, да вместит». Всякое знание, всякое сведение о книгах, находящееся в распоряжении человека, пользующегося так или иначе книгами, не может не пригодиться. Чем больше у него таких знаний, тем больше у него силы. Но, разумеется, не о максимуме знаний в данном случае нам приходится вести речь, а о необходимом минимуме их. Бесспорно, разные категории работников книжного дела для его целесообразного совершения требуют разной степени книжной подготовки. Некоторые работники могут делать свое дело недурно и с меньшей подготовкой, чем какая требуется от работников других категорий. Так, напр., далеко не все требования, которые должно предъявлять к библиотекарю, можно предъявлять и к книгопродавцу — и обратно. Этот последний должен, напр., лучше знать издательское дело и распределение книг по издателям, по годам и месту издания, но в меньшей степени книги, давно изданные, имеющие исторический интерес, журналы и журнальные статьи, за справками о которых и за покупкой которых публика к торговцу новыми книгами не обращается. Но букинист, торгующий оптом и в розницу старыми журналами, не может пренебрегать и такого рода знаниями. Знакомство с библиографическими редкостями и историей их имеет для торговца-«антиквара» даже особенный практический интерес, так как это позволяет набивать цены на распроданные книги. Знакомство со степенью их распроданности имеет очень большое значение и для покупателя, так как только на этой почве мыслима борьба с непомерным аппетитом разных господ букинистов, вроде Косцова, Чернова, Клочкова, Перевозкина, Шибанова и т. п., спекулирующих на библиографическом невежестве провинциальных покупателей. Несомненно большие сведения о книгах, в особенности же народных детских и популярных и даже научных, должен иметь каждый народный учитель, каждая учительница, и именно сведения, касающиеся книжного содержания, их внутреннего, идейного характера, сведения о месте, занимаемом данной книгой в истории литературно-общественных и научно-философских течений. Литература злободневная, текущая должна быть хорошо известна этой категории работников книжного дела, тоже и всем другим общественным деятелям, принимающим мало-

мальское участие в общественной жизни, если они в нее хоть немножко вдумываются и не желают окончательно быть ее пешками. Всякий мыслящий человек должен вырабатывать в себе творца жизни, по крайней мере, в той области, в которой ему приходится работать. Без знакомства с книжными богатствами человечества немыслима никакая творческая работа в более или менее крупных размерах. Для всех таких работников не должно быть и речи о каком-либо минимуме книжных знаний. И всем им мы говорим: не жалейте ни времени, ни труда, чтобы ими запасаться. Но еще более строгие и широкие требования приходится предъявлять к издателям, а тем более к авторам книг. Издатели должны иметь самое ясное представление о книжных богатствах не только своей родной страны, но даже и чужих стран и сознательно работать для планомерного расширения этих богатств посредством издания оригинальных и переводных книг. Издатели должны быть превосходными оценщиками *всякой* книги и уметь с наивозможной тонкостью определять значение, направление и вообще удельный (относительный) вес всего того, что они сами издают или что раньше издано другими. Книжные знания, которые мы старались сосредоточить в этом нашем труде, по нашему глубокому убеждению, представляют собой минимум того, что должен знать всякий издатель. Что касается до авторов, то не приходится даже говорить о том, чтобы этот минимум был достаточен и для них. Наш труд — это лишь введение в изучение минимума. Всякий автор в своей области должен быть знаком с книжными богатствами настолько детально, чтобы иметь возможность намечать интересные для него пробелы в них, которые он как автор и мог бы заполнить своими литературными работами. Это приложимо не только по отношению к литературе научной, но отчасти даже и к художественной, по крайней мере, для избежания перепевов старых тем, не всегда искупаемых новизною и художественностью формы. От издателя и от авторов нельзя не требовать особенно сознательной, планомерной работы для развития книжных богатств в их целом. Миллионы миллионов вопросов еще вовсе не затронуты в литературе. Есть бесконечное число пробелов во всех отраслях знаний и искусства. Миллионы других вопросов почти вовсе не разработаны — они еще ожидают разработки, ищут и зовут работников; миллионы книг устарели, выдохлись, нуждаются в обновлении, переработке, расширении, углублении и т. д. Разумеется, для собственного удовольствия отчего же не писать о том, о чем пишется, не обращая внимания ни на требования жизни, ни на современное состояние книжных богатств. Отчего не издавать кой-каких книг, если есть деньги. Но не на авторах и издателях такого рода держится и не ими развивается книжное дело, и не их усилиями действительно прогрессируют, делаясь все более и более ценными, книжные сокровища. Книжный рынок ждет сознательных и сведущих работников-творцов, сознательно идущих

на то, чтобы планомерно заполнять пробелы и зарывать пропасти. И не таких, которые бы делали свое дело с глазами, полузакрытыми их невежеством, а как люди действительно зрячие и знающие, что они делают, и умеющие постоять за исполнение взятых на себя задач, хотя бы ценою жертв со своей стороны, и уже, во всяком случае, не боясь всякого рода неприятностей. Светлый образ Ф. Ф. Павленкова, знаменитого русского издателя, искреннейшего книголюба, неутомимейшего борца за истину и справедливость, боровшегося за этот свой идеал посредством внедрения книги в самые широкие читательские круги, пусть будет руководителем для всех русских издателей, путеводной звездою и примером для их работы, в смысле ее широты, глубины, самой определенной целесообразности, ее глубоко общественного, философски-научного значения. Не приходится доказывать, что всей пишущей братии особенно необходимо быть хорошими знатоками книжных богатств. Ей даже стыдно говорить о минимуме знаний: ей нужно думать лишь о максимуме их. Повторяем, нет такого знания о книгах, которого не мог бы применить, т. е. пустить в оборот, вдвинуть в читающую толпу *всякий* работник книжного дела, будь он простой, скромный приказчик, будь он издатель, автор, земец и т. д., а об учителях и учительницах и говорить нечего. Для всех работников книжного дела всегда должно существовать одно общее правило, и вот какое: всегда при всяком случае старайся запасаться возможно бóльшим количеством возможно разносторонних, широких и глубоких знаний о книжных богатствах вообще и о разных книгах, в частности; возможно больше ройся в книгах и возможно больше читай о книгах — сколько только можешь, как только можешь, к какой бы категории книжных работников ты ни относился, кем бы ты ни был среди них. Мы старались сосредоточить в нашем труде именно те книжные знания, которые, по нашему мнению, необходимы в более или менее одинаковой степени всем категориям работников книжного дела и вообще всем тем лицам, которые нуждаются в разностороннем знании книг.

§ 14. В МИНИМУМ КНИЖНЫХ ЗНАНИЙ ВХОДИТ ПРЕЖДЕ ВСЕГО ЗНАКОМСТВО С ТЕМИ КНИГАМИ, КОТОРЫЕ НЕОБХОДИМЫ ДЛЯ ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ. ЧТО ТАКОЕ КНИЖНОЕ ЯДРО?

В общей сокровищнице книжных богатств, созданных исторической жизнью человечества, существует некоторый центр, некоторое ядро, около которого группируется, сосредоточивается все наиболее крупное, увесистое, ценное. Можно заметить, при более или менее внимательном рассмотрении, центральное ядро и в бесформенной массе книжных богатств. К этому центральному ядру должны быть отнесены все произведения человеческого ума, чувства и воли, создания человеческого гения и таланта, тоже наиболее крупные, увесистые, ценные, наличностью чего, в сущности, и измеряется общественная сторона книжных богатств в их целом. Сравнением с этим книжным ядром опреде-

ляется идейная ценность всего прочего, существующего в печатном, рукописном и даже устном виде. Все прочее представляет собой как бы распыление или эманацию этого ядра, пересказы и комментарии, перетасовки и перестановки, им же нет числа и меры. Нужно ли доказывать, что главное внимание в области книжного дела должно быть направлено на возможно подробное знакомство именно с этим ядром этой, в полном смысле слова, всемирной литературы? Знакомство с книжными сокровищами, составляющими это всемирное литературное ядро, должно стоять на первом месте в системе знаний, необходимых в области книжного дела. Это-то книжное ядро и должно быть подвергнуто возможно детальному изучению, систематическому и разностороннему. Все, что добыто знанием и мышлением, все завоевания человеческих стремлений, знания и воли и лучшие выражения этих проявлений человеческой души необходимо искать именно в этом литературном ядре. В нашем дальнейшем изложении мы будем говорить поэтому только об этом последнем.

Спрашивается теперь, что оно из себя представляет? В конечном выводе, всякая литература как порождение ума, чувства и воли как отдельных личностей, так и общества — всевозможных общественных групп, национальностей и всего человечества как единого целого — представляет собой не что иное, как книжное отражение: во-первых, отражение человеческой души, во-вторых, общества человеческого, в-третьих, всей Вселенной, поскольку она изучена до настоящего момента умом человеческим. Книжные богатства в целом представляют собой литературное зеркало жизни, литературное выражение космоса, рассмотрение его с разных сторон, синтез которых ведет, в конечном итоге, к его общему пониманию. Знание, понимание, настроение жизни концентрируется ярче всего именно в этом ядре. Изучение Вселенной немыслимо без изучения, точнее говоря, без помощи изучения книжного ядра. Образование, самообразование, в конечном итоге, сводится к тому же. Знакомство с книжным ядром необходимо для каждого образованного человека вообще и всех работников книжного дела в особенности. Этим и определяется необходимый им всем минимум книжных знаний. Да и для всякого человека, если этот последний желает сделаться мало-мальски образованным.

И правда, что значит быть образованным? Это значит, прежде всего, — знать и понимать возможно шире, глубже и разностороннее жизнь как в отдельных ее проявлениях, так и во всем целом, самого себя и все окружающее как в его прошлом, в его истории, так и в настоящем, а насколько возможно, и в будущем. Но знать и понимать жизнь для человека действительно образованного — этого еще недостаточно. Есть нечто особенно важное и необходимое для каждого из нас и для человечества в его целом. Это нечто — *творчество,* способность к работе созидания, к инициативе, к переделке окружающей жизни. Человек во вре-

мя процесса своей жизни не может не вносить в нее кое-чего своего, не может не изменять, не дополнять ее, не переделывать, не творить, не разрушать. Какие же переделки и изменения должен он вносить в жизнь? Что и в каком направлении творить и разрушать? Какие задачи себе и другим поставить? К каким целям и идеалам стремиться? На все эти вопросы всякий мыслящий человек тоже не может не искать ответов, к тому же возможно определенных, точных, глубоких и ясных. Это тоже одна из насущнейших задач образования — и именно образования общего — одинаково необходимого и важного для всех людей. В тот же круг естественно входит еще одна не менее важная задача — умение действовать, творить, проводить свое в жизнь — задача чисто практическая, прикладная, но ею-то и измеряется не только истинность предыдущих двух, но и их справедливость, т. е. их нравственное значение, их житейская сила, их жизненный смысл. Усвойте определенный, законченный круг возможно точных знаний; определите цели вашей жизни, ваших стремлений, вашей работы, научитесь осуществлять их как в целом, так и в мелочах, на практике, и в вашей личной и в общественной жизни — таковы задачи образования. Таковы задачи *общего* образования, т. е. такого, которое необходимо *для всякого человека,* кто бы он ни был, и во всяком случае — для огромнейшего большинства людей. Всякий, кто желает жить мало-мальски человеческой жизнью, кто стремится углублять, расширять, украшать ее, делать ее и возвышеннее и напряженнее, в отличие от жизни общественных болот и лесов, не может не мечтать, не может не стремиться к общему образованию, не может не желать сделать из себя нечто большее, нечто лучшее, чем то, что он теперь представляет собой. Общее образование — цель очень многих и многих людей в настоящее время. Во имя блага, как личного, так и общественного, всячески надо помогать тому, чтобы эта цель сделалась целью всех, — помогать всеми возможными способами распространению общего образования в самых широких кругах. Каждый работник книжного дела, каждый распространитель книг, каждый учащий и учащийся должен думать прежде всего об общем образовании — и своем собственном и других и, прежде чем сделаться специалистом в какой-либо одной области, должен хорошенько понять и усвоить самые основы общего образования, по той простой причине, что всякий человек рождается не специалистом, а человеком вообще.

Общее образование занимает поэтому центральное место в области образования вообще, а книги, служащие общему образованию, занимают центральное место среди образовательных книг вообще. Отсюда следует, что всякий работник книжного дела, всякий стремящийся к образованию (своими или школьными средствами), всякий распространитель книг и борец за истину и справедливость, действующий книгой как орудием, прежде всего должен хорошенько изучить именно круг общеобразователь-

ных книг. Это и есть, если можно так выразиться, минимум минимума, нечто такое, что необходимо наиболее широкому кругу грамотного человечества.

Помогать общему образованию возможно большего числа людей — такова главная задача. Эта задача не может не соединять всех работающих над этим великим делом в одну дружную и многочисленную семью. И соединять их не насилием, не принуждением, а любовью к свету как одному из первых и самых необходимых условий для осуществления идеала справедливости на земле. Кто бы вы ни были, мой читатель, — библиотекарь или книгопродавец, переводчик или издатель, автор или вообще распространитель и читатель книг, учащий или учащийся, — все вы должны запастись именно знанием этого книжного ядра, а это последнее для всех вас в своих главных, основных чертах *одинаково.* Все вы должны получить представление, во-первых, о круге знаний в их целом, о *системе* их, во-вторых, о лучших книгах, существующих ныне в каждой отрасли знания, о их оценке, их характеристике и т. д. Если вы библиотекарь — в вашей библиотеке необходимо должен находиться систематический подбор книг, удовлетворяющий запросам читателей к общему образованию. Если вы книгопродавец, вам нужен *тот же* список общеобразовательных книг, потому что большинство покупателей — все те же стремящиеся к образованию. Если вы издатель, то, лишь познакомившись с наличностью общеобразовательного ядра, вы можете себе составить представление о том, что вам издавать. Если вы вообще человек, стремящийся к самообразованию, — вы должны отдать себе отчет в существовании всех отраслей знания как единой системы и лучших книг в каждом отделе его. О широком литературном развитии пишущей братии, о необходимости возможно полного и глубокого знакомства ее с книжным ядром уже было сказано выше. *Центральное место в деле изучения книжных богатств занимает изучение книжного ядра, а изучать это последнее одинаково важно для всех работников книжного дела.*

Здесь мы можем еще более сузить, но вместе с тем и сделать более определенной эту задачу нашего труда, которую мы формулировали выше. В дальнейшем нашем изложении мы будем говорить не об образовании вообще, а только об *общем* образовании, и не о книжных богатствах вообще, а только о тех, которые являются лучшим, т. е. наиболее ценным орудием общего образования.

§ 15. ТЕОРИЯ КНИЖНОГО ЯДРА И ЕГО ИЗУЧЕНИЕ

Теперь нам предстоит ответить на следующий вопрос: какие же именно книги, имеющиеся в книжном ядре всемирной литературы, наилучшим образом могут удовлетворить целям общего образования? Ответить на этот вопрос самым определенным об-

разом можно лишь одним способом, а именно — составить список таких книг. К этому, в конечном итоге, и сводится решение поставленной нами в начале этого труда задачи. Такой список мы и даем во второй части его, где читатель найдет каталог лучших русских книг, оригинальных и переводных, по каждой отрасли знания. Все эти книги там указаны и представляют собой в своей совокупности, по нашему мнению, ядро русских книжных богатств, и с этим-то ядром и должны познакомиться возможно детальнее все работники книжного дела и все стремящиеся к образованию.

К детальному изучению книжного ядра мы теперь и переходим. Мы будем говорить о нем как о едином целом, и так как это самое ядро представляет собой некоторую совокупность книг, некоторую библиотеку, особым образом, по особой системе составленную, то мы в нашем дальнейшем изложении и будем называть это книжное ядро *общеобразовательной* библиотекой, а комплект книг, для нее необходимых, каталогом *общеобразовательной библиотеки*. Далее, встречая у нас это последнее название, не следует забывать, что этот библиотечный каталог есть вместе с тем — каталог книжного магазина, ставящего своей задачей помогать делу общего образования; тот же каталог представляет собой и пособие для самообразования и образования, для читателей разных типов. Дело библиотек, книжных магазинов и самообразования — дело общее, и интересы всех их — интересы общие. Учение о библиотечном ядре представляет собой связующее звено для всех отраслей книжного дела, а служение возможно широкому распространению и возможно быстрому круговращению книг, входящих в состав этого ядра, — вот общая задача, и только при ее разумной и целесообразной, правильной постановке и практическом осуществлении возможно и материальное процветание вышеупомянутых просветительных учреждений. Упоминаем об этом, имея в виду российскую книжную рутину и узкое понимание книжных интересов, чем сильно грешат, как известно, некоторые книгопродавческие круги и некоторые отдельные книгопродавцы.

Переходим теперь к теории библиотечного или вообще книжного ядра и постараемся изложить эту теорию по следующему плану: прежде всего мы дадим общий очерк этой теории, набросаем ее самые основные и наиболее характерные черты так, чтобы наш читатель с наибольшей ясностью мог представить конструкцию этого ядра в его целом. Далее мы постараемся изложить детали этой конструкции, идя от общего к частному, — от распределения отделов к распределению книг по отделам, затем к описанию и характеристике самих книг, к распределению их авторов в пространстве и времени и, наконец, к характеристике некоторых наиболее важных литературно-общественных и научно-философских течений и некоторых наиболее выдающихся авторов.

ГЛАВА II

ОБЩИЙ ОЧЕРК ТЕОРИИ БИБЛИОТЕЧНОГО ЯДРА

§ 16. ПО КАКОМУ ПЛАНУ И В КАКИХ ЦЕЛЯХ ПОДБИРАТЬ КНИГИ ДЛЯ БИБЛИОТЕК И КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ?

Все существующие книги можно разделить на три главных типа:

1. Книги *общеобразовательного характера* по всем главнейшим отраслям литературы и науки, необходимые широким кругам читателей и прежде всего тем, кто посредством чтения стремится пополнить свое недостаточно законченное образование и выработать систематическое общее миросозерцание, необходимое каждому человеку, кто бы он ни был и на какой бы ступени общественной лестницы и духовного развития ни стоял.

2. Книги *специальные,* заключающие в себе сведения по какой-либо одной или нескольким, близко между собою связанным отраслям знания, — книги, необходимые прежде всего специалистам для их кропотливых и детальных работ по тому или иному вопросу и не интересные читателям неспециалистам в этой области знания.

3. Произведения *злободневные,* быстро теряющие свой интерес вследствие своего назначения служить только текущей жизни, книги «пункта и момента» — уставы, отчеты и т. п., документы текущего времени, умирающие вместе с ним, не интересные ни для специалистов, ни для неспециалистов, но имеющие большое служебное значение для общественной жизни.

Вряд ли нужно доказывать, что каждый из этих типов книг имеет свое самостоятельное и определенное значение, свой raison d'être[1], преследует свои особые цели.

По этим трем типам книг могут быть классифицированы и библиотеки, и книжные магазины, и каждая такая организация их получает тоже определенное значение и нуждается в определенной постановке, в зависимости от своей цели, а значит — и от своего круга читателей. Все библиотеки и книжные магазины по составу книг, в них находящихся, могут быть разделены на такие типы, в зависимости от того, распространению какого типа книг служит данная библиотека или книжный магазин, и какие книги представляют наибольший интерес для данного читателя.

а) Библиотеки и книжные магазины специальные, заключающие в себе книги по какой-либо одной или нескольким отраслям знаний, обслуживающие главным образом специалистов-работников;

---

[1] право на существование, причина существования (*франц.*).

б) Библиотеки и книжные магазины общеобразовательные, обслуживающие широкую публику и главным образом имеющие в виду ее стремление к образованию и самообразованию;

с) Библиотеки и книжные магазины смешанного типа, библиотеки-книгохранилища, принимающие в свои недра и хранящие там *всякие* книги, не отказывающиеся ни от какой книги и стремящиеся сохранить всякое произведение печати от нарушения времени, независимо от спроса на него со стороны читателей.

Из всех типов библиотек и книжных магазинов нельзя не поставить на первое место именно тип *общеобразовательный.* Учреждения этого типа не только должны идти навстречу запросам самообразования, но и иметь такую организацию, чтобы возможно полнее и целесообразнее удовлетворять их. Правда, библиотека-книгохранилище (по типу Петербургской Публичной), как и большие книжные магазины, в конечном итоге, должна удовлетворить и читателя-специалиста, и человека, работающего над своим общим образованием, но этот конечный итог, достижимый для больших учреждений, располагающих почтенными средствами, в сущности, недостижим на практике для огромного большинства библиотек-книгохранилищ. Как известно, большинство наиболее известных книгохранилищ обыкновенно не удовлетворяет ни ученого-специалиста, ни человека, ищущего общего образования. Книгохранилище только тогда может удовлетворять и специалистов и неспециалистов, когда в него войдет как составная часть целый ряд библиотек специальных и, кроме того, определенным способом организованная библиотека общеобразовательная. Эта-то последняя и имеет особенно важное значение для самых широких кругов: она-то и есть то, что можно называть *библиотечным ядром*, то есть совокупность тех именно книг, которые придают библиотеке ее общеобразовательное значение. Спасать печатный материал от разрушительной работы времени и хранить его для будущих веков — задача, несомненно, весьма почтенная. Но не менее почтенная и другая задача — служить своему собственному веку и ныне довлеющей злобе дня. Весьма и весьма почтенное назначение — помогать работе небольшого кружка специалистов, двигающих науку, но не менее почтенная работа — идти, посредством распространения книг по разным отраслям знания, на помощь читающей *толпе.*

Воздействием на эту последнюю и влиянием прежде всего на *массу* современников и измеряется значение всякой библиотеки, всякого книжного магазина, всякого распространителя книг, и тем более общеобразовательных. Об учреждениях этого-то типа и можно сказать, что это — первые слуги читающей толпы, просветители народной массы — слуги текущего времени, помощники в выработке общего миросозерцания и в распространении общих идей.

Из вышенамеченных трех типов образовательных учреждений мы остановим наше внимание исключительно на этом центральном, т. е. общеобразовательном, типе. Мы будем говорить только о таких из них, которые ставят главной своей задачей *идти, на помощь общему образованию путем рационального содействия планомерному и самостоятельному чтению.* Мы будем говорить теперь об общей схеме подбора книг для общеобразовательных библиотек и книжных магазинов.

§ 17. ПЕРВЫЙ ПРИНЦИП ПОДБОРА: СИСТЕМАТИЧНОСТЬ, ЗАКРУГЛЕННОСТЬ, ЗАКОНЧЕННОСТЬ

Что значит удовлетворять запросам самообразования, этой особенно жгучей потребности современной читающей публики? Для человека, над ним работающего, это значит иметь возможность добывать все необходимые для этого дела книги. Для библиотек и книжных магазинов это значит, прежде всего, иметь в своем составе определенный подбор книжного материала, возможно полный, разносторонний, охватывающий если не все, то, по крайней мере, главнейшие отрасли жизни, мысли и знания. Общеобразовательная библиотека или магазин должны содержать в себе определенный *цикл книг.* В их основе должна лежать определенная *схема знаний*, в основе которой должна, в свою очередь, лежать определенная *схема явлений природы*, охватывающая *всю жизнь*, всю Вселенную; первая схема должна явиться отражением второй. Случайность подбора, случайность плана и в том и в другом случае не должны иметь места. Правильно организованное общеобразовательное учреждение (будь то библиотека или книжный магазин), составленное не по куцей и односторонней программе, должно отражать собою прежде всего саму жизнь, во всем разнообразии ее проявлений, во всем бесконечном множестве ее сторон и областей. Другими словами, в его основе должен лежать определенный научный план, имеющий не только субъективное, но и объективное значение. На этом плане следует немного остановиться.

Поставим, прежде всего, такой вопрос: каким требованиям каких читателей должна удовлетворять правильно организованная общеобразовательная библиотека и тем более книжный магазин? Ответ на этот вопрос, в самой общей формулировке, может быть только один: они должны удовлетворять *всем* запросам всех читателей, ищущих общего образования.

> Брось свои иносказанья
> И гипотезы пустые, —
> На проклятые вопросы
> Дай ответы нам живые [1].

---

[1] Г. Гейне.

Но каким же способом этого достигнуть? Опять-таки этого можно достигнуть одним способом, а именно — положив в основу подбора книг определенную систему или *цикл* наук, цикл знаний и идей. Если в этот цикл войдут все области жизни, мысли и знания, и все они будут представлены книгами в достаточно полной степени, и к тому же книгами начиная от самых популярных, то всякий читатель, кто бы он ни был, найдет в библиотеке или магазине, организованных таким образом, то, что ему желательно там найти. *Поэтому систематический подбор книг — это первое необходимое требование, какое следует предъявить к правильно организованной общеобразовательной библиотеке или книжному магазину.*

Но ответы, которые должна давать книга человеку, должны быть ответами действительно живыми, т. е. жизненными, как сказал Гейне. Библиотека должна служить человеческой личности, а через ее посредство служить жизни. По этому определению, понятие «общеобразовательной библиотеки» или «общеобразовательного» книжного магазина должно быть существенно пополнено: к их задачам должно быть отнесено и служение злобе дня, ее пониманию, ее выяснению, наконец, созданию или умножению сознательных работников и борцов путем чтения таких книг, которые не только дают знание, но также и понимание, и настроение. Как вечная истина, так и жгучая злоба дня должны найти в библиотечном ядре каждая свое место. Общеобразовательные библиотеки и книжные магазины должны служить посредством определенного подбора книг не только распространению знаний, но и пониманию и настроению.

§ 18. ВТОРОЙ ПРИНЦИП: ЭКСПОНИРОВАНИЕ ЗАКОНЧЕННОЙ И ЗАКРУГЛЕННОЙ СИСТЕМЫ ПЕРЕД ЛИЦОМ ЧИТАТЕЛЕЙ

Общий план правильно организованного учреждения, имеющего целью распространение общеобразовательных книг, по нашему мнению, должен быть таков. Такое учреждение должно не только рисовать перед читателями общую картину знаний, накопленных и классифицированных человечеством в разных странах и в разные времена: это лишь половина задачи. Знания, накопленные таким образом и кристаллизованные в книгах, могут спокойно пребывать на полках без всякого движения целые десятки и даже сотни лет, и самые замечательные книги могут оставаться без читателей только потому, что те не знают, что и как читать. Эти читатели нередко не спрашивают самых лучших и подходящих к их потребностям книг, и это лишь по своему незнанию. Учреждение *нравственно обязано* давать читающей толпе не только книги, но и *знание книг*, и помогать выбору их, *указывая*, по мере возможности, даже *самый порядок чтения.* По нашему глубокому убеждению, это дело должно быть отнесено не только к обязанностям всякого работника книжного дела — оно должно быть организовано *независимо от него*, оно

должно быть включено в круг обязанностей *самого учреждения*, напр. *библиотеки* — посредством правильной организации *библиотечного каталога*. Другими словами, *каталог общеобразовательной библиотеки должен быть каталогом рекомендательным.* То же самое должно сказать и про каталог хорошего книжного магазина. Книгопродавцы, преследуя свои коммерческие выгоды, очень часто совсем забывают, что эти выгоды не только не противоречат, но совпадают с их определенным, идейным, систематическим служением делу общего образования. Их сознательная работа над распространением хороших общеобразовательных книг не может не отозваться благотворно и на экономической стороне их дела. Каталоги хороших книжных магазинов, как это и поняли уже некоторые из них, должны помочь этому.

Самый каталог должен служить некоторым ручательством за качества указываемых им книг, за их литературную, историческую или какую-либо иную ценность. Он должен указывать место каждой книги в общей системе каталога, а значит — и в общей системе знаний: он должен говорить сам за себя. Он должен служить читателю руководством для знакомства с систематическим подбором лучших книжных богатств, пособием, живым, деятельным руководителем среди этих богатств, указывая лучшие и, по крайней мере, в данное время еще незаменимые книги и вместе с тем предоставляя самый широкий простор в выборе материала для чтения самому читателю, ничем не стесняя этого выбора, а, напротив, самой системой рекомендации подчеркивая необъятный простор и грандиозность человеческого знания.

§ 19. ТРЕТИЙ ПРИНЦИП: ПРИМАТ ЖИЗНИ В СИСТЕМЕ КАТАЛОГА

Рекомендательный каталог должен раскрыть перед читателем не только совокупность *книжных богатств*, но и совокупность *явлений мировой жизни*. Он должен рисовать *общую схему* этих явлений, потому что эта схема явлений есть вместе с тем и план *самообразования и общего миросозерцания*, выработка которого и составляет цель нашего труда. При такой постановке дела и самые заголовки отделов и подотделов явятся уже своего рода вехами в путешествии читателя, при помощи рекомендуемых каталогом книг, по всем уголкам Вселенной. Такой каталог развернет перед читателем схему цельного и определенного миросозерцания. Он же должен вести не только от книги к книге, но и от науки к науке, от одной отрасли знаний к другой, уясняя не только эти последние, но и соотношение их между собою, заинтересовывая как частностями, так и обобщениями и затем обобщениями этих обобщений, так, чтобы читатель ни на минуту не забывал, что мир един и неразделен, что в нем бесконечное множество тесно связанных между собою сторон, *неотделимых* друг от друга, но *отделяемых* человеческим умом и классифицируемых под разными рубриками лишь вследствие несовершенства чело-

веческого ума и лишь для большего удобства изучения. Другими словами, каталог правильно организованной общеобразовательной библиотеки или магазина должен давать читателю общую картину не только анализа, но и синтеза мира. Заглавия отделов — это своего рода *библиотечный скелет*, где каждая косточка осмысливается своим отношением к другим его частям.

§ 20. ЖИЗНЬ КАК ЕДИНОЕ ЦЕЛОЕ В СИСТЕМЕ КАТАЛОГА

Вторая часть его представляет собой опыт такого общеобразовательного каталога, в основе которого положена схема общего образования. Исходя из этих соображений мы и приступили к этому нашему труду. Позволим себе поэтому обратить внимание читателей на самые основные черты общего расположения его отделов и подотделов, так как схема, в его основании лежащая, по нашему мнению, может быть вполне применима и для больших и для малых общеобразовательных библиотек и книжных магазинов. Можно эту схему, сохраняя ее основные черты, и сжимать и распространять, сливать мелкие рубрики в одну крупную, или разбивать их на рубрики еще более мелкие; можно проделывать с той же схемой и иные манипуляции, если распределение тех или иных параграфов кому-нибудь покажется неудобным. Но не в этих мелочах самая суть дела, она в общем плане каталога. А этот план, как мы уже сказали, есть вместе с тем и схема общего образования. В нее входят все главнейшие отделы и все существеннейшие вопросы, естественно входящие в общий план самообразования. Переходя от одной рубрики каталога к другой, читатель вместе с тем мысленно, так сказать, делает и обзор всей совокупности человеческой и мировой жизни, мысли и знания.

Прежде всего, следующие три основных круга жизни, три цикла явлений располагаются в этой схеме в своем естественном порядке: во-первых, круг жизни самой *интимной*, самой близкой для каждого человека, жизни обыденной, со всеми ее мелочами и мелочишками, со всеми переживаниями, внешними и внутренними; во-вторых, жизни *социальной*, общественной, в той же мере охватывающей своим целым как данного человека, так и всех прочих людей, и, наконец, в-третьих, жизни *космической*, жизни Вселенной, ничтожнейшую частичку которой составляет и человек. Беллетристика, а с нею и другие изящные искусства являются выражением жизни интимной — выражением, равноценного которому не дает никакой другой отдел литературы. Науки о человеческом обществе обнимают второй круг, науки о природе — третий круг. Поэтому на первом плане стоит в каталоге литература настроений — беллетристика — один из отделов изящных искусств, за которым следует ряд других искусств — мир вопло-

щенных эмоций и ярких жизненных образов. За беллетристикой следует публицистика — мир общественных стремлений и течений, а за ней — этика, высшая нравственная оценка эмоций и стремлений, как личных, так и общественных, затем естественно следует отдел социальной жизни и как введение в него — отдел истории, в котором раскрывается историческая жизнь человечества как единого социального целого. За историей этого целого следуют обзоры *отдельных его сторон*, затем естественное их завершение, их синтез — социология — краткое резюме общественной жизни человечества, наука, формулирующая самые законы существования и развития человеческого общества вообще. Еще далее рассматривается человечество в его отношениях к окружающей природе, затем идет речь о разновидностях и видах этого человечества, т. е. о племенах и расах его. Еще далее это самое человечество изучается как определенный зоологический вид, один из множества других таких же видов, со всеми его психическими и биологическими особенностями. Наконец, следует картина общей животной психо-биологической жизни, одно из проявлений которой составляет человек. Далее картина еще более расширяется — жизнь животных есть одно из проявлений жизни органической вообще, и за отделом, озаглавленным «животный мир», следует отдел, озаглавленный «мир растений». После этих двух великих отраслей органической жизни следует отдел *о жизни вообще*, а за ней, лежащий в ее глубине, мир явлений, происходящих в органическом и неорганическом *веществе*, и, наконец, мир движений этого вещества и различных проявлений *энергии*. Еще дальше следует картина Вселенной, картина мира как единого целого. Таким образом, переходя от отдела к отделу, от одной отрасли знания к другой, от одного круга явлений к другому, из области в область, читатель, по мысли составителя этой книги, восстанавливает в своем уме общую картину мироздания. Он от жизни социальной переходит к жизни органической, к явлениям психо-биологическим, от них — к явлениям неорганической природы. Но и этим еще не заканчивается общая схема. Недостаточно изучить мир — необходимо изучить и оценить *самые орудия его изучения* — именно изучающий, анализирующий и синтезирующий *разум*. Так, из области мироведения, стремясь все глубже и глубже в поисках за истиной, мы входим в область тех наук, на которых зиждется самое *изучение* мира; и, наконец, самые основы этого изучения, — именно *человеческое познание*. А над всем этим стоит философия — наиболее общий и глубокий синтез всего познаваемого и познающего, заключающий собой общую картину, — своего рода вершина научной пирамиды, верхняя точка чрезвычайно сложного здания, опирающегося на бесконечно большое число сложных и изменчивых фактов, из совокупности которых и слагается самая жизнь природы, понимая это слово в самом широком смысле.

§ 21. ЧЕТВЕРТЫЙ ПРИНЦИП: ПРИ ПОСТРОЙКЕ ОБЩЕЙ СХЕМЫ ДОЛЖНА БЫТЬ ПРИНЯТА В РАСЧЕТ ЭВОЛЮЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ, ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ МЫСЛИ

В таком порядке и распределены, как читатель увидит дальше, все отделы нашего каталога. Бросим теперь взгляд на одну сторону того схематического порядка отделов, о котором сейчас было сказано. Если присмотреться к этому порядку в самых общих чертах, то нетрудно заметить, что переходы, нами намеченные, выражают собой вместе с тем и переходы от более сложного к более простому, от более частного, близкого, человеческого, к все более и более общему, более глубокому, космическому. Но ведь это и есть общий ход эволюции человеческого мышления, которая, как о том говорит история науки и философии, шла в течение веков в той же последовательности и проходила такие же фазы. Правильно организованный каталог в общих основных чертах воспроизводит эту же эволюцию. Переходя от отдела к отделу или от науки к науке, читатель вместе с тем переходит в более и более детальных рубриках от одной стороны жизни к другой и постепенно анализирует Вселенную. Далее, идя от общих обзоров к обзорам частностей и от *анализа* отдельных сторон жизни, изучаемых отдельными науками, он переходит к *синтезу* мира как единого целого — к философии как общему результату всех наук, к общему миросозерцанию и миропониманию, охватывающему в единой общей концепции все науки, все системы, всю жизнь. По мысли составителя, таким образом распланированный каталог общеобразовательной библиотеки должен раскрывать перед читателями не только *названия знаний*, но и общую *связь и перспективу* их — своего рода галерею наук, фактов и идей, логически и реально между собой связанных, взаимно друг друга дополняющих и углубляющих и всей своею совокупностью сходящихся в одной точке, а именно — человеческой личности, ее критически и научно мыслящем разуме, опирающемся на реальные, проверенные факты и путем гипотез и их научной проверки идущем от обобщения к обобщению. Библиотека, как это было уже сказано, *может и должна* представлять собой *книжное отражение Вселенной*, всех ее областей — и в отдельности, и в связи, в частностях и в целом.

§ 22. ПЯТЫЙ ПРИНЦИП: ИСТОРИЧЕСКАЯ И ВООБЩЕ ЭВОЛЮЦИОННАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Но и этого еще мало. Общеобразовательная библиотека должна сделать из себя книжное отражение Вселенной во всей ее многообразной сложности, не только такой, какова она *есть* в настоящее время, какою познал и понял ее человек, но и такою, какова она *была* в прошлые времена, со всеми переменами, которые происходили и произошли в ней в бесконечно длинном ря-

ду давно минувших веков, поскольку это прошлое раскрыто наукой. «Все течет, все изменяется», — сказал когда-то древний философ. Вселенная — это не что иное, как ряд бесконечно следующих одна за другой перемен. Все изменяется в пространстве и времени, все вместе с тем относительно. Все имеет свою историю. Все можно и должно рассматривать с исторической точки зрения. Время есть архитектор и фактор, и верховный судья. Поэтому, преследуя вышенамеченную цель общего образования и сообразуя с этой целью подбор книг, и желая дать не только пособие при их *выборе*, но и общую *схему* постепенно расширяющихся и углубляющихся знаний, нельзя не отвести в этой схеме подобающего места *исторической точке зрения.* История — это переход от простого к сложному или от сложного к простому, превращение одного явления в другое, а этого в третье, во много других явлений. Говоря об общей схеме самообразования (а значит, и о подборе книг), нельзя не развернуть перед читателем возможно полнее и возможно шире общие перспективы фактов и теорий не только в пространстве, но и во времени, начиная, например, с наиболее близкой нам современности и все более и более погружаясь в глубину времен, переходя от истории человечества к истории предшествующей ему органической жизни, а затем к истории неорганической природы, к истории Космоса. В своих основных чертах общий план каталога экспонирует и историческую последовательность главнейших фаз мировой эволюции. Это и видно из предыдущего.

Но и этого еще недостаточно. Историческая и эволюционная точка зрения должна быть продолжена еще и в ширину. Во-первых, есть история фактов, явлений, во-вторых, еще есть история *объяснений* этих фактов, их толкований, их теорий. Если для понимания мироздания, т. е. для общего образования, крайне важно знать факты и их вечный поток, изменяющийся в течение времени, то не менее важно знать и историю группировки этих фактов, производимую человеческим умом в разные исторические моменты по-разному. Самые идеи и теории о современности, об истории человечества, о человеческом обществе, о психической и биологической жизни, об основных законах вещества и силы и о всем Космосе тоже ведь имели свою историю, и изучать современные представления и учения о них — это значит изучать единый момент в ряде многих других моментов, прошлых и будущих. Поэтому историческую точку зрения на явления мировой жизни мы должны дополнить исторической точкой зрения на самые теории о ней и потому истории *теорий* отвести в нашем каталоге почетное место, насколько только нам позволит наличность имеющихся на русском языке книг. Борьба с догматизмом, по нашему глубокому убеждению, — одна из задач правильно поставленного общего образования. Самая планировка каталога должна быть основана на принципе такой борьбы, и правильно

организованная общеобразовательная библиотека должна самим подбором книг и их рекомендацией принять возможно деятельное участие в этой же борьбе.

§ 23. ШЕСТОЙ ПРИНЦИП: ФАКТЫ ВПЕРЕДИ ТЕОРИИ И ГИПОТЕЗ. ИСТОРИЯ — ОЦЕНЩИК И СУДЬЯ

Но пойдем дальше. История мира и история идей и теорий о нем не есть нечто нераздельное и между собой связанное. Давно сказано: факты вечны, идеи изменчивы. Есть книги, дающие читателю главным образом факты; есть другие книги, дающие главным образом идеи. Задача самообразования заключается в том, чтобы каждая усвоенная идея опиралась на факты. Человек, работающий над своим самообразованием, должен усвоить и факты и идеи. Поэтому при распространении общего образования путем определенного подбора книг нельзя не отводить одного из самых важных мест таким книгам, которые дают читателю знание фактической стороны данного вопроса; а потому и при организации библиотеки или книжного магазина в их каталогах нельзя не выдвигать книг о фактах на первый план, а на второй план, за ними ставить идеи и концепции, их объясняющие; поэтому и в нашем каталоге мы старались заканчивать каждый его отдел теорией или философией данной отрасли знания, делая ее как бы заключительным его аккордом. Поэтому же мы ставили, например, историю и описание современного политического или экономического строя прежде теорий их — то есть учения о праве и политической экономии, зоологию и ботанику раньше биологии и т. д. Так мы делали по возможности в каждом отделе. То же самое, и в силу тех же соображений, мы сделали и в конце всего каталога. Философия как общая теория мироздания, *общая теория теорий*, общее резюме и сводка философий отдельных наук — это «обобщение обобщений» и является в нашем каталоге, так сказать, заключительным резюме в ряде других таких же.

§ 24. ОСНОВНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ НАМИ К КАТАЛОГУ

Сводя все вышесказанное к одному, мы приходим к следующему заключению: рационально составленный каталог, имеющий в виду тех, кто работает над своим самообразованием, в целях выработки общего миросозерцания, должен удовлетворять, прежде всего, следующим четырем крайне важным требованиям:

1. Он должен указать такому читателю книги по всем главнейшим отраслям знаний, входящим в систему общего образования.

2. Он должен дать их читателю в определенной системе, так, чтобы читатель мог видеть эту систему в самом каталоге, из самого распределения отделов в нем, чтобы это самое распределе-

ние их уже раскрывало читателю одну область Вселенной за другой.

3. Развертывая, таким образом, *картину Вселенной*, самим подбором книг для такого каталога нужно помогать знакомству с книгами и даже оценке их содержания — в одних случаях фактического, в других теоретического, — не забывая при этом, что и факты и теории имеют свою историю. Поэтому в основу того же каталога надо положить еще следующие более частные принципы:

а) Нужны книги, дающие знание фактов. Нужны книги, знакомящие с теориями.

б) Сначала факты, затем теории.

с) И факты и теории — в связи с их историей.

4. Каталог же должен указывать читателю тот путь, по которому должен идти человек, серьезно и вдумчиво работающий над своим самообразованием, над выработкой своего общего миросозерцания.

Первые три требования — это требования теоретические, четвертое требование — педагогическое, практическое. Удовлетворяя первому, мы рисуем картину мира в пространстве и времени посредством определенного подбора лучших книг. Удовлетворяя второму, мы идем навстречу *личности человеческой* — данному человеку, живущему в определенном уголке земного шара, в определенный исторический момент, с определенной жаждой света и правды. Удовлетворение же одновременно двух вышеуказанных требований — это синтез общего, мирового с частным, индивидуальным, это призыв и посильная помощь личности человеческой выйти из своего уголка, чтобы охватить всеми силами своего духа жизнь человека, жизнь человечества, жизнь Космоса.

§ 25. СЕДЬМОЙ ПРИНЦИП. ТЕРПИМОСТЬ К ЧУЖИМ МНЕНИЯМ

Он состоит в том, что, подбирая книги для каталога общеобразовательной библиотеки, отнюдь не следует замалчивать тех мнений, которые почему-либо кажутся неверными, несправедливыми, несимпатичными составителям каталога[1]. Если эти мнения более или менее распространены — с ними нельзя не считаться, их нельзя не опровергать, с ними нужно бороться. А чтобы делать это рационально, их надо знать, понимать, ценить и оценку их необходимо производить, по меньшей мере, с трех точек зрения: во-первых, с точки зрения *исторической*, потому что всякий поток мнений, всякое литературно-общественное течение представляет собой прежде всего продукт истории, результат некоторых исторических обстоятельств. И если история по-

---

[1] В этом параграфе наиболее отчетливо выразились ошибочные взгляды Рубакина, за которые его критиковал В. И. Ленин. — *Ред.*

родила эти мнения и позволила им получить распространение, значит, с этими мнениями нельзя не считаться. Нужно дать себе отчет — что же именно породило их, какие именно условия этому благоприятствовали или благоприятствуют? Что их оправдывает, что их опровергает с исторической точки зрения? Во-вторых, необходимо производить оценку всякого мнения с социальной (общественной) точки зрения — с точки зрения той общественной среды, в которой данное мнение возникло. Давно уже замечено, что между всяким мнением и этой его общественной средою всегда существует некоторая связь, то резко бросающаяся в глаза, то скрытая. Всякое мнение неотделимо не только от человека, его имеющего, но и от *интересов* этого человека. На характер человеческих мнений не может не оказывать огромного влияния характер человеческих интересов. Вряд ли нужно доказывать, что среди этих последних одно из первых мест, если не первое, занимают интересы материальные, т. е. экономические, — вопросы еды и питья и всяких удобств жизни, вплоть до источников дохода и собственности включительно. Как известно, у каждого класса общества есть свои, если не исключительно ему свойственные, то во всяком случае преобладающие источники доходов. Иной живет продажей своего труда, иной процентами с капитала, иной доходами с земли, с собственности. В каком же отношении данные мнения, данные направления мысли и стремления, идеалы, мечтания и надежды находятся в социальной жизни? С какими интересами совпадают, кому именно выгодны? Вот вопросы, которые сами собой возникают при оценке каждого мнения, и лишь изучение той среды, в которой эти мнения распространяются, ее интересов — экономических, политических и всяких иных особенностей может дать ответ на этот вопрос. Никакое мнение без его социальной оценки, как и без оценки исторической, понято быть не может. Но и этой оценки еще недостаточно. В-третьих, для мнений необходима еще высшая оценка, с точки зрения их истинности, т. е. их соответствия с действительностью. И, правда, одно дело *факт*, и совсем другое дело мнение о факте, одно дело — жизнь, и другое дело — ее понимание. Истиной называется, как это уже было сказано выше, согласие мнения с фактами. Между тем нередко истиной называются не только мнения, не совпадающие с действительностью, но и заведомо искажающие ее в силу интересов, пристрастия, привычек, инстинктов, заблуждений, логических ошибок, преданий и т. д., и т. д. Оценивать мнения с этой третьей точки зрения — это значит отделять в них то, что соответствует действительности, от того, что не соответствует ей. Всякое мнение можно рассматривать не только как мнение, в основе которого лежит некоторое стремление, желание, домогательство, но и как факт. И в качестве фактов наука подвергает все мнения тоже более или менее строгому изучению и исследованию. Даже не вдаваясь в оценку их с социальной или какой-

либо иной точки зрения, наука изучает характер мнений, их сущность, их соответствие с действительностью в данное время, в данном месте, их логичность или нелогичность и т. д. Лживость всякого мнения должна быть таким способом выводима на чистую воду, и миллионы разных мнений потому и разрушились и разрушаются, что не выдержали такой проверки действительностью. Так, разлетелись, напр., в последние годы стремления некоторых общественных групп выдавать свои собственные воззрения за мнение всего русского народа и всячески доказывать, что этот последний доволен решительно всем, что с ним проделано, вплоть до массовых телесных наказаний включительно. С лишком сто лет тому назад также разлетелось в пух и прах мнение, что «Людовик XVI — самый добрый и излюбленный народом король». Не выдержали проверки действительностью и возражения против дарвинизма и социализма, которому в свое время пророчили самое ничтожное распространение. Поэтому, прежде чем принимать или осуждать то или иное мнение, нельзя не вспомнить старое изречение: amicus Plato sed magis amica Veritas (*лат.*) (Платон мне друг, но истина еще больше друг). Наконец, в-четвертых, всякое мнение, всякое явление подлежит оценке не только с точки зрения истины, но и с точки зрения *справедливости*, нравственной и социальной правды. Нет и не может быть такого мнения, теории, направления, миросозерцания, которое не подлежало бы оценке в этом последнем отношении. Одно дело — действительность и другое дело — нравственная ценность ее. Одно дело — познание истины, другое дело — оценка ее, определение ее этической и социальной ценности. Из предыдущего следует, что всякие мнения, а тем более такие, которые имеют общественное значение, не только нельзя замалчивать, но необходимо знать и оценивать как с исторической, так и с социальной, научной и этической точек зрения. Не наши личные мнения и оценки должны служить нам руководством для подбора книг, а *история мнений* и самый факт их существования в окружающей нас жизни. Разносторонняя оценка мнений и историческая точка зрения, руководящая подбором их, думается нам, лучший способ не превращать себя в цензоров и не иметь ничего общего с цензурой. Мы позволяем себе повторить здесь замечательные и благородные слова Д. С. Милля, одного из самых ярких, объективных и глубоких защитников свободы мнений и терпимости к ним, какого только создал XIX век. «Если бы весь род человеческий, — сказал Д. С. Милль *, — за исключением только одного какого-нибудь человека, был известного мнения, а этот человек был мнения противоположного, то и тогда все человечество имело бы не более права заставить молчать этого индивидуума, чем какое имел бы и сам индивидуум заставить молчать все человечество, если бы имел на то возможность». «Если мнение правильно, то запрещать выражать его — значит запрещать людям знать истину и препятствовать им вый-

ти из заблуждения; если же мнение неправильно, то препятствовать свободному его выражению — значит препятствовать достижению людьми не меньшего блага, чем и в первом случае, а именно — более ясного уразумения истины и более глубокого в ней убеждения, как это обыкновенно имеет своим последствием всякое столкновение истины с заблуждениями». «Желающие уничтожить какое-нибудь мнение или помешать распространению его, конечно, признают его ложным; но ведь они могут ошибаться». А лишать кого бы то ни было средств принять участие в обсуждении вопроса — значит признавать свои личные мнения за абсолютную истину, значит — объявлять притязание на непогрешимость; но ведь людская непогрешимость вещь очень сомнительная. «Люди охотно признают, что могут ошибаться, но мало таких людей, которые бы считали нужным принимать какие-нибудь меры предосторожности против своей непогрешимости и допускали бы предположение, что, может быть, мнение, считаемое ими истинным, и есть один из примеров той непогрешимости, которую они сознают за собой. Люди, облеченные обширной властью, и вообще люди, привыкшие к тому, чтобы окружающие их безусловно соглашались с их мнениями, обыкновенно питают к своим личным мнениям безграничное доверие, к какому бы предмету ни относились они». <...>. Придавая особенно важное значение принципу терпимости для очень широких кругов русских читателей, мы позволим себе впоследствии несколько подробнее остановиться на нем, а также возвращаться к нему не раз и в нашем дальнейшем изложении.

§ 26. ВОСЬМОЙ ПРИНЦИП: СОСТАВЛЯЯ СПИСКИ КНИГ, НЕ ЗАБЫВАЙТЕ О ЧИТАТЕЛЬСКИХ ТИПАХ И ИХ ХАРАКТЕРНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ

К этим четырем требованиям, формулированным выше, надо прибавить еще три.

В основу библиотечного каталога должно быть положено возможно разностороннее изучение читателя как с точки зрения его научной подготовки, так и с точки зрения психических и социальных типов его. Необходимо принимать в расчет и относительную читаемость книг. Говоря об общем распределении отделов в схеме общего образования и об их распланировании в общеобразовательном каталоге, мы намеренно поставили вперед беллетристику, то есть отдел наиболее читаемых книг, а в конце — философию, то есть отдел книг, читаемых наименее. Естественность вышенамеченной схемы подтверждается и тем, что она в общих чертах соответствует и относительной читаемости книг из разных отделов. Составляя обзор книжных богатств, в целях распространения общего образования, полезно, по нашему мнению, идти, насколько позволяет нам общая схема, от книг, наиболее читаемых, к читаемым относительно слабее. Этот прин-

цип тоже принят нами в расчет при составлении 2-й части нашего труда, т. е. каталога, в ней содержащегося. Как читатель увидит из самого каталога, в этом отношении, — по крайней мере, в общих чертах, — нам не приходилось делать отступлений от заранее выработанной схемы. Как известно из библиотечной практики и из отчетов общественных библиотек, отдел беллетристики находит себе особенно много читателей; читаются как отдельные произведения беллетристов, так и беллетристические произведения периодических изданий. На втором месте после беллетристики по степени читаемости стоят книги и статьи по истории литературы, по публицистике, критике и разным этическим вопросам, связанным с жизнью, — вопросам, разработке которых, как известно, уделяется немало места и в трудах критиков и публицистов. За этими отделами по степени читаемости стоит отдел истории, а за ними — разные отделы общественных наук. Книги по психологии и естествознанию читаются гораздо меньше и еще меньше книги по математике и логике. Наконец, книги по философии по своей отвлеченности и трудности понимания находят себе относительно очень мало читателей. Эта же схема читаемости подтверждается и издательской статистикой: число экземпляров, в которых печатаются книги разных отделов, выше всего в отделе беллетристики и ниже всего в отделе философии, убывая постепенно от первой к последней. Наблюдаются лишь очень немногие исключения из этого правила, не нарушающие общей картины.

Такова схема читаемости, издательства, а значит, и покупаемости книг, выводимая из изучения читающей толпы, как столичной, так и провинциальной. Такова же в общих чертах и схема нашего каталога. Мы располагали в нем отделы, стараясь всегда принимать в расчет не только схему научную, но и схему *относительного спроса на книги*. Другими словами, мы старались принимать в расчет *потребности* читающей массы.

Пойдем теперь еще дальше. По мысли составителя, как мы видели, каталог должен представлять собой своего рода *лестницу отделов*, по которой каждый желающий, если только он ретивый читатель, мог бы идти вверх *своими средствами*. И это не только в том случае, если он — личность выдающаяся, но и тогда, когда он самый обыкновенный человек из толпы. Рекомендательный каталог общеобразовательной библиотеки должен обслуживать прежде всего толпу, а не «героев», которые и сами могут себе помогать. Исходя из тех же соображений, необходимо положить в основу подбора книг для общего образования, а значит и для общеобразовательных каталогов, тот же принцип *всем открытой лестницы*, и это не только в общей схеме отделов, но и внутри каждого отдела, насколько позволяет это сделать имеющийся под руками библиографический материал. Нужно иметь в виду читателей разных степеней научной подготовки, так, чтобы всякий читатель, на какой бы ступени развития он ни

стоял, мог найти понятную для него книгу во всякой отрасли знания, во всяком отделе каталога. Поэтому, составляя каталог, необходимо помещать в него книги, подходящие для всех главнейших ступеней подготовки, и подбирать книги по возможности по каждой отрасли знания и по каждому вопросу в восходящей трудности понимания, вводя в каталог, во-первых, книжки так называемые *народные*, во-вторых, научно-популярные, в-третьих, научные, требующие от читателя известной подготовки. Эти три категории книг — это тоже своего рода лестница.

Но есть еще одна сторона дела не менее важная, чем предыдущая, которая тоже должна быть принята в расчет при подборе книг в целях общего образования. Читатели, как и люди вообще, бывают не только различных степеней образовательной подготовки, но и различных складов ума, различных особенностей в области чувства и воли и вообще различных характеров, темпераментов, типов, и книга, очень подходящая к читателям одного типа и их вполне удовлетворяющая, нередко совершенно не подходит к читателям других типов. Нужно иметь в виду, говоря о наличности книжных богатств и о их подборе, читателей, по крайней мере, наиболее характерных и распространенных типов.

Итак, мы имеем еще следующие три требования:

5. При общей распланировке отделов необходимо принимать относительную читаемость книг.

6. В каждый отдел вводить книги различной трудности понимания.

7. Наконец, книги, подходящие для различных психических и социальных типов читателей.

Сделав эти общие замечания о тех требованиях, которые необходимо, по нашему мнению, предъявлять к библиотечному ядру, а значит, и к каждой правильно организованной общеобразовательной библиотеке, а значит, и к ее каталогу как путеводителю по ней, переходим теперь к детальному рассмотрению каждой рубрики каталога в отдельности [1].

ГЛАВА VI

ЧИТАТЕЛЬ И КНИГА

§ 75. РАБОТНИКИ КНИЖНОГО ДЕЛА И МАШИНКИ ДЛЯ ВЫДАВАНИЯ И ПРОДАВАНИЯ КНИГ

Составить списки хотя бы самых лучших книг, хотя бы по самой рациональной и научной системе подобранных, — этого еще мало. Это лишь половина дела. Необходимо сделать эти книги еще читаемыми — приблизить их к читателям, а читателей к

[1] Главы III—V нами опущены. — *Сост.*

ним — пустить их в обращение, возможно более широкое, возможно более быстрое.

Как это обыкновенно делается? Если оставить в стороне относительно очень немногочисленных книжных фанатиков и знатоков читательской психологии, то в огромном большинстве случаев дело распространения книг у нас в России (да и не только у нас) находится в очень печальном положении. Ни библиотекари, ни книгопродавцы, ни издатели не умеют распространять книги. Они обыкновенно лишь поджидают, когда сам читатель придет к ним и спросит книгу; они плохо умеют, а то и совсем не умеют рекомендовать книгу читателю, а рекомендовать ему книгу подходящую — и тем более, как мы знаем из личных знакомств со многими и многими работниками книжного дела, эти последние в большинстве случаев не имеют ни малейшего представления о том, что собственно следует называть «подходящей» книгой. Эти два слова в ушах даже очень опытных и бывалых книжников звучат шаблонно; мерка для оценки таких книг, у кого она и имеется, тоже шаблонная: для «читателей из народа» нужна книжка народная, дешевка в сытинском стиле, для детей — детская: в золоченой обложке — для зажиточных и попроще — для детей «так себе»; для студентов — с «душком», т. е. с «тенденцией» и т. п. Правда, и такого рода эмпирические данные имеют известное значение. Но нельзя не видеть, что такие массовые суждения настолько грубые и «суздальские», что строить на них книжное дело вряд ли практично. Правда, иные книжники обладают довольно изощренным нюхом. Но и «нюх» — понятие довольно неопределенное и требует, по меньшей мере, дополнений и поправок с какой-то другой стороны, о которой нужно подумать и подумать. Не в нюхе самая суть дела, а в действительном понимании, во-первых и прежде всего — *психических типов читателей, во-вторых, социальной среды*, в которой живут, воспитываются, действуют эти последние. Не вникая в эту сторону дела, даже самый опытный книжник, превосходно знающий не только состав книжных богатств, но и характер этого состава, и самые книги, не может быть хорошим распространителем книг. А о заурядных книжниках и говорить нечего. Иногда просто тяжело и даже стыдно становится, глядя на них — глядя на то, как хорошие люди, стоящие около хорошего дела, и сами мертвы, и это дело делают мертвым, превращаясь, в свою очередь, из людей в «машинки для выдавания книг» или механические счетчики. А между тем подходи они к делу с несколько иной стороны, взгляни они на него по существу — они бы и сами ожили и это дело оживили бы; в свою очередь, и оно дало бы, несомненно, глубокий и светлый смысл их собственному существованию, обыкновенно такому серенькому, бесцветному, жалкому, однообразному и мучительному. Стоя у книжного дела, прежде всего надо понять его основную задачу, его глубоко общественный, можно сказать, исторический, мировой смысл; надо понять его

непосредственную, практическую связь с духовной жизнью человечества; надо понять, что, стоя около такого дела, даже слабый из слабых делается сильным, если только он возьмет в свои руки орудие истины и справедливости, против которого беспомощны все силы адовы; нужно *почувствовать* этот переход, возможный для всякого мало-мальски жизненного человека — переход от бессилия к силе, от бессмысленной жизни к осмысленной — превращение из человека, еще вчера, быть может, загнанного и забитого, в человека, понимающего, что он делает, и куда идет, и как надо это делать, и как идти; надо почувствовать непосредственную связь каждого отдельного работника с чем-то великим, светлым, радостным, непреоборимым, что называется работой для лучшего будущего и своей родной страны, и других стран, путем органической, планомерной работы в целях распространения знания, понимания, настроения. Мы отчасти уже говорили об этом, но мы никогда не устанем это же повторять, тем более, что лично по себе знаем все значение такого сознания; и это не трудно понять всякому русскому человеку, особенно живя в таком периоде русской истории, когда уныние делается повальной болезнью, и люди теряют, благодаря своему настроению, связь с жизнью. Но как же, спросим, терять ее, когда для каждого человека уже есть дело, такое дело, в котором всякий, кто бы он ни был, действительно может (а по-нашему и должен) принять участие? Разве все вопросы у всех людей оказались уже решенными? Разве все добытые человечеством знания уже распространены? С другой стороны, разве настроение бодрого человека, умевшего работать и бороться, не заразительно? Разве быть нытиком или машинкой для выдавания книг слаще, чем бодрым работником и борцом? Мы глубоко убеждены, что даже при самых тяжелых условиях и личной, и общественной жизни, работа в книжном деле все-таки и целесообразна, и плодотворна, — нужно понять ее душу, ее суть, и с задачей большого дела слить задачу своей, хотя бы и маленькой и скромной жизни.

§ 76. НАДО ВДУМЫВАТЬСЯ В ДУШУ ЧИТАТЕЛЯ

Чтобы быть хорошим распространителем хороших книг, *надо вдумываться в душу читателя.* Надо почувствовать и понять ее искания. Надо особенности этой души понять и, поняв, пойти им навстречу. «Когда гора не идет к пророку, пусть пророк идет в таком случае к горе», — говорит одно мусульманское изречение. Если читатель не идет к хорошей книге, надо сделать так, чтобы сама книга пошла к нему. И пошла именно та самая, которая может затронуть данную читательскую душу. И пошла бы так, чтобы сам читатель не заметил ее наступления. Только вдумываясь в читательскую психологию, чутко и внимательно присматриваясь к этой душе и стараясь понять ее в связи с общими условиями места и момента, можно делать хорошее дело

действительно хорошо. На этой же психологической и социальной почве должно быть поставлено и дело самообразования. Попробуем наметить в самых общих чертах некоторые практические приемы, необходимые для такой постановки.

Чтобы читатель принялся за чтение книги, нужно, во-первых, чтобы он узнал о ней, о ее существовании, о некоторых, хотя бы наиболее важных качествах ее; во-вторых, нужно, чтобы читатель заинтересовался всем этим; в-третьих, чтобы он нашел данную книгу настолько для него нужной, что отдал бы часть своего времени на ее чтение; в-четвертых, нужно, чтобы читатель нашел ее не только нужной, но еще понятной, а главное — интересной, чтобы книга действительно затронула и разум, и чувство читателя. Но и этого еще мало. Все силы книги не в том, чтобы «шевелить мозги и душу», и не в том, чтобы представлять собой, как выражался Н. М. Карамзин, «приятное чтение, не оскорбляющее вкуса», а в том, чтобы книга затрагивала *волю*. Затрагивать волю — в этом и состоит главная задача книжного дела. Будь книга чисто научной или будь она сборником самых чувствительных стихов, будящих самые тонкие и даже возвышенные чувства, — не в этом главная ценность, не в этом значение книги. Правда, можно и даже должно быть ей благодарным и за такие ее влияния и чувствовать даже счастье за сладкие минуты, проведенные за ее чтением. Но не в этом выражается главная сила книги. Ее суть в том, чтобы побуждать волю, порождать действия, проявлять силу, способную в *жизни* оставлять свой след, — и так, чтобы, исследуя результаты, действия как явление объективное, можно было судить о самой книге: вот что она дает жизни при таких условиях. Давать знания, понимание, настроения, пуская книгу в ход, — вот что значит приближать ее к жизни.

§ 77. ОЗНАКОМЛЕНИЕ С КНИГАМИ ПУТЕМ ИХ ОПИСЫВАНИЯ

Что нужно делать, чтобы читатель мог узнать книгу? Книжная практика выработала целый ряд приемов для знакомства читателя с книгой. Оставляя в стороне всякого рода рекламы, не имеющие ничего общего с основными задачами книжного дела, и гг. издателей и торговцев, беззастенчиво рекомендующих свой собственный «товар», скажем несколько слов о других более корректных приемах наступательного действия на читателя. Основным приемом, ведущим к цели наиболее рационально, должна быть *правильно организованная и возможно объективная, описательная, систематическая* рекомендация книг. На этой стороне дела необходимо несколько остановиться.

В первой главе мы говорили о том, что каталог правильно организованной общеобразовательной библиотеки должен быть каталогом *рекомендательным*. Это слово «рекомендательный» нуждается в некотором пояснении. Есть рекомендация и рекомендация. <...>. Мы придаем этому слову наиболее широкий

смысл. Рекомендация прежде всего ничего не должна навязывать и никого не должна стеснять. Она должна лишь раскрывать перед читателем, во-первых, по возможности полную и обоснованную *систему знаний*, во-вторых, давать по возможности полный список относительно хороших книг, имеющихся в обращении, такой список, который говорил бы не только о названии, но и о характере книг. Все прочее — дело самого читателя. Библиотечный каталог, как мы уже говорили, должен по возможности облегчать всякому желающему приобретение общего миросозерцания, указывать *систему*, указывать *дороги*, или, точнее говоря, лестницу знаний, а по какой дороге и куда идти — это пусть решает сам читатель. Большинство начинает свое чтение с отдела беллетристики и затем поднимается по ступеням каталожной лестницы все выше и выше. Но это не единственно возможный путь: работать над выработкой общего миросозерцания можно, идя, так сказать, и сверху вниз, и снизу вверх, и даже скачками. Каждый отдел библиотечного каталога, даже каждая книга могут быть рассматриваемы как исходный пункт, от которого живой человеческой душе открыты дороги во все стороны. Каждый читатель может начинать свое дело самообразования на свой собственный лад, идя от того вопроса, который кажется ему в данное время наиболее интересным и занятным. Важно только одно — чтобы, начав это дело, читатель не прекращал его, а переходил бы от книги к книге, из отдела в отдел, из одной области знания в другую, и это до тех пор, пока не будет пройдена сверху вниз или снизу вверх вся лестница знаний. Правда, путь несистематический не есть самый лучший, и В. И. Чарнолусский в своей прекрасной брошюре «О самообразовании» совершенно справедливо восстает против такого пути *. Вместе с тем тот же автор не менее справедливо замечает, говоря об общем плане самообразования: «Чрезвычайно важно, чтобы этот план, по возможности, совпадал с естественной классификацией научных дисциплин, основываясь на их внутренней, живой связи». Но не менее важно, чтобы он соответствовал также индивидуальным особенностям приступающего к занятиям. Присоединяясь всецело к такой постановке вопроса, мы все же не должны забывать, что жизнь нередко ставит дилемму: или система, или индивидуальность. Что выбирать из этих двух? Основываясь на изучении читательских типов, нельзя не высказаться за второе. Для каждой индивидуальности существует своя система занятий даже при наличности хотя бы самой бесспорной системы знаний. Экспонирование второй необходимо и для первой. Но и здесь рекомендация сводится к экспонированию. Рекомендация книг должна быть не чем иным, как *организованной свободой их выбора.* Ее задача — развертывать перед читателями естественную систему знаний и их законченный круг; указывать на их существование и их соотношения, на разные течения мысли, господствующие в каждой области, на сущность этих течений, на сущ-

ность и характер и содержание книг, экспонирующих все это наиболее рельефно и полно. Имея перед собою все это, читатель сам уже будет искать, а при такой системе рекомендации и найдет то, что именно ему нужно.

Спрашивается теперь, как сделать так, чтобы читатель возможно меньше ошибался в пригодности книги, им для себя выбираемой? Для этого необходимо, чтобы читатель с помощью каталога мог судить, во-первых, *о содержании* книги, во-вторых, *о степени ее понятности* для него как читателя, стоящего на такой-то ступени образования. Ознакомлению читателей с содержанием книг, вводимых в каталог, помогает отчасти выписывание полных заглавий их. Но судить о содержании книги по одному заглавию далеко не всегда представляется возможным. Эти заглавия или слишком общи (напр., «Общий очерк истории», «зоологии» и т. п.), или слишком частны, или слишком иносказательны и вычурны (напр., «На рубеже XIX столетия», «За 10 лет практики», «Хлеба и света», «Алый меч» и пр., и пр.). Общие заглавия для большинства читателей кажутся чем-то казенным, «учебным»; читатель же этот желает не столько *учиться*, изучать, сколько читать или «почитывать», соединяя приятное с полезным. Что касается до вычурных кличек, то они обыкновенно вводят читающую толпу в обман, а наиболее серьезных и вдумчивых читателей отталкивают от книг. Вообще говоря, заглавия в огромном большинстве случаев для читателей, мало сведущих в науках, не представляют собой даже и намека на то, что в данной книге имеется ответ на такой-то живой, жизненный, захватывающий, наболевший в его душе вопрос. Поэтому, кроме выписывания полных заглавий, необходимы и другие способы экспонирования книжного *содержания*. Просматривая каталоги наших провинциальных библиотек, нельзя не удивляться, до какой степени гг. составители каталогов незнакомы с самыми элементарными требованиями библиографии. Они не только не выписывают заглавий книг, они иногда пересказывают эти заглавия своими словами, путают не только имена, но и фамилии авторов; автора ставят за переводчика и обратно; умалчивают об издании книги, об имени издателя и переводчика, совершенно упуская из виду, что издание изданию рознь и что читателю вовсе не безразлично, читать ли Байрона в издании Брокгауза или в издании Иогансона, читать ли Уоллеса «Чудесный век» в издании Павленкова, или ином и т. д. Имя издателя, как и имя переводчика, уже не говоря об имени самого автора, объясняет читателю очень много. Этого не следует забывать. В настоящее время имя книгоиздателя играет ту же роль, какую играет в журналистике имя действительного редактора журнала: оно служит рекомендацией книг. Имена таких издателей, как, напр., Ф. Павленков, Л. Пантелеев, О. Попова, Е. Кускова, Брокгауз-Ефрон, «Знание», «Посредник», «Шиповник», «Современные проблемы», «Просвещение», «Мир», «Пироговское товарище-

ство», Mathesis, «Вятское товарищество», «Сотрудник», «Сотрудничество», «Общественная польза», Спб. издательство, «Образование», «Наука», В. Яковенко, бр. Гранат, К. Тихомиров, Е. Трауцкая, ред. журн. «Право», «Русское богатство», «Русская мысль», «Мир божий» и многие другие — суть те же ручательства за направление и за качество изданий. Описательно-рекомендательное значение имеют и указания имен переводчиков, и числа изданий, и его особенностей («исправленное, дополненное», иллюстрированное и т. п.), и времени издания. Опытный издатель, хорошо знакомый с историей так называемых «веяний», по цензурным датам уже может строить основательные предположения о том, насколько урезана та или иная книга в русском переводе. Поэтому мы рекомендуем составителям библиотечных каталогов возможно тщательнее относиться к библиографической стороне дела и, вписывая книги в каталог, помечать: 1) фамилии авторов; 2) их имена; 3) названия книг, воспроизводя их без всяких, даже ничтожных, сокращений; 4) имена переводчиков, буде книга переводная, с указаниями, с какого языка она переведена; 5) номера и свойства издания (напр., 2-е, 3-е, «исправленное», «сокращенное», «с изменениями» и т. п.); 6) имя издателя или название издательской фирмы; 7) год и место печатания; 8) цену книги продажную и даже 9) число страниц, шрифт и формат, чтобы читатель имел возможность судить по каталогу даже о размерах книги, соображая эти данные с количеством времени, которым он располагает. Официальное библиографическое издание прибавляет к этому еще указания и веса книги, адреса типографии, где книга печаталась, и адреса склада ее. Бесспорно, такие сведения очень полезны для книжных магазинов, и эти последние не должны пренебрегать ими, разумеется, при условии, что каталоги их не будут составляться столь же небрежно и безграмотно, как каталоги «Книжной летописи». Вообще нужно принять за правило, что самым лучшим средством для распространения хорошей книги может и должно служить ее *описание* — это описание нужно делать при всяком удобном случае возможно полным и возможно беспристрастным, не пренебрегая ничем для того, чтобы объективно познакомить читателя с содержанием и характером книги. Описание говорит ему больше всяких выхваливаний, особенно же самовыхваливаний à la товарищества [1] М. Вольфа и И. Сытина. Заграничные книгопродавцы давно уже ввели в систему такие описания, а за ними практикует в довольно корректном виде у нас товарищество «Знание», О. Попова, «Шиповник» и некоторые другие. Разумеется, в библиотечных каталогах не найдется места для описания всех хороших книг, имеющихся в данной библиотеке. Но есть описание и описание. Напр., очень удачная форма придана им в «Книге о

[1] Термин «товарищество» в дореволюционную эпоху обозначал особую форму акционерного общества. — *Сост.*

книгах». Очень неудачные, а подчас и невежественные описания можно найти в «Указателе исторических книг» *, изд. «Подвижным музеем учебных пособий в Спб». Заслуживает внимания почин московского столичного попечительства о народной трезвости, издавшего «Толковый указатель» * для народа, составленный из объективных описаний лучших книг. Очень хороша форма рецензий, принятая за правило в «Что читать народу». Заслуживает внимания форма библиографических описаний, практикуемая *А. И. Лебедевым* в его указателях *, *И. В. Владиславлевым* в указателях «Что читать?» * и т. д. Вообще желательно выписывать в каталоге при названиях книг, напр., их оглавления, хотя бы и сокращенные, и отрывки из предисловий и т. д., как это и делается в некоторых библиотеках (напр., в каталоге Рязанского общественного собрания, в каталогах библиотек О. Поповой (Черкесова), Л. Т. Рубакиной, ныне библиотеки о-ва «Образование» в Спб. и т. д.). Даже более того. Каталог Рязанского общего собрания содержит в себе при некоторых именах авторов краткие биографии и характеристики их, заимствованные из библиографических и историко-литературных словарей, — нововведение, которое нельзя не рекомендовать всем общеобразовательным библиотекам в целях превращения их каталогов в каталоги описательные.

§ 78. КНИЖНОЕ СОДЕРЖАНИЕ И КНИЖНЫЕ ЗАГОЛОВКИ

Но при всем том одного описания книг еще мало, потому что оно еще не затрагивает душу читательскую и не будит в ней живых и наболевших вопросов. А ведь именно в искании ответов на такие вопросы и заключается *тайна стремления к книге*, ее притягательной силы, ее реформирующего, возрождающего влияния на человека, и не только на его воззрения, но и на деятельность. Усилить влияние библиотеки или книжного магазина на читающую толпу — это значит показать, объяснить, растолковать этой толпе, что эти учреждения *могут и должны помочь* исканию ответа на *любой* вопрос, какой только зародится в душе любого читателя. Работники книжного дела должны раскрывать малоподготовленным, еще только начинающим жить и мыслить читателям самое существование многих и многих вопросов, которые до того времени и не возникали в их уме, и планомерно помогать исканию живых ответов на них. Каким же способом они могут это сделать? Читатели, которые имеют возможность рыться и роются в книгах, наталкиваются на эти вопросы во время этого самого, хотя бы сначала и поверхностного, знакомства с книгами. Но что делать тому, кто в книгах не роется, и не умеет, и не может рыться? Перелистывание каталога для такого читателя значит еще очень мало; заголовки вписанных туда книг говорят, как мы видели, слишком невнятно и на непонятном языке. Является необходимость в каком-нибудь новом каталогиза-

торском приеме, и этот последний, по нашему мнению, может быть, напр., такой: необходимо к такому каталогу, как, напр., наш, приложить *список* хотя бы наиболее важных, наиболее выдающихся, жгучих вопросов, наичаще возникающих в уме всякого человека, работающего над своим самообразованием и развитием; необходимо составить такой список, исходя, во-первых, из изучения книжного содержания, *независимо* от заглавий книг, во-вторых, от изучения читающей толпы, независимо от степени ее подготовки. Далее, необходимо около каждого вопроса, введенного в такой список, указать книги (и даже, быть может, и главы и страницы книг), в которых читатель мог бы найти ответы на эти вопросы и вообще материалы для решения их. Указать вопросы и пути для получения ответов — вот задача для такого указателя. Этот последний должен по возможности вместить в себе содержание всех или громадного большинства книг, введенных в каталог, и, повторяем, вместить это содержание *независимо от названий, заголовков книг*, словно бы их и не было. Пересмотреть все введенные в каталог книги, познакомиться с их содержанием и познакомить с ним и читателей — в этом и состоит задача того, кто возьмет на себя работу по составлению такого указателя. Как ни громадна и как ни ответственна такого рода работа, мы все же решили сделать попытку составления этого указателя, воспользовавшись счастливым случаем, выпавшим на нашу долю в виде тридцатилетней жизни среди книг. Вторая часть нашего труда и представляет собой попытку составить такой указатель. В первой главе мы говорили, что в число задач книжного дела входит ознакомление читающей публики не только с его задачами, не только со схемой общего образования, не только с внутренней организацией каждого из отделов этой схемы — с фактами, с их историей и географией и теориями, — но и с направлениями научно-философской и литературно-общественной мысли, наконец, с самими авторами, по крайней мере наиболее выдающимися, и их произведениями. В этом и состоит один из последних этапов намеченной нами выше программы, и мы делаем попытку осуществить его во второй части этого нашего труда. Читатели найдут там впереди каждого отдела краткий библиографический очерк его — «предварительные замечания». В них мы, во-первых, стараемся давать общую характеристику каждого отдела, выбирая ее из произведений какого-либо знатока и специалиста, во-вторых, даем характеристику общих обзоров отдела и некоторых монографий, стараемся распределить авторов, вошедших в отдел, если это оказывается возможным, по странам и по эпохам, по направлениям и по вопросам. Далее, мы стараемся характеризовать каждое направление, приводя выдержки из первоисточников или же опять-таки пользуясь трудами специалистов, изучивших этот отдел. Далее, в каждом отделе теоретического или философского характера мы обращаем особенное внимание на наиболее выдающиеся теории

и стараемся по первоисточникам изложить самую сущность их, не входя при этом в их обсуждение и критику и отводя место в таких случаях наиболее выдающимся представителям *всех* направлений, будь это К. Победоносцев или Л. Толстой, один из правых или один из левых [1]. Далее, не ограничиваясь теориями, мы стараемся давать, где нужно и можно, списки наиболее существенных вопросов по всем отраслям знания, жизни и мысли. Около упоминаемых в «предварительных замечаниях» авторов указываются номера книг, в которых читатели могут найти ответы на эти вопросы. Иногда около номеров указываются и названия вошедших в сборники статей и даже главы и страницы. Быть может, некоторые вопросы, даже очень важные, не попали в наш указатель, и все же не в них суть. Неполноту эту можно будет пополнить и впоследствии, для чего, быть может, понадобится коллективный труд какой-нибудь специальной комиссии; мы же старались указать и рекомендовать лишь самый *метод*, который, по нашему мнению, может сослужить хорошую службу читающей публике, а также, разумеется, и всем лицам, стоящим около книг, в деле ознакомления их с книжным содержанием не по одним только заглавиям, в целях приобщения читающей массы к сокровищам человеческого знания, понимания и гуманно-общественного настроения.

§ 79. КНИГИ С НЕДОСТАТКАМИ И БЕЗ НЕДОСТАТКОВ

Переходим теперь к вопросу об относительной понятности книг, вводимых в каталог или вообще рекомендуемых работниками книжного дела. Рекомендательный каталог правильно организованной общеобразовательной библиотеки должен быть составлен так, чтобы любой такой работник, любой читатель имел возможность решить по этому каталогу не только то, какая книга ему интересна по своему *содержанию*, но и какая книга ему, читателю, может быть доступна по своему *изложению*. Без практического разрешения этого крайне важного вопроса самый лучший подбор книг может показаться огромному большинству читателей не чем иным, как своего рода недоступной крепостью. Организовать общеобразовательную библиотеку или магазин правильно — это значит организовать выбор *интересных и понятных* книг. Книги не понимаемые и вообще неинтересные — все равно, что книги не существующие. И даже более того — это книги не только не читаемые, но и отбивающие иногда охоту читать. Каталог должен учить выбору книг. Как известно, неудачный выбор первой книги в целях самообразования имеет громадное влияние на всю последующую работу. Бывают случаи, когда человек, искренне стремящийся к свету, в отчаянии махал рукою

---

[1] Здесь особенно ярко проявляется эклектизм и надпартийность Рубакина. — *Ред.*

на самого себя после того, как три или четыре книги, которые он пробовал читать в поисках за ответом на мучивший его вопрос, оказались недоступными для него. Другой пробовал было заниматься по программам домашнего чтения (Московской и Петербургской комиссий) — и получался тот же результат. Есть масса стремящихся к свету читателей, которые испытали на себе все последствия неумелого выбора или неудачной рекомендации. Вряд ли мы ошибемся, сказав, что рекомендательные программы (быть может, за исключением программы Панова, Нестроева и Струмилина *), так сказать, летят над головой тех самых слоев читающей публики, которым они и предназначены. Программа указывает такую-то определенную книгу; читатель пользуется этими указаниями и после долгих трудов и усилий бывает принужден бросать то, что ему рекомендовано. Правда, есть немало и таких людей, которые вовсе не опускают рук и после многих неудач, но большинство все же таково, что после одной или другой неудачи теряет веру в самую лучшую программу и начинает искать подходящих книг для самообразования на стороне; ищет — и находит. Но каковы же эти вновь находимые книги? Во-первых, они гораздо проще написаны, чем рекомендованные в программах. Как известно, в эти последние введено очень мало собственно популярных книг, и при этом многие не введены, хотя и существуют на рынке. Не введены книги, более просто написанные, нередко потому, что в них встречаются те или иные научные погрешности или какие-нибудь другие недостатки, побудившие специалиста-профессора поставить из-за этих погрешностей крест над всей книгой. Бесспорно, научная точность — одно из необходимых требований, какие следует предъявлять даже к самой популярной книге, но все же, думается нам, из-за некоторых научных неточностей (много ли таких книг, где таковых нет?) все-таки нельзя браковать книгу, подобно тому, как это сделал один из самых почтенных журналов, давая свой резкий отзыв о «Популярной биологии» Лункевича. Точно так же с очень большой осторожностью нужно относиться к большинству рекомендательных каталогов, еще больше повинных в том же отношении. <...>

Читатель, начинающий читать, не считается с мелочами. После каждой прочитанной им книги у него остается только *общее впечатление* от нее. От интенсивности этого последнего зависит самая судьба чтения. Среди популярных книг, не только русских, но и иностранных, за исключением, быть может, произведений наиболее выдающихся авторов, соединяющих в своем лице и специалиста и популяризатора, вряд ли найдутся такие книги, в которых ученый специалист не найдет некоторых ошибок. Спрашивается, что же целесообразнее: ждать, пока появятся книги без всяких научных ошибок, или указывать читателю пока что книгу, не совсем лишенную их? Мы предпочитаем делать второе. Разумеется, есть всему предел. Но все же круг рекомендуемых книг

должен быть *значительно расширен* при современной бедности научно-популярной русской литературы. В нашем труде читатели найдут, быть может, кое-какие книги, которые, на взгляд очень строгих ценителей, покажутся недостойными никакой, даже принимаемой нами, очень условной рекомендации. Тем не менее мы сознательно вводили эти книги в наш каталог за неимением лучших, и, если наша книга дождется третьего издания, мы произведем в ней соответствующие замены одних книг другими, более ценными. В настоящее же время необходимо делать, как мы делаем, и не будет, по нашему мнению, особенного вреда для читающей публики, если мы введем в наш каталог кое-какие книги, забракованные специалистами. Мелочные ошибки и неточности сгладятся при дальнейшем чтении, лишь бы была правильно выяснена в книге самая суть дела.

§ 80. КЛАССИФИКАЦИЯ КНИГ ПО ПОДГОТОВКЕ ЧИТАТЕЛЯ

Вопрос о понимании книги есть, прежде всего, вопрос о научной подготовке читателя и о его умственном развитии. С этой точки зрения все книги могут быть классифицированы по степеням трудности их изложения. Правда, не все категории книг нуждаются в таком распределении, напр., беллетристические. Но для всех научных книг оно положительно необходимо. Книги беллетристического отдела не нуждаются в таком распределении их по степеням восходящей трудности потому, что не требуют от читателей никакой особой подготовки для своего понимания. Без сомнения, одно и то же беллетристическое произведение может быть иногда понято разными читателями различно, в зависимости от степени их развития, как это и констатирует такой опытный и талантливый исследователь народной литературы, как С. А. Ан-ский (см. его «Очерки народной литературы») *, но делить книги беллетристического отдела на понятные, малопонятные и вовсе непонятные было бы, по меньшей мере, странно. Даже самый неподготовленный читатель, напр. деревенский крестьянин, очень быстро ориентируется в книге беллетристического содержания, привыкает к языку ее, схватывает картины, образы, задумывается над основной идеей, делает сравнения и сопоставления описываемой жизни со своей собственной, наконец, оценивает и действующих лиц, и всю обстановку их жизни, и сюжет, и идею книги, и даже самого автора как творца. Беллетристические произведения, таким читателем отбрасываемые в сторону, напр., кувырканья гг. модернистов, отбрасываются им не вследствие *непонимания*, а вследствие *оценки*. Словом сказать, беллетристика есть самый доступный отдел из всех отделов и, во всяком случае, не требует ни литературной подготовки, ни особого ключа для своего лучшего уразумения.

Совсем иначе обстоит дело с научными книгами. Эти последние для своего понимания требуют от читателя некоторого зна-

комства с научной терминологией, некоторой привычки к отвлеченному мышлению и даже некоторого запаса сведений, размеры которых зависят от степени популярности данной книги. Мы сами иногда не сознаем, на каком, в сущности, жаргоне мы обыкновенно говорим; а говорим мы, особенно когда речь идет о научных предметах, на специальном культурном жаргоне, учиться которому для неподготовленного человека иной раз не легче, чем русскому изучать малороссийский или польский язык, и это касается не столько знания самих слов, нередко заимствованных из какого-нибудь чужого языка, но, главным образом, понимания *значения этих слов,* которые неподготовленный читатель понимает вовсе не в том смысле, как их понимает человек образованный. Напр., слова «условие», «тело», «материя», «явление», «образ» имеют в глазах деревенского жителя, малоопытного по книжной части, совсем не тот смысл, как в глазах читателя подготовленного. Благодаря этому, даже независимо от содержания книги, читатель неподготовленный совершенно не способен понимать многих книг, даже когда они и не пестрят иностранными словами, и говорит про эти книги, что «они из разных слов составлены», или, как выразился один малоросс: когда читаешь книгу, «як по одному слову, тай иде, а як зразу — тай и не бере», т. е. смысл каждого отдельного слова для читателя кажется понятным, а смысл всего предложения для него остается темен. И это зависит не только от соотношения слов, но и от того, что читатель придает им вовсе не то значение, какое придал им писатель. Вот в этом-то и заключается сущность популяризации, чтобы, сообщая знания читателям, стоящим на низших ступенях научной подготовки, прибегать в своем изложении только к таким словам, которые имеют в глазах этого читателя *тот же самый смысл*, какой они имеют в глазах популяризатора. Только при исполнении этого условия этот читатель будет выносить из предназначенной для него книги те же представления, образы, понятия, идеи, какие в него желает вложить автор. Другими словами, популяризатор должен быть, так сказать, *психологом той общественной среды*, которой он намерен служить своими знаниями и развитием. Говорим *психологом*, а не только *знатоком* этой среды, потому что есть знатоки, не знающие психологии данной среды, хотя и знающие экономическую, бытовую и всякую иную обстановку ее. А чтобы быть психологом, нужно быть и знатоком этой среды. Но можно быть таким знатоком и не будучи психологом. Вот поэтому-то особенно и трудно составлять популярные книжки для читателей наименее подготовленных, или, точнее говоря, вовсе не подготовленных; поэтому нечего и удивляться, что существует очень мало научно-популярных книг, которыми имеет возможность удовлетворяться этот читатель. Иную книгу он и почитывает, но, как пишет один фабрично-заводской рабочий, «словно как через кисею». Другими словами, такой читатель испытывает при чтении *русских* книг то самое,

что культурный читатель, плохо знающий иностранный язык, испытывает при чтении книг иностранных, написанных на этом языке: он видит слова, понимает смысл каждого слова, потому что отыскал их значение в словаре, но в смысле *всей* речи он не уверен, а оттенки ее и вовсе пропадают для него, тем более что каждое слово имеет в каждом языке несколько значений, и одна и та же мысль может быть выражена самыми разными словами. И так как у такого читателя еще не хватает умственной гибкости, чтобы *за словом* улавливать *мысль* (много духовной силы уходит на чисто внешнее *трение о слог)*, то получается при чтении сплошная неясность, — «то, да не то, а как будто не тово», как пишет мне один деревенский читатель. Этой психологией читателя объясняются, между прочим, плохие переводы многих научных книг на русский язык: читаешь — и неясно понимаешь их содержание, потому что переводчик сам читал и переводил эти книги «словно сквозь кисею», и идеи автора, естественно, тонули в неумении переводчика связывать с определенным словом несколько идей, быть может, различного оттенка.

Исходя из такой читательской психологии, необходимо распределять все книги, вводимые в каталог, на несколько категорий по степеням трудности их понимания. Разумеется, каждую из этих категорий можно очертить лишь приблизительно, так как все они незаметно переходят одна в другую. Каждая из них имеет довольно обширные пределы, но для каждой можно указать более или менее яркий тип читателя, воплощающий в себе ту подготовку, какая требуется для понимания определенной категории книг. Эти читательские типы до *некоторой степени* могут быть охарактеризованы следующим образом:

1) Читатель, получивший образование начальное и, во всяком случае, ниже среднего. Пределы читательской подготовки этого типа довольно широки. С одной стороны, сюда входят читатели, едва обученные грамоте, едва касающиеся книжной премудрости; с другой — сюда же должен быть отнесен читатель, учившийся в начальном и даже двухклассном сельском училище, или получивший такую же подготовку в каком-либо ином учебном заведении, напр., в низших классах городского и уездного училищ, или даже в первых классах гимназий, или в воскресной школе; или дошедший до того же самого «самоуком». К этой категории читающей публики относится большинство деревенских и отчасти фабричных заурядных, массовых читателей «из народа», за исключением более или менее выдающихся начетчиков, ушедших гораздо дальше. Под этим словом «начетчик» мы понимаем не тех любителей душеспасительного чтения, тип которых в настоящее время уже вымирает при энергичном содействии церковно-бюрократической мертвечины, старательно вытравляющей мало-мальски живое из всех мало-мальски живых людей. Под словом «начетчики» мы понимаем вообще читателей, сумевших, благодаря своим умственным способностям и любви к чтению,

приобрести довольно высокую научно-литературную подготовку (большей частью не систематическую) и обязанных ею *не школе*, а книге. Такого рода светские «начетчики» не должны быть относимы к этой категории читателей, так как они уже поднялись значительно выше.

Из предыдущего видно, какого рода книги могут читаться и пониматься читателями данной категории. Эти книги мы и обозначим в нашем труде римской цифрой I. Делая такого рода отметку около номеров книг, мы руководствовались не только исследованием самой книги, но и рукописными и иными материалами, находящимися в нашем распоряжении и полученными непосредственно от читателей из народа, причем отчасти прибегали в данном случае к методу, практиковавшемуся неутомимейшими работниками в области народного образования, харьковскими учительницами женской воскресной школы, Х. Д. Алчевской и другими, составившими известную справочную книгу «Что читать народу». По нашим наблюдениям, читатели первой категории читают и учебник истории П. Г. Виноградова, и «Рассказы из истории Англии» А. Ф. Быковой, и «Народно-популярную библиотеку» Лункевича *, и «Общедоступную астрономию» К. Фламмариона и т. д. Но, разумеется, такого рода книги недоступны наименее подготовленным читателям этой категории, — так сказать, первым членам их ряда, обладающим одной грамотностью, — для этих нужна еще более упрощенная народная научная литература, а для создания этой последней нужны работники, умеющие популяризовать научную истину в такой форме, какая не возбудит никаких трудностей для своего усвоения даже в полуграмотном человеке. Здесь мы должны повторить то же, что уже говорили в другом месте [1]. Всякая истина, даже отвлеченная из отвлеченных, сложная из сложных, хотя бы даже философская система Канта, Г. Спенсера, Маркса, *может* быть популяризована и в такой форме, что сделается доступной пониманию *всякого* мало-мальски разумного человека, хотя бы он даже едва умел читать. Разумеется, для того чтобы передавать знания самому неподготовленному человеку, потребуется сообщать ему не отвлеченные термины и не отвлеченные понятия, а прежде всего образы и факты, потребуется сделать образное описание этих фактов, чтобы ими, быть может, сильно поразить и заинтересовать читателя, еще только начинающего думать; потребуется вести от факта к факту, от обобщения к обобщению. И он пойдет за популяризатором, если только будет *представлять* себе эти факты и заинтересуется обсуждением и оценкой их и будет затронут *настроением* писателя, его верой в то, что тот говорит. И, идя таким образом, всякий читатель, несомненно, усвоит в конце концов хотя бы даже самую отвлеченную истину и докажет своим примером, что вопрос популяризации — это есть

---

[1] «Этюды по психологии читательства». М., 1911.

вопрос прежде всего формы, а не содержания. Популяризировать — это значит знать, прежде всего, *как излагать*, а что касается до того, *что* именно *излагать*, об этом, разумеется, не может быть даже никакого вопроса: все знания, все науки, все системы философии предназначаются одинаково для всех людей, а не только для культурных классов. Если эти последние в силу исторических и иных причин совершенно разучились говорить с народом о высоких материях на понятном народу языке — пусть они учатся этому языку, пусть изучают народ как читателя, изучают его *психологически и социологически*. Это изучение и может, и должно дать то, что недостает нашим популяризаторам: умение приобщать самые низы читающей публики к самым вершинам научно-философского знания и понимания. И эти низы *могут и должны* быть приобщены к этим вершинам. Повторяем, самые широкие круги читающей публики, к которым и относятся трудящиеся классы, уже много, много лет поджидают популяризаторов, которые переводили бы для них произведения человеческого научного гения с культурно-научного жаргона на простой народный язык.

2) Вторая читательская категория — это *читатель, получивший среднее образование*; это читатель так называемых популярных книг, которые занимают промежуточное положение между книгами народными, с одной стороны, и собственно научными — с другой. Это читатель, еще получающий образование в гимназиях и даже дошедший, быть может, до старших классов гимназии; это читатель — учитель, фельдшер, техник и вообще человек, образование которого *выше* начального, но *ниже* среднего, начетчик из крестьян и фабрично-заводских рабочих, чиновник, конторщик, это всякий человек, успевший окончить курс в уездном, городском и т. п. училище. Это читатель, уже умеющий понимать, хотя бы даже немного, научный жаргон. Он еще нуждается в указаниях настолько популярных книг, чтобы их можно было читать без словаря иностранных слов и чтобы можно было черпать из них такие знания и идеи, которые уже сделались для него интересными, быть может, просто понаслышке, но с которыми он желал бы познакомиться ближе и обстоятельнее. Этому читателю нужны не столько науки, сколько *введения* в науки. Он прежде всего ищет такую книгу, которая захватила бы его и раздвинула бы его кругозор. Книги, какие можно рекомендовать этому читателю, должны перед ним сыграть роль своего рода откровения, каждая в своей области. Они должны затронуть не только интеллектуальную, но и эмоциональную сторону его «я». Поэтому книги этой категории нужно подбирать особенно тщательно. Это своего рода «книги на разводку», только разводку научную, а наука, как известно, еще легче может отпугнуть непривычного читателя, чем беллетристика. Мы старались в каждом отделе возможно тщательнее подбирать такие книги и отмечали их римской цифрой II.

3) К третьей категории принадлежит *читатель, получивший образование среднее* или имеющий вообще подготовку не ниже среднего учебного заведения. Это обыкновенный культурный читатель-неспециалист, «читатель почитывающий», как характеризует его Щедрин. Он-то и есть главный потребитель научных книг и уже не нуждается в таких книгах, которые представляют собой введение в науку, потому что уже введен в нее, а желает лишь систематизировать, углубить, расширить свои знания, сделать их более точными, более научными. Этот читатель отчасти еще учится разбираться в литературно-общественных и научно-философских течениях и направлениях, а отчасти даже и умеет делать это. Книги, предназначенные для читателей этой категории, мы не отмечаем никакой римской цифрой, оставляя их без всякой отметки, потому что таких книг большинство. К главным потребителям такого рода книг принадлежит русское студенчество, «третий элемент» и вообще лица свободных профессий, получившие образование среднее и выше среднего, до университетского включительно, но не сделавшиеся специалистами.

4) Четвертую категорию составляет читатель-специалист и вообще читатель, желающий познакомиться с той или иной отраслью знания еще ближе, полнее и шире. Этот читатель уже умеет читать и усваивать всякие научные книги, он умеет разбираться в направлениях. Каждое направление каждого автора он видит в его исторической перспективе. Ни в какой специальной подготовке и ни в каких специальных указаниях этот читатель уже не нуждается. Он сам знает, что и как читать, и если мы вводим в наш каталог книги, помогающие и специальной подготовке, то делаем это лишь потому, что читатель-специалист в одной области может не быть специалистом в другой и тем не менее может стремиться к пополнению и усовершенствованию своих знаний. Кроме того, по некоторым наукам не существует на русском языке никаких книг, кроме специальных, поэтому волей-неволей приходится рекомендовать иногда специальные книги читателям и других категорий. Так мы и делали, отмечая при этом, что пользование такого рода книгами для некоторых читателей может представлять значительные затруднения. Книги этой категории отмечены у нас римской цифрой III.

Такова общая схема распределения книг по степеням восходящей трудности изложения. Деление всех научных книг на четыре разряда (не меньше), по нашему мнению, представляет большие удобства для читателей и, несомненно, имеет весьма большое практическое значение, так как помогает любому читателю собственными силами разбираться в существующей наличности книг и выбирать прямо по каталогу такие книги, которые соответствуют его научной подготовке и умению читать и усваивать прочитанное. Нельзя не пожелать, чтобы и библиотеки, и книжные магазины ввели, как правило, обозначать эти степени

и в своих каталогах. Такой прием, несомненно, отзовется благотворно на распространении книг в читающей публике.

Вряд ли можно сомневаться, что на распределении книг и по этим четырем категориям не может не лежать отпечаток субъективности. Книга, которая, по нашему мнению и нашим наблюдениям, доступна пониманию человека, окончившего курс в министерском двухклассном училище (напр., прекрасная книжка А. Быковой «Рассказы из истории Англии», развертывающая перед читателем историю борьбы английского народа за свои политические права), может показаться другому наблюдателю, делавшему наблюдения в другой местности и другой общественной обстановке, даже в другой исторический момент, чересчур трудной для читателей первой категории. Поэтому распределение книг по степеням трудности изложения, сделанное нами, может быть принято лишь с оговорками: оно соответствует только наблюдению и опыту составителя этой книги, а во всех других случаях нуждается в проверке и, быть может, исправлении. За это важное дело могут взяться книжные комиссии или кружки при педагогических и ученых обществах, библиотеках, при учебных заведениях, кружки, изучающие читателей в данной местности, в данное время. Поэтому мы и рекомендуем всем работникам книжного дела *обратить особое внимание на организацию таких комиссий*, в полной уверенности, что работа их будет иметь в высшей степени важный результат — она поможет не только нарастанию читателей, но и созданию интеллигентных, опытных, сведущих и идейных распространителей книг, а значит, и знаний, понимания, идей, настроения в читающей толпе, разумеется, если участники этих комиссий не будут подходить к своей задаче со столь узкими шаблонами, как это делают некоторые из них, напр., Комиссия Подвижного музея ИРТО * в Спб., и лучше будут знать читательскую психологию, чем эти последние, и глубже и шире понимать основные задачи книжного дела...

В дополнение к нашему обзору распределения книг по степеням трудности изложения можно прибавить еще следующее:

1) Никакой особой беллетристики для народа нет и не должно быть [1]. Поэтому беллетристический отдел мы не разделяем по категориям.

2) Книги, имеющие только исторический интерес, должны быть относимы к книгам III категории.

3) Сюда же должны быть относимы и произведения представителей тех литературно-общественных течений, которые отжили свой век и являются в данный исторический момент реакционной, т. е. отрицательной силой.

4) Книги детские (особенно же беллетристические) никоим образом не должны быть смешиваемы с книгами народными, и о каждой научно-популярной детской книге, прежде чем пометить

---

[1] См. «Этюды о русской читающей публике».

ее значком первой категории (I), должен быть особый разговор для уяснения ее пригодности и доступности читателям первой категории.

§ 81. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ КНИГ ПО ГЛАВНЫМ КРУГАМ ЧИТАТЕЛЕЙ

Переходим теперь еще к одному крайне важному вопросу — о приспособлении библиотеки к возможно широкому пользованию ею со стороны читающей публики. Дело в том, что читателей можно классифицировать не только по степеням их подготовки к чтению научных книг. В каждой местности, в каждом городе, даже во многих кварталах одного и того же города, читающая толпа имеет свои особые оттенки, свой особый отпечаток, смотря по тому, какие общественные элементы преобладают в составе этой толпы. Вряд ли нужно доказывать, что деревенский читатель во многом отличается от читателя фабрично-заводского, а тот — от среднего городского [1]. Есть свои оттенки у каждой общественной группы, у каждого общественного класса. Нельзя комплектовать библиотеку, которой будут пользоваться преимущественно учащиеся в средних и высших учебных заведениях, только из тех книг, из которых комплектуется библиотека для служащих в таком-то казенном учреждении или библиотека для фабрично-заводских рабочих и т. д. И это не потому, что такая-то общественная группа *не может* пользоваться книгами, которые предназначаются для другой общественной группы, а потому, что она *не захочет* ими пользоваться, не захочет сама, исходя из той мысли, что у нее есть и своя особая жизнь, свои интересы, свои запросы к книге, свои требования от нее. Разумеется, члены данной общественной группы, стремясь к общему образованию, не могут обойти и замолчать общей схемы, общего плана этого последнего, и этот план остается для всех групп одним и тем же. Но дело не в одном плане, а также и в средствах его выполнения. Иные области знания могут интересовать данную группу читателей в большей, иные в меньшей степени, для одной имеют наиболее жгучий интерес такие-то вопросы, для другой — другие. Вследствие этого один отдел каталога может привлекать к себе бо́льший процент, а другой отдел его — меньший процент читателей, смотря по группе; в зависимости от этого находится и комплектование библиотеки, больший или меньший процент ассигнуемых на тот или другой отдел денежных средств из имеющихся в наличности. Как мы уже упоминали, главное условие для нарождения и количественного и качественного роста читателей заключается в том, чтобы книги, которые начинают ими читаться, были для них интересны и понятны. Мы видели также, что с какого бы отдела науки ни начинать свое образование, это вопрос, во всяком случае, не первостепенной важности, лишь бы

[1] См. «Этюды о русской читающей публике».

читатель старался вникнуть в самую суть интересующего его вопроса — из одного этого вникания уже не может не выйти расширения кругозора, и читатель не может не пойти от одной области знания к другой, от науки к науке и т. д., по той же общей схеме мироздания, которую мы пробовали очертить на предыдущих страницах. «Лишь бы читатель шел, лишь бы не стоял на месте, а там пусть будет, что будет», — пишет нам один наш заочный друг. Общее миросозерцание — впереди, это дело будущего, но не все общественные группы заинтересовываются выработкой этого общего миросозерцания ради него самого. Большинство их берется за книгу исходя из насущнейших, самых злободневных, нередко даже самых мелочных, узких и частных потребностей своей собственной жизни. В результате получается, что спрос на книги обусловлен самыми случайными причинами, с которыми нельзя все-таки не считаться. Но, кроме причин случайных, есть и общие, вытекающие из самой обстановки жизни. Напр., читателя деревенского больше всего интересует вопрос о земле, и около этого вопроса группируются в его сознании все прочие вопросы жизни; читателя фабрично-заводского больше всего интересует вопрос о расценках, о порядках на такой-то фабрике, о положении дел в данной отрасли промышленности, о борьбе с капиталом, об общих и частных условиях этой борьбы, и около этих вопросов опять-таки группируются все прочие. Соответствующие группировки наиболее интересующих вопросов можно наблюдать в сознании любой общественной группы. У каждой группы есть свое особое, если можно так выразиться, «ядро интересов», и оно-то и обусловливает выбор научных книг, да и не только научных, но и беллетристических, и всяких других, хотя, впрочем, на выборе книг беллетристических влияние этого ядра отражается в меньшей степени, потому что книги беллетристические, которые должны войти в его состав, по крайней мере, большинством читателей читаются ради отдыха и приятного препровождения времени, а не для приобретения знаний и развития понимания; спрос же на научные книги находится в гораздо более близких отношениях к этому «ядру интересов», и влияние этого ядра, во всяком случае, отражается на нем гораздо сильнее. Поэтому само собою оказывается необходимым известное приспособление каталога общеобразовательной библиотеки к той общественной группе, которую она обслуживает, — *к кругу читателей*, который главным образом ею пользуется. И это приспособление тем более необходимо, что лишь очень немногие общественные библиотеки, по недостатку материальных средств, могут быть организованы по плану и по каталогу, изложенному в этой книге. И в этом приспособлении мы не видим ничего худого.

Мы представляем себе его по отношению к научному отделу в следующем виде: прежде всего библиотечка, предназначающаяся для определенной общественной группы, должна пред-

ставлять собой по возможности закругленное, законченное, систематическое целое. Другими словами, в нее должны входить книги по возможности *по всем* главнейшим отделам, намеченным в нашем каталоге, и прежде всего по главным его рубрикам. Из каждого отдела должна войти в нее по меньшей мере одна книга, представляющая собой *общий* обзор этого отдела, а за нею, смотря по надобности и обстоятельствам, *монографии*, т. е. наиболее интересные книги, трактующие о наиболее существенных или живых *частных* вопросах этого отдела. Совокупность этих особо избранных книг должна составлять, для большой ли, для малой ли библиотеки они подбираются, своеобразную *книжную энциклопедию*, а эта энциклопедия должна представлять собой общий фундамент, на который и может опереться остальной состав библиотеки, придающий ей ее индивидуальность. Книжная энциклопедия — это, так сказать, родовой признак всякой общеобразовательной библиотеки. Видовой же признак ее — это тот отдел (или группа отделов), который содержит книги, затрагивающие наиболее близкие и существенные интересы данной общественной группы читателей данной библиотеки, т. е. то ядро интересов, о котором шла выше речь. Таким образом, при этой постановке дела в фабрично-заводской библиотеке естественно разрастется над фундаментом общей книжной энциклопедии отдел наук экономических, где речь идет об экономическом строе и социальной жизни, а также и наук политических, так как политический строй жизни находится с экономическим в неразрывных отношениях, и никакие перемены в одном не могут быть произведены без существенных перемен в другом. В этой же библиотеке на основании запросов самих читателей может естественно разрастись (что и бывает) отдел книг технических. Если читатели еще только приучаются к чтению, то, разумеется, может вырасти столь же естественно в такой библиотечке и отдел беллетристический. Словом сказать, сама жизнь укажет каждой библиотеке, какой отдел расширить в большей степени и какой пополнить какими книгами. Библиотекарям остается прежде всего чутко прислушиваться к требованиям жизни, не забывая при этом первого и главного правила: общей, основной почвой всякой общеобразовательной библиотеки, каковы бы ни были ее размеры, всегда должна быть *книжная энциклопедия*, о которой шла выше речь, а наиболее полно организованы должны быть те отделы библиотеки, которые вполне освещают политическую, экономическую, умственную, нравственную, религиозную жизнь данной общественной группы, наиболее пользующейся данной библиотекой. «Какие книги освещают жизнь мою и моей общественной группы лучше, правильнее и полнее других?» В разрешении этого-то вопроса и заключается самая суть библиотечного дела. Общеобразовательная библиотека должна давать читающей толпе общее миросозерцание, ведя к нему, во-первых, с той самой ступени лестницы, на которой стоит по своей образователь-

ной подготовке данная общественная группа, а, во-вторых, исходя из психологического изучения читателей и социологического изучения того ядра интересов, которые этой группе или, точнее говоря, преобладающему большинству ее всего ближе и дороже. Только при соблюдении этого условия общеобразовательная библиотека поведет вперед и вверх не отдельных читателей, уже стоящих над толпой по своим умственным способностям и по своему пониманию, настроению, энергии, а людей толпы, людей средних, самую толпу, которая и должна быть главным объектом книжного просвещения.

То, что сказано здесь относительно организации маленькой библиотеки, может быть вполне приложено и к любой библиотеке, предназначаемой для любой общественной группы, для любого уголка русской земли, для любого момента истории и для любой общественной среды. Все это наложит и даже должно наложить на общеобразовательную библиотеку свой особый отпечаток, и это — право жизни, право индивидуальности. Но и у библиотеки, с другой стороны, должно быть свое право, которое есть вместе с тем и обязанность. Всякая библиотека, какова бы она ни была, должна служить *не только вечной истине, но и злобе дня.* Об этом служении посредством определенной организации местного и злободневного отделов уже было сказано выше.

Изучение книжных богатств, находящихся ныне в обращении, позволяет нам сделать нижеследующий интересный и довольно утешительный вывод: *в настоящее время,* несмотря на относительную бедность некоторых отделов каталога и вопреки невыносимо тяжелым цензурным условиям, искусственно задерживающим умственную жизнь громадной страны, все же *имеется возможность даже с очень скромными, небольшими средствами организовать вполне удовлетворительные, систематически подобранные, идейно организованные общеобразовательные библиотечки, честно и энергично служащие не только бесстрастной вечной истине, но и страстной злобе дня.*

Есть полная возможность приступать к организации таких библиотек сначала в очень скромных размерах, затем постепенно развивая дело не только в ширину, но и в глубину, опираясь при этом на изучение книги, с одной стороны, и на изучение читающей толпы — с другой. Основываясь на этом, желательно в каждом каталоге распределять книги не только по степеням трудности изложения, но и по кругам читателей. Сила воздействия всякой книги на читателя обусловливается прежде всего психическим и социальным типом его. Каждый общественный круг характеризуется преобладанием, наибольшим распространением определенных типов. Исходя из этих соображений, все книги можно распределить по общественным кругам, правда далеко не всегда очерченным с достаточной определенностью, тем не менее по существу характерным в высокой степени. Можно наметить, думается нам, например, следующие круги: 1) трудя-

щиеся классы (крестьяне и фабрично-заводские рабочие); 2) трудовая интеллигенция; 3) вообще культурные классы. Отсюда три типа библиотек, планированных по кругам читателей.

I. *Библиотеки сельские и фабрично-заводские.* Правда, между теми и другими существует и большая разница в типах читателей, но, принимая в расчет не только эту разницу, а также и классовые интересы, и степень подготовки, и некоторые другие признаки, мы все же имеем основания соединять фабричных и сельских читателей в одну общую категорию. Явления, происходящие в глубине крестьянской жизни за последние пять лет, развитие сельского пролетариата, быстро прогрессирующего, тем более дают основания для того, чтобы видеть в этих кругах читателей единый основной тип.

II. *Библиотеки интеллигентские, «третьего элемента», товарищеские,* предназначенные для широких, пестрых кругов трудовой интеллигенции. Эти библиотеки отличаются от предыдущих не только по степеням подготовки читателей, но и по некоторому перемещению центра читательских интересов и внимания: многие вопросы, еще не решенные первыми двумя категориями читателей, уже решены этой, и потому стали уже *менее интересными.* Далее, жизнь ставит интеллигенции другие задачи, требует от нее подготовки к другим категориям деятельности и борьбы. Наконец, и настроение интеллигенции, в которой — увы! — вслед за общественным подъемом 1905 г. проявилось непомерно большое число размагниченных и нытиков, — совсем не то, что настроение трудящегося народа, которому хотя и недостает еще многого для улучшения его судьбы, но, во всяком случае, не бодрого настроения. Существует много библиотечек товарищеского типа, нуждающихся в целесообразной организации по энциклопедическому типу, в зависимости от основных задач момента. Существует немало книг, удовлетворяющих этой задаче таких библиотек. Надо ими воспользоваться в целях самообразования. Жизнь уже показала в 1905—1911 гг., что читатели из трудящихся классов бывали неудовлетворены теми интеллигентами, которые старались внести знания в их среду. Библиотечки II типа должны быть организуемы так, чтобы давать знание, понимание, настроение для такой работы.

III. *Библиотеки III типа — библиотеки большие, общественные.* Они имеют в виду читателей всех категорий, и I, и II типов, и всяких других. Размер и характер такого рода библиотек зависит от размеров средств, которые имеются в их распоряжении, а не от типа читателей. В эти библиотеки, смотря по характеру населения, входят как необходимые составные части и библиотечки I и II типа.

По этим трем типам библиотек желательно распределять и все рекомендуемые книги. Это мы и делаем в нашем труде, в «предварительных замечаниях» к каждому отделу. При этом следует обратить внимание, что распределение книг по кругам чи-

тателей далеко не всегда совпадает с их распределением по степеням подготовки. Очень многие книги, обозначенные римской цифрой II, оказываются не только желательными, но и необходимыми для библиотек I типа, а книги со значком III должны быть вводимы иногда и в каталог библиотек II типа.

§ 82. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ КНИГ ПО ИНДИВИДУАЛЬНОСТЯМ ЧИТАТЕЛЕЙ И ПО ИХ ПСИХОЛОГИИ. ЧТО ЗНАЧИТ «ЛЮБИМЫЕ АВТОРЫ»

Теперь мы должны сделать дальнейший шаг, все более и более углубляясь в книжное дело. Выше мы говорили о приближении книг к читателям по их объективным и общим признакам. Мы говорили о классификации книг по их понятности, по трудности их изложения и по кругам читателей. Но есть и еще одна сторона в книжном деле, быть может, самая важная, самая решающая. Мы говорим об *индивидуальности читателя* — о его личных, только ему одному присущих свойствах, его личных особенностях, его интересах и настроениях, постоянно столь изменяющихся, в каждый момент различных. Нужно ли говорить о том, что все эти особенности, словно какие-то «капризы», оказывают огромное влияние и на выбор книг, и на силу книжного воздействия? Для того чтобы действительно удачно выбирать книги и для самообразования, и для рекомендации другим, чтобы поставить дело распространения и даже созидания книг на правильный фундамент, нужно перенести вопрос, как уже было упомянуто выше, на почву психологии, и не только общей и социальной, а прежде всего индивидуальной.

Сущность этой стороны дела заключается в следующем.

Между читателем и книгой, которая ему нравится, всегда существует определенное соотношение, точнее говоря, сходство, аналогия, если не тождество. Правда, все это может быть и минутным и случайным, преходящим, но тем не менее в существовании этой аналогии или тождества сомневаться не приходится. Оно факт. Кроме элемента мимолетности, существует в том же характерном явлении и элемент постоянный, длительный, еще более глубокий и определенный, который выражается в том, что у каждого читателя имеются и свои любимые авторы, и свои любимые книги, свои любимые отрасли знания и наиболее соответствующий именно ему тип миросозерцания. В другом нашем труде[1] мы делаем подробный анализ данного, в высшей степени интересного и важного вопроса и, опираясь на факты, стараемся выяснить его. Ни место, ни время не позволяет нам здесь останавливаться на нем подробнее, и мы должны удовольствоваться

---

[1] «Этюды по психологии читательства». Изд. К. Тихомирова. Ч. 1. Общий очерк того же вопроса см. нашу статью «Психология книжного влияния» в «Новой жизни», № 1 (декабрь 1910 г.).

лишь тем, что изложим самую суть его, отсылая интересующихся к другим нашим трудам.

Спрашивается, почему же у разных читателей имеются разные любимые авторы? Чтобы дать точный, научный ответ на этот вопрос, прежде всего необходимо сделать исследование — исследовать читающую публику именно с этой точки зрения, чтобы путем исследования ответить прежде всего на такой вопрос: *какие именно читатели каких именно авторов* считают своими любимыми? Ответив же на этот, вполне поддающийся как экспериментальному, так и статистическому изучению вопрос, можно затем идти и дальше: изучить психические и социальные *свойства,* во-первых, самих читателей, во-вторых, авторов и произведений их, оказывающихся наиболее любимыми или нравящимися, для того чтобы на основании такого изучения наиболее плодотворно работать над распространением знания, понимания и настроения посредством книг и их рационального выбора. Такое исследование тоже может быть производимо довольно точными приемами, и в настоящее время существует значительное число исследований, произведенных по методам экспериментальной психологии как над малолетними, так и над взрослыми учениками и ученицами разных учебных заведений[1]. Всякий библиотекарь, всякий книжный торговец, всякий издатель, педагог и т. д., и т. д., если пороется хоть немного в своей памяти, разумеется, тоже найдет кой-какие интересные и важные материалы для решения интересного вопроса о соотношении читателя, с одной стороны, и любимых его книг, с другой. Это соотношение выражается следующим образом: *на читателя сильнее всего действуют те свойства автора, которые имеются в том или ином количестве и у самого читателя. «На читателя оказывает наибольшее впечатление та книга, психические качества автора которой аналогичны психическим качествам данного читателя»* *.

Такую формулировку дал этому соотношению еще в начале 80-х годов, к сожалению, безвременно умерший французский ученый Э. Геннекен, ныне сделавшийся знаменитым. Эту формулировку, имеющую первостепенное значение для всего книжного дела, а значит, и для дела самообразования, мы с полным основанием можем называть «законом Геннекена». Такое название мы и сохраним за ней в нашем дальнейшем изложении. Этим своим законом Геннекен сумел выразить самую суть, самую основу влияния книги на читателя. Не всякая книга может оказать

---

[1] Об этом см. в той же нашей книге. Массу интересных материалов для решения того же вопроса дает упомянутый труд харьковских учительниц — «Что читать народу?, где собрано очень много наблюдений над читателями из народа. Богатейший же материал по этому вопросу можно найти в отчетах лучших провинциальных библиотек. Целый ряд статей разных исследователей о читателях и читательстве можно найти в педагогических и других журналах. Изучением читательских типов и читательства вообще занимается с 1888 г. и пишущий эти строки.

на него влияние, не всякая книга окажет на одного и того же человека одинаково сильное влияние. Для наличности этого последнего необходимо *психическое сродство автора и читателя.* Данное качество, имеющееся налицо у первого, не может не отразиться на том, что и как писатель пишет. Такое же качество, имеющееся у читателя, не может не сделать читателя наиболее чутким к восприятию именно этого качества, отразившегося в данной книге, подобно тому, как оно лучше замечается им и в других людях. Психология учит, что о психике других людей мы судим по своей собственной психике, да иначе и судить не можем. Подобно тому, как камертон определенного тона неизбежно заставляет звучать всякий другой камертон того же самого тона, — так звучит и психика человеческая под влиянием другой психики, настроенной на тот же тон. Пфендер называет это человеческое свойство, подтверждаемое бесчисленным количеством фактов, «сочувственным переживанием»[1]. Такое переживание проявляется и в целом, и частями, и временно, преходяще и длительно. Его размеры, его количественная сторона вообще тоже могут быть очень различными. Но сущность данного явления остается всегда одна и та же. Это *факт, основанный на доказательствах посредством опытов и наблюдений.* Правда, у разных читателей «реакция на данную книгу», т. е. под влиянием ее чтения, может быть не одинаково сильной. Влияет на силу реакции и *время, когда* книга читается, и разные случайные обстоятельства этого момента, напр., извне приходящие, случайные настроения. Не без влияния остаются, видоизменяя результат, и те обстоятельства общего характера, о которых шла речь в предыдущих параграфах, — степень развития и вообще культурной подготовки, условия социальной, классовой, профессиональной среды, особенности местной жизни и т. д. Тем не менее сквозь все эти детали все-таки закон Геннекена всегда виден очень отчетливо, и, насколько нам известно, нет таких фактов, которые опровергали бы самую суть его, опирающуюся как на социологию, так и на психологию, теоретическую и экспериментальную. Выводы, которые можно сделать из этого закона применительно к делу распространения книг, — громадной важности, и теоретической, и практической. Они дают возможность поставить это дело на научную почву.

§ 83. ПСИХОЛОГИЯ ЧИТАТЕЛЯ И ТИПИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ ЕЕ РАЗНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ

Берем, для примера, любого читателя. Что представляет собой этот читатель, всякий читатель, будь он подписчик библиотеки, покупатель в книжном магазине, человек, работающий над

---

[1] «Введение в психологию», с. 26.

самообразованием? Взглянем на него как на явление природы, социальной среды, как на объект, изучаемый психологией. Эта наука учит, что психическая сторона всякого человека, неразрывно связанная с его физической стороной, представляет собой нечто цельное, неделимое, интегральное, очень сложное, разностороннее. Когда-то наука психология под влиянием метафизических представлений учила об особой «сущности» — человеческой «душе» и ее особых «способностях» — о разуме, чувстве, воле и т. д. Теперь, как известно, ни о «сущностях», ни о «способностях» не может быть и речи в области точной науки; и разум, и чувства (эмоции), и воля рассматриваются наукой как всякие другие явления природы, и ученый, изучающий их, никогда не упускает из виду, что не особыми «способностями» нужно их называть, так как они не более как проявления, разные стороны той же психической природы, между собой теснейшим образом связанные и одна от другой неотделимые, подобно тому, как неотделима абстракция от тех фактов, опытов, ощущений, которые служат ее фундаментом. Правда, до сих пор удерживаются в науке эти давно устаревшие названия — разум, чувства, воля, память и т. п., но этим названиям теперь придается уже совсем другой смысл. Названия эти сохраняются лишь ради удобства, и в нашем дальнейшем изложении мы так и будем понимать их.

Итак, перед нами читатель, «психический организм», имеющий определенные свойства — и разум, и чувства, и волю. Всякий знает, что у разных людей все эти стороны психической жизни бывают различны. Они разных *типов,* разных степеней развития. Существует особая отрасль психологии, так называемая индивидуальная психология, наука о характере, «характерология», которая изучает их. По разным психическим типам, при помощи более или менее точных исследований, можно классифицировать всех людей, принимая при этом в расчет все их не только психические, но и антропологические, и профессиональные, и всякие иные особенности — и расу, и пол, и возраст, и особенности интеллектуальной, эмоциональной и волевой жизни, и воспитания, и класса и т. д., и т. д. *Каждый человек, со всеми своими типическими, как и индивидуальными, особенностями, является объектом точного исследования,* и здесь вопрос его изучения стоит опять-таки на научной почве.

Но пойдем дальше и спросим себя: что же такое тип? Тип — это значит некоторая комбинация некоторых наиболее часто повторяющихся отдельных свойств; эти отдельные свойства, в свою очередь, поддаются точному изучению, и среди них, в свою очередь, можно различать их собственные типы. Можно и приходится говорить не только о разных типах *личности,* но и о разных типах ума, эмоций, воли, памяти и т. д. Но и эти последние представляют собой, в свою очередь, новые и новые комбинации еще более детальных сторон, еще более частных качеств. Возьмем, напр., сторону интеллектуальную. Психология учит, что эта

сторона психики представляет целый ряд очень сложных и своеобразных явлений, и качественно, и количественно различающихся между собой. С одной стороны, к интеллекту относятся такие явления, как, напр., восприятия, память, суждения и т. д., и т. д. Читатель, интересующийся данным вопросом, найдет о нем очень много интересного в любом руководстве по психологии. Эта же наука показывает, что и эти частные проявления психической жизни бывают у разных людей и качественно и количественно различными. Нервное вещество и вообще организация, особенности органов чувств и центральная нервная система, по причинам, еще не выясненным наукой, оказываются различными у различных субъектов. У одних, напр., более восприимчива область слуха, тогда как у других субъектов наибольшая восприимчивость проявляется в области зрительной, у третьих — в области двигательной (моторной), у четвертых — и зрительной, и моторной, и т. д. Память же бывает различных типов — то логическая, то диалектическая — формальная или материальная — зрительная, слуховая, моторная и т. д. Резко отличаются разные люди и по манере своих суждений, или, точнее говоря, рассуждений, по типу и характеру своего мышления. Есть люди, мышление которых всегда начинается с фактов, восприятий, от которых они и поднимаются все выше и выше, более или менее далеко, по лестнице обобщений, к общим понятиям, теориям и системам. С другой стороны, есть люди, которым совершенно не дается такого типа мышление, они, поддаваясь своей природе, мыслят обыкновенно обратным способом, то есть идут по лестнице рассуждений вниз, от общего к частному, от имеющихся в их голове обобщений к фактам, подтверждая правильность того, до чего они таким способом додумываются, соответствием их идей с фактами. Таковы два, резко отличающиеся типа ума — индуктивный и дедуктивный. Впрочем, встречается, разумеется, и множество средних, переходных ступеней между ними. Подобно этому, можно отметить в области интеллектуальной еще два типа ума, тоже поддающихся точному исследованию, — тип синтетический и тип аналитический. Склад ума синтетический — это склад творческий, созидательный, идущий от частей к целому. Напротив, склад анализирующего ума — это склад, разлагающий целое на части, разрезывающий и, так сказать, врезывающийся в свой предмет мысли и вечно находящий в нем все новые и новые стороны. И с этой стороны все люди могут быть классифицированы по этим двум типам и по переходным ступеням между ними.

Разные типы ума не что иное, как разные комбинации тоже разнообразных типов памяти, восприятий, суждения и мышления и т. д., отдельно изучаемых и классифицируемых психологией, даже при помощи точных приборов. Берем теперь следующий принцип классификации — по эмоциональным особенностям. Здесь мы встречаем еще большее число типов, смотря по коли-

чественным и качественным преобладаниям тех или иных эмоций. То же самое можно сказать и о волевых типах, начиная от самого рефлективного, полусознательного и кончая волевым и сознательным в полном смысле слова. Все вышеизложенное позволяет нам сделать такие выводы: читающее человечество может быть классифицировано по психическим, не говоря уже по социальным, типам. Каждый такой тип, в свою очередь, представляет более или менее сложную комбинацию разного рода психических особенностей других, более частных типов. Смотря по качественной и количественной стороне этих частных особенностей читательской психики, бывает различным и влияние на нее одной и той же книги.

§ 84. ПСИХОЛОГИЯ КНИГ И ТИПИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ ЕЕ РАЗНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ

Нетрудно видеть, что иначе и не может быть. И, правда, что представляет из себя любая книга? Прежде всего — она отражение психики ее автора и всякого рода особенностей этой психики. И тип его восприятия, и тип памяти, и тип суждения и мышления, и вообще склада ума не может не отражаться не только на плане книги, но и на самой манере изложения, и даже на выборе и трактовании сюжета. И книги, как люди, бывают и индуктивные, и дедуктивные, и синтетические, и аналитические, и конкретные, и отвлеченные, и эмоциональные, «с настроением», и «рассудочные», без настроения, и представляющие собой набор «рефлексов», шатаний, «бесцельностей», тогда как в других книгах с первой же страницы уже ясно чувствуется и воля, и определенность цели ее; такая книга как бы подталкивает читателя, заражает его *своей* волей.

§ 85. СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ СТОРОНА ТИПОВ КНИГ И ТИПОВ ЧИТАТЕЛЕЙ

Но идем дальше и из области психологии переходим в область социологии. И здесь книги, как и люди, представляют собой индивидуумов разных типов; иная книга — тот же «гладенький, щупленький дворянин, гордящийся самим собой не за свои собственные, а за прародительские заслуги». Другая книга — типичный буржуа. Есть книги — пролетарского, интеллигентского типа (в смысле типа трудовой интеллигенции). Есть книги — интернационалисты и националисты, и даже ярко отражающие на себе определенный расовый тип. Далее, от некоторых книг так и веет фабричным укладом жизни, тогда как в других чувствуется сельский или казарменный уклад. Словом сказать, книги, как и люди, поддаются классификации *социальной*. Но и это еще не все. За этой классификацией следует еще историческая. Сравните между собой Библию, «Освобожденный Иерусалим», «Дон-

Кихота», «Декамерон», «Свадьбу Фигаро», «Мать» Горького и т. д. Каждая из этих книг резко отражает исторический момент своего появления и представляет яркую иллюстрацию идей Тэна.

Вокруг нас, в обществе, нас окружающем, тоже есть типы, принадлежащие как бы к остаткам отдельных эпох, и не только по складу своих воззрений, но также и по своим настроениям. Есть люди, от которых веет догматизмом, схоластикой, нетерпимостью и даже жестокостью средних веков, или фривольностью итальянского Возрождения, или фрондерством кануна Великой революции[1], или смелостью, отвагой и фанатизмом ее времен. Есть и такие книги, которые ярко отражают настроение 17 октября и т. д.

Закон Геннекена подтверждается и на этих книгах. Творения средневекового типа, разумеется, не находят распространения среди фрондеров и якобинцев и обратно. Книга «октябрьских дней» * не действует уже на людей, потерявших октябрьское настроение. Брошюра, проникнутая пролетарским настроением, несмотря на всю свою доказательность, все-таки возмутит почтенного буржуа или сословно настроенного дворянина...

§ 86. ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ И СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА КНИГ И ИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

Теперь можно сделать следующие практические выводы из всего вышесказанного. Для правильной постановки дела не только самообразования, но и вообще образования необходимо поставить его на психологическую и социологическую почву. Работники книжного дела должны выработать в себе умение делать возможно точную оценку любой книги с точки зрения любого психического и социального типа читателя. А с этой целью необходима особая классификация и читателей и книг в психологическом и социологическом отношении. Такая классификация читателей сводится к их изучению по методам как общей, так и экспериментальной психологии. При этом должны изучаться прежде всего те психические процессы, которые имеют главное и ближайшее отношение к процессам читательства. Изучая же эти читательские особенности, можно и их классифицировать по их типам. С другой стороны, необходима психологическая и социологическая классификация книг — классификация, не зависимая от *сюжета,* а изучающая самую книгу, как своего рода личность, имеющую определенный психический и социальный облик. Все лучшие книги должны быть подвергаемы такой двойной оценке, и при такой оценке каждой книги должны быть отмечаемы ее типические особенности. Другими словами, для правильной и широкой постановки книжного дела, и в особенности же дела

---

[1] Речь идет о французской революции 1789 г. — *Сост.*

распространения книг и чтения, еще недостаточно распределять книги в руководствах для самообразования по областям жизни, в них изображаемым, по наукам, по степеням трудности понимания, по читательским кругам. К такого рода классификации нужно еще прибавить практически не менее важную психологическую и социологическую. При этом при каждой книге нужно отмечать ее психические и социологические особенности, соответственно определенной научной терминологии.

Спросим теперь, по какой же именно научной схеме отмечать эти особенности? Современная психология уже дает указания и на этот счет. Как известно, в настоящее время существуют самые разнообразные программы для психологического изучения человеческой личности, различных сторон ее, различных комбинаций *типов* этих сторон. По этим же самым программам, с некоторыми более или менее несущественными и даже небольшими приспособлениями, могут быть изучаемы и книги, так как каждая книга, как мы уже заметили, — та же личность, отражение психики ее автора, и все свойства этой последней так или иначе отражаются и на книге. Геннекен в своих замечательных «Основаниях научной критики» подробно анализирует как принципы, так и приемы такого изучения и наглядно и остроумно показывает значение этого изучения. Таким образом, и *личность читателя, и любая читаемая книга могут быть изучаемы в психологическом и социологическом отношениях по одной и той же программе изучения личности.* И личность читателя и книга могут быть, таким способом, сопоставлены между собою — сопоставлены все их психические и иные типичные качества, причем и к изучению читателя и к изучению книги могут быть приложены однородные приемы и методы точного знания. На возможность и на огромное значение такого изучения и указывал Геннекен еще в 1880-х гг. Очень интересные попытки точного исследования изучения человеческих типов были сделаны еще в 60-х гг. нашим соотечественником Ф. Вешняковым, а в последнее время В. Оствальдом. Вообще вопрос о типах и их изучении все более и более выступает на первый план за последние годы, знаменуя этим крайне важный переворот в области современной психологии. При этом мы должны сделать небольшую оговорку. Геннекен, говоря об исследовании книг в психологическом отношении, имел в виду всякие книги, в том числе и беллетристические. Думается нам, что для такого исследования беллетристических книг еще не настало время, так как отдел, трактующий об эмоциях и о классификации их, один из самых темных и наименее разработанных отделов психологии; между тем эмоциональная-то сторона и стоит на первом плане в беллетристических произведениях. Но совсем другое дело, если мы, оставив пока в стороне беллетристику, сосредоточим наше внимание на книгах научных. Здесь классификация всех научных книг в психологическом отношении уже не представляет таких трудностей, и по-

пытку такой классификации их мы и делаем в нашем «Руководстве для самообразования». Книги научного содержания могут быть классифицированы в данном отношении, с точки зрения читательства, и работники книжного дела и все занимающиеся самообразованием получают, таким образом, в свои руки действительно могущественное орудие рационального и более или менее безошибочного выбора книг.

§ 87. ПРАКТИЧЕСКАЯ ПОСТАНОВКА ТАКОЙ ОЦЕНКИ. ПСИХО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ФОРМУЛЫ КНИГ И ИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

Практическая постановка этого дела может быть не только изложена в виде психологического и социологического *описания* книг, но и эти описания могут быть сведены *к формулам. Всякая книга, т. е. главнейшие качества ее, может быть выражена в виде формулы. Всякий читатель, т. е. тоже главнейшие его качества, также может быть выражен в виде формулы.* В основу книжных формул может быть принята, как уже сказано, одна и та же таблица или программа для исследования и изучения человеческой личности, и вот каким способом.

Сущность дела заключается в следующем. Берем какую-либо программу для изучения личности, напр., программу, составленную проф. Лазурским *. Эта программа представляет собой довольно отчетливую схему, или, точнее говоря, классификацию психических явлений, происходящих в человеке. Программа ставит вопросы, относящиеся к наблюдению и изучению индивидуальных проявлений психической жизни в каждом отдельном человеке. Эти проявления бывают различные, различных типов.

Какие же именно? Восприятия, память, напр., показывают преобладание то зрительного, то слухового, то двигательного и других типов. Отметим каждый такой тип какой-либо буквою, напр., зрительный — буквой з, слуховой — с, двигательный — д. Преобладающие типы мышления бывают индуктивными, дедуктивными, синтетическими, аналитическими, конкретными и абстрактными. Отметим каждый такой тип тоже какими-нибудь буквами, напр., инд., дед., син., к., а. и т. д. Отметим и другие характерные, типичные черты психики подобным же способом, не только интеллектуальные, но и эмоциональные, и волевые. Пойдем дальше. Дадим какое-либо условное обозначение также для социальных черт, для степеней образовательной подготовки и т. д. Представьте себе таблицу — схему психической жизни человека с указаниями всех главнейших типов в каждой категории психических явлений. Представьте себе, что на эту таблицу занесены все главнейшие типы всех особенностей, какие только встречаются в человечестве. Представьте дихотомическую таблицу, подобную тем, которые составляются для определения растений, но с условными обозначениями каждой типической черты. Нетрудно понять, что всякий читатель, имея перед собой такую

таблицу, без всякого труда может по ней составить свое описание, выразив его при этом условными обозначениями, напр., буквами. Таким образом, всякий читатель может получить свою читательскую формулу путем своего собственного наблюдения для любого периода, даже для любого момента своей жизни. Опыт такой таблицы, служащей для изучения читателя в психологическом и социологическом отношении, мы и даем в приложении ко II тому нашего труда, заимствуя ее из наших «Этюдов по психологии читательства», к которым и отсылаем интересующихся за более детальными пояснениями. Там же читатель найдет детальные указания для определения книг по этой таблице, для исследования и в психологическом и социологическом отношении [1].

Выражая и книгу и читателя в психологических терминах, в виде формул, составленных по одной и той же таблице, мы получаем, таким образом, определенную почву для сравнений, с одной стороны — качеств данной книги, с другой — потребностей и качеств ее читателя. Представьте себе далее, что какое-либо научно-педагогическое учреждение по той же таблице составит нам психологический и социологический каталог лучших научных и научно-популярных книг в целях самообразования. Вряд ли нужно доказывать, что громадное значение такого рода каталогов будет неизмеримо больше, чем тех, которые состоят из более или менее голословных приговоров их составителей о разных книгах, ими рекомендуемых. Главная задача рецензий — точное описание книг, которое именно и полезней больше всего для читателя. Обыкновенно же рецензии состоят, как известно, не из описаний книг, а из суждения о них или «по поводу» их — суждений, более или менее спорных, если только они не исходят от лица действительно очень компетентного, иначе же они не имеют для читателей никакого значения. Вышеизложенная система заменяет отзывы о книгах их психологическим описанием, оставляя за рецензентом оценку данной книги в научном и историческом отношениях. Та же система ставит на совершенно иную почву и рекомендацию книг и выбор их. Во многих отношениях она делает излишним педагогическое руководительство чтением, вместе с тем индивидуализируя самообразование и вообще выбор книг. Вряд ли нужно распространяться о том, до какой степени оно может быть облегчено таким способом и сколько сил, ныне теряемых совершенно бесплодно, можно будет сохранить при помощи такой постановки дела, путем создания и издания «психо-социологических каталогов лучших научных книг». Но и независимо от этих каталогов, составление которых, несомненно, представляет весьма значительные и теоретические и практические трудности и требует от составителей кой-чего бо́льшего, чем обыкновенные рецензии, — дело самообразования и распростра-

[1] Мы не даем таблиц, так как указанные в них книги большей частью устарели. — *Сост.*

нения книг, если его теперь же поставить на психологическую и социологическую основу изучения читательских типов, от этой постановки не может не выиграть по существу. При такой постановке дела вопрос о том, что считать хорошей книгой, получает новое решение. Не всякую книгу, удовлетворяющую хотя бы самым строгим требованиям научной, историко-литературной и социальной оценки, о которых шла речь в § 72, можно признать хорошей с точки зрения данного читателя. Как сказано, книга должна еще быть *лично для него подходящей.* Мы уже видели, что в отыскании именно такой книги для любого читателя и заключается самая сущность книжного распространения (§ 4). Теперь мы выясним, каким способом следует отыскивать такую книгу. Мы видели, что для этого необходима ее психологическая и социологическая оценка. Чем она глубже, и чем детальнее, и вообще чем тоньше психологический и социологический анализ читателя или покупателя, тем больше шансов, что выбранная по такому методу книга больше даст для его ума и сердца, и потому даст ему возможность затратить соответственно меньше труда для достижения поставленной им цели — самообразования. На основании нашей личной практики в деле содействия самообразованию самых разнородных читателей по этому методу и опытов, с такой постановкой нами проделанных, позволяем себе утверждать, что и непосредственный опыт оправдывает возлагаемые нами на эту систему надежды. Во всяком случае, она спасает от очень многих ошибок. Подобно тому, как педагогия старается теперь индивидуализировать воспитание и образование, а медицина — лечение, так может и должно быть индивидуализировано при нашей постановке вопроса и дело самообразования. Придавая такую постановку делу этого последнего посредством рационального выбора книг для чтения, мы в сущности ничего не выдумываем нового и идем по уже намеченной дороге. Мы лишь формулируем те самые принципы, которые уже давно должны бы быть формулированы...

Следует сделать еще несколько существенных замечаний во избежание возможных недоразумений. Какую, собственно, практическую цель преследует данная постановка дела? Сократить время, сэкономить силы и труд, затрачиваемые обыкновенно на чтение научных книг, помочь скорейшему и более глубокому и детальному усвоению их содержания, поставив это дело на рациональную почву. При этом заметим, что всюду у нас идет речь о книгах научных, а не беллетристических. Мы утверждаем, что читатель индуктивного и конкретного типа мышления, читающий книгу, изложенную дедуктивно и отвлеченно, затрачивает массу лишних сил на ее чтение и усвоение и все-таки не усвоит предмета с ее помощью так быстро и глубоко, как если бы он усвоил его, взявши книгу по тому же предмету, но написанную тоже индуктивно. И обратно: читателю типа дедуктивного и отвлеченного больше дадут книги дедуктивные и отвлечен-

ные. Читатель эмоционального типа заснет над сухой книгой, написанной без всякого настроения. Читатель практик, человек дела и борьбы, не удовлетворится книгой, отражающей нытье и безволие ее автора. Читатель буржуа, как известно, и духа пролетарского в книге нередко совсем не выносит. Книга, имевшая успех по своим определенным общественным тенденциям 17 октября, теперь читается тем же читателем совсем под другим углом знания, понимания, настроения. Правда, из предыдущего вовсе не следует, что, стремясь к самообразованию, индуктивно мыслящий человек вовсе не должен браться за дедуктивно изложенные книги. Надеюсь, что наш читатель в этом нелепом утверждении нас не заподозрит. Мы говорим даже напротив: читатель, мыслящий индуктивно, должен сознательно и планомерно научиться читать и дедуктивные книги; ум синтетический должен по мере возможности приучить себя и к анализу, подобно тому, как и человеку не музыкальному и вообще «не эстетическому» для развития своей психики крайне важно поупражняться и в искусствах как в одной из важных сторон духовной жизни. Мы не только не отрицаем полезности такого рода упражнений, но и подчеркиваем их необходимость. Но вместе с тем мы говорим: легче обучится человек музыкального типа, чем не музыкального. Легче усвоит данную науку по дедуктивным книгам человек дедуктивного типа, чем по книгам индуктивным и т. д. Хорошим аналитиком синтетик вряд ли когда сделается, а аналитик лишь в исключительных случаях проявляет способность к синтезу. Правда, кроме типов резко выраженных, существует еще множество переходных или смешанных. При этом обыкновенно замечается, что типы, переходные в одном отношении, резко выражены в другом. Но то же самое явление наблюдается и относительно книг. Закон Геннекена оказывается справедливым и по отношению к переходным типам. В силу того же закона для переходного типа открыты пути для пользования книгами обоих крайних типов, что, разумеется, не противоречит нашей теории. Когда же сама жизнь заставляет человека вооружаться возможно быстрее и знанием, и пониманием, и настроением, тогда перед ним естественно возникает вопрос: да как же возможно скорее и прочнее это сделать? На этот вопрос мы и старались ответить, опираясь на теоретическое и практическое изучение читательских типов в психологическом и социологическом отношениях.

Спрашивается теперь, в какой же степени пригодны такие методы в обыденной практике книжного дела? Как могут ими воспользоваться работники книжного дела в своей обыденной жизни, которая вряд ли позволяет многим штудировать то психологию, то социологию? На этот совершенно справедливый вопрос мы можем ответить прежде всего следующее. Как уже было сказано в § 13, «могий вместити да вместит». Каждый работник книжного дела, каждый работающий над своим самообразова-

нием должен усвоить и понять хотя бы самые главные и основные принципы психологической и социологической оценки книг. В психике каждой книги, как и в психике любого человека, есть и характерные и нехарактерные черты. Характер людей, как известно, определяется обыкновенно по первым. Их-то и надо всегда помнить и знать возможно лучше. Вот на какие стороны этой психики книг мы рекомендуем прежде всего обращать внимание. Распределим их по схеме «Программы исследования личности» А. Лазурского.

Требует ли данная книга, для того чтобы быть возможно лучше усвоенной и понятой, от своего читателя:

1. Большой, средней, малой наблюдательности и вообще *тонкости* восприятия разных оттенков читаемого?

2. Большой, средней, малой *точности* восприятия?

3. Большой, средней, малой способности запоминания?

4. Логической (формальной) или фактической (материальной) памяти?

5. Умения связывать воспринимаемые впечатления с имеющимся уже запасом идей и образов (умения ассоциировать), больших запасов ассоциаций?

6. Большого, среднего, малого внимания, умения сосредоточиваться?

7. Большого, среднего, малого напряжения мысли?

8. Мышления самостоятельного (критического), умения разбираться в даваемом книгой материале или же больше всего механического усвоения (напр., формулы, тексты, систематика фактов)?

9. Мышления отвлеченного или конкретного (образного)?

10. Аналитического или синтетического?

11. Дедуктивного или индуктивного?

12. Воображения более или менее яркого (или то, что необходимо для яркости представлений, дает сама книга)?

13. Мечтательного ли настроения, то есть склонности к фантастическим построениям («воздушным замкам») или напротив, — прежде всего чувства реальной жизни, т. е. трезвого отношения к действительности?

14. Усидчивости и долгой неутомляемости, или читатель может обойтись и без них?

15. Уменья догадываться, уменья читать между строк?

16. Миросозерцания уже более или менее сложившегося (по крайней мере, в своих основаниях)?

17. Каким настроением проникнута данная книга (пессимистическим, оптимистическим, ровным, порывистым, добродушным, озлобленным и т. д.)?

18. На какие чувства она опирается: эгоистические, альтруистические, чувства низшей, органической жизни (напр., половые), чувства высшие (напр., семейные, социальные) и т. д., чув-

ства гордости, достоинства, самоунижения? Чувства нежности, любви, злобы и т. д.?

19. Какие стороны жизни, какие интересы преобладают в ней (личные, семейные, общественные, классовые, сословные, государственные и т. д.)?

20. Предполагает ли книга в читателе любознательность вообще, интерес к данному вопросу, или сама может впервые возбудить их?

21. Предполагает ли она в читателе любовь к серьезному чтению или сама может возбуждать ее?

22. Предполагает ли книга в читателе любовь к красоте, вообще чувства эстетические?

23. Или любовь к возвышенному, грандиозному, смешному и т. д.?

24. Какие именно нравственные чувства старается она будить, напр., справедливость, честность и т. д.?

25. Предполагает ли она религиозность в читателе, способность верить, религиозное настроение — в смысле церковной религии или вообще чувства бытия чего-то непознаваемого? Способность к религиозным порывам? К догматизму на религиозной почве? Любовь к букве?

26. Какую возбудимость предполагает данная книга в читателе: легкую, быструю или тяжелую, медленную? Какими средствами она на нее действует (грубыми, лубочными или тонкими)?

27. Каковы сила и интенсивность описываемых в ней чувствований?

28. Насколько она объективна и беспристрастна?

29. Насколько прочувствованно, с темпераментом и с увлечением написана?

30. Насколько чувствуется в ней сила воли, энергия ее автора — наступательное или пассивное отношение его к жизни?

31. Решительна или не решительна книга в своих выводах, т. е. предполагает ли она в читателе уменье делать выбор между экспонируемыми ею мотивами или сама бьет на определенный выбор (на импульсивность читателя или на его привычку к обдуманности решения рассчитывает)?

Далеко не всякая книга может быть исследована даже во всех нами указанных отношениях. Это зависит от отдела, к которому она принадлежит, от формы, ей приданной, и т. д. В § 72, 81 были намечены некоторые стороны оценки книг социологической; в § 72, 73 — исторической; в § 72 — социальной; в § 80 — с точки зрения подготовки читателя и умственного развития его. Сопоставив теперь выше намеченную табличку для психологической оценки книг с «Программой исследования личности», которая дана в книге проф. А. Лазурского, читатель, надеемся, сам поймет самую сущность дела — осуществление на практике тех соображений, которые были высказаны нами выше.

Здесь мы пришли к самым основам книжного дела, дальше которых, думается нам, идти пока некуда. Сопоставляя в своей практике определенные качества книги с определенными же качествами читателя, работник книжного дела поймет, какими книгами на какого читателя, при каких условиях и в какой момент как действовать на основании закона Геннекена. Таким образом, в этом пункте психологическая сторона книжного дела естественно сливается с социальной, личная с общественной, интересы и требования вечной истины — с интересами и требованиями злобы дня...

§ 88. ДВА СЛОВА О ДЕТСКИХ КНИГАХ

Из этой программы видно, что в психологии книг, как и в психологии людей, можно различать три стороны — а именно: интеллектуальную, эмоциональную и волевую, иначе говоря, рассуждающую, чувствующую и действующую. Смотря по преобладанию одной из этих сторон все книги могут быть распределены тоже на три основные категории: научно-философскую, эмоционально-эстетическую и практическую, получающую свой смысл главным образом в действовании, в проявлении волевых усилий, в преодолении внешних препятствий (напр., книги для практических занятий, технические, прикладные, агитационные). Разумеется, вышеприведенная программа далеко не исчерпывает всех психологических сторон книги. Но и той схемы, которая здесь нами набросана, психических сторон, которые здесь указаны, думается нам, вполне достаточно, чтобы работник книжного дела мог отдавать себе более или менее определенный отчет о любой книге с точки зрения соответствия ее психологии с психологией данного читателя.

В заключение скажем теперь об одном типе читателей, которые нуждаются в особой оценке — и психологической, и социологической, хотя и к ним непосредственно относится то, что мы говорили выше о читателях вообще. Мы имеем в виду детей-читателей — детей и подростков и организацию для них особого отдела.

Вряд ли нужно доказывать, что ни одна библиотека общественная не может обойтись без специального отдела для детского чтения. Можно даже сказать больше этого: в очень многих библиотеках именно этот отдел и привлекает к себе особенно многочисленных читателей. В этом смысле могут с ним конкурировать лишь отделы беллетристики и отдел периодических изданий. Составлять каталог детского отдела — крайне важная, но вместе с тем и крайне трудная задача, выполнить которую мы лично вовсе не претендуем. Правда, в продаже существует несколько «примерных каталогов» детских библиотек, и список этих каталогов читатели найдут в приложении к этой книге, в отделе пособий для библиотекарей, но большинство этих примерных ката-

логов далеко не удовлетворительно. В них введено немало книг с очень сомнительными достоинствами. Кроме того, при самом подборе этих книг составители каталогов, очевидно, не всегда ясно отдавали себе отчет, какие именно книги следует вводить и какие не вводить, какие принципы положить в основу подбора книг, какой минимум требований предъявлять к рекомендуемым книгам. Далее, как это ни странно, но психологии юных читателей отведено очень мало места в большинстве таких каталогов, быть может, за исключением *«Что читать народу»* и указателя *И. Владиславлева.* Большая часть этих рекомендательных указателей принимает в расчет психологию гг. педагогов, психологию опекунов вместо опекаемых, руководителей вместо руководимых. Но именно психология детского возраста и должна прежде всего быть принята в расчет при составлении каталога детского отдела. Господа составители таких каталогов грешат и в противоположном отношении: они иногда чересчур узко относятся к своим задачам, даже вырабатывая определенные принципы для руководства подбором книг и их критикой. Они считают эти свои принципы, если можно так выразиться, чем-то вроде циркуля, тщательно вымеривают им каждую книжку, и если она в точности не подходит к их мерке, они ее забраковывают. По нашему мнению, как широкая беспринципность, так и педагогическая узость одинаково принадлежат к числу тех недостатков, которых тщательно следует избегать как в педагогии вообще, так и при составлении примерных каталогов детской библиотеки. Ребенок прежде всего — человек, а не объект для педагогических манипуляций. За ним тоже необходимо признать своего рода гражданскую свободу и право на самоопределение, а не только вменять ему в обязанность довольствоваться тем, что ему дают гг. старшие, слушаться и повиноваться им, — и это как по отношению ко всему его поведению, так и по отношению к выбору книг. Не следует забывать, что книга действует на маленького читателя не совсем так, как она действует на взрослого, и первый выносит из книги обыкновенно совсем не то, что выносит взрослый. Книг заведомо зловредных, точнее говоря, развращающих, существует не так много, как думают гг. педагоги, и все такие книги более или менее известны и, во всяком случае, могут быть известны господам педагогам. Главной задачей этих последних и является прежде всего возможное отстранение от маленьких читателей такого рода развращающих книг, понимая под этим словом «развращающие» то, что обыкновенно под ним понимается: нравственный и физический разврат. Все же прочие книги должны быть причисляемы к категории зловредных с чрезвычайной осторожностью, и выбор книг для чтения должен быть сделан для маленьких читателей по возможности самым свободным. Если книга окажется чересчур трудно написанной и пестрящей непонятными выражениями и отвлеченными мыслями, сам читатель отложит ее в сторону, а если она почему-либо по-

кажется ему хоть немного интересной, пусть ее читает как знает, и пусть выносит из нее, что может. Предоставим детям право иметь собственные вкусы, собственные привычки, собственные потребности; предоставим им с малых лет привыкать к тому, чтобы руководствоваться по мере сил и способностей собственными соображениями, а не чужими указками, и идти в жизнь своей, а не чужой, хотя бы и родительской дорогой. Принципы гражданской свободы, сделавшие за последние годы такие успехи не только в сознании русского общества, но и народа (вопреки правительственной «практике»), — принцип неприкосновенности личности, право на самоопределение должны быть признаны не только за взрослыми, но и за детьми. Дети должны впитывать эти принципы не только со школьной скамьи, как это делается, напр., во Франции, но еще с дошкольного возраста. Главная задача педагога, по нашему глубокому убеждению, заключается вовсе не в том, чтобы запрещать детям те или иные книги, а в том, чтобы помогать детскому сознанию вырабатывать нечто свое собственное, вовсе не требуя при этом от ребенка непременного исполнения разных педагогических советов, которых, кстати сказать, никакой педагог во дни своего детства обыкновенно и сам не исполнял. Педагогические предписания придумываются господами педагогами только тогда, когда они уже успели забыть свое собственное детство. Вместе с этим забываются ими и их собственные протесты против разных чужих советов и предписаний, даже предписаний родителей. Думается нам, именно эти-то протесты, этот отпор и борьба маленького поколения с поколением взрослым и делает из ребенка настоящего человека. Педагоги должны помнить раз навсегда, что в вопросе окончательного выбора книг для детского чтения им может быть дано право лишь совещательного голоса, а решающий голос все-таки должен принадлежать и здесь, как и везде, опекаемым, а не опекающим. В вопросах детского чтения должен быть проведен тот же принцип: педагоги могут лишь указывать детям некоторые книги для чтения, вовсе их не навязывая, причем это указание отнюдь не должно ограничиваться несколькими книгами, якобы систематично подобранными и педагогически рекомендуемыми. Каждому маленькому читателю должен быть дан в руки целый каталог хороших книг — пускай сам читатель выбирает из них, что знает и как знает, и научается при этом выбирать, соображаясь со своим умом и вкусом, а не с возрастом [1]. Если маленький читатель не сумеет сам разобраться в каталоге, пусть он идет за советом к педагогу, но идет не по обязанности и не по приказу, а по собственному побуждению и желанию, и пусть ему будет предоставлено право следовать или не следовать педагогическим советам. От педагогов должно быть по возможности от-

---

[1] В этом отношении заслуживает внимания вышеупомянутый указатель И. Владиславлева.

нято право производить гипнотические внушения, право приучать ребят еще во времена их бессознательной или полусознательной жизни к смирению, повиновению и непротивлению, право приучать людей еще во времена их детства к преклонению перед им заранее уготованными авторитетами и теми, иной раз ненавистными, устоями гражданской жизни, на борьбу с которыми затем приходится идти взрослым поколениям, проливая за чужую бессмыслицу, а то и за корысть собственную кровь и жертвуя за чужие грехи своей жизнью и жизнью своих детей. <...>

Исходя из изложенных соображений, мы намечаем следующий план детского каталога как необходимой составной части правильно организованной общественной общеобразовательной библиотеки. Эта *детская библиотека, по крайней мере в общих чертах, должна быть построена по тому самому плану, как и библиотека для взрослых*, т. е. по тому плану, который изложен нами на предыдущих страницах, с той лишь разницей, что книги, введенные в каталог детского отдела, должны быть интересны именно для детей и доступны детскому пониманию. Слова «быть доступны детскому пониманию» не должны допускать никакого произвола в их толковании. Доступность — это вопрос формы, а не содержания. Самая отвлеченная мысль может быть сделана доступной детскому пониманию, если ее иллюстрировать целым рядом наглядных фактов, и, группируя эти последние и делая шаг за шагом обобщения их, всегда есть возможность вести маленького читателя все выше и выше, хотя бы до самых верхов философского миропонимания. Мы не только верим в теоретическую возможность вышесказанного, но мы убедились во всем этом из собственной практики, из наших работ над популяризацией знаний. Отсюда следует: план детского каталога уже указан нами выше.

Переходим теперь к следующему вопросу: возможно ли осуществить такой план при существующей ныне наличности книг, доступных для детского понимания? Ответ на этот вопрос, к сожалению, приходится дать отрицательный. Научных книг, предназначенных для детского чтения, существует на русском языке очень мало. Огромное большинство этих книг, насколько мы можем судить по нашим наблюдениям, недоступно, а главное, неинтересно для детей. Господа популяризаторы обыкновенно вдаются в одну из крайностей: или чересчур разжевывают предмет, затрачивая на это малоплодотворное дело сотни лишних слов, а иногда и десятки страниц, или, не считаясь с детской психологией, ведут изложение в том же порядке идей и доказательств, как если бы они излагали для взрослых, с той только разницей, что кое-где заменяют некоторые малопонятные слова другими словами, которые они считают более или менее понятными детям. Такими недостатками грешат даже довольно известные популяризаторы, успех которых, впрочем, довольно часто объясняется не самими достоинствами книжки, а, так сказать, усиленной пропа-

гандой ее и ее искусственным распространением среди молодых читателей господами педагогами и родителями, вообще говоря, людьми взрослыми. Такого рода детские научные книги отнюдь не заполняют собой ныне существующих пробелов. Составитель каталога для детской библиотеки попадает таким образом, в затруднительное положение: он не может не вводить в свой каталог такого рода книг за неимением лучших и вместе с тем он не может не понимать, что эти книги не дают того, что должны бы давать.

В небольшой библиотеке можно классифицировать книги детского отдела по следующим рубрикам:

1) Сказки.

2) Рассказы, повести и стихотворения.

3) Книги исторического содержания, исторические рассказы, очерки и повести.

4) Книги географического содержания, путешествия.

5) Книги о природе.

Как видно из этой таблички, в основных своих чертах детский отдел организован в ней по типу отдела для взрослых, начиная от беллетристики и кончая книгами о космосе. Более детальные рубрики установлены в самом каталоге, по принципам, формулированным в наших «Этюдах по психологии читательства». Мы вводим в наш список только те, которые, по нашему мнению, принадлежат к числу книг, обладающих относительно большими достоинствами сравнительно с другими детскими книгами. Это слово «относительно» позволяем себе подчеркнуть, так как во многих случаях составителям каталогов действительно не из чего и выбирать. Из предыдущего следует, что на наш детский отдел, введенный в этот каталог, отнюдь не нужно смотреть как на примерный каталог детского отдела. Это не что иное, как краткий список *некоторых* детских книг. Его пополнение, расширение и улучшение возможно следующим, напр., способом. Чтобы расширить каталог детского отдела, рекомендуем общественным библиотекам вводить в него те книги из других отделов, которые могут быть доступны и детям, т. е. читателям примерно до 14-летнего возраста. Таким образом, в каталог детского отдела войдут многие путешествия, исторические книги и вообще книги научно-популярные, отмеченные в нашем каталоге римской цифрой II. Сюда же могут войти многие народные издания, отмеченные у нас римской цифрой I. Таким образом, отдел книг, доступных пониманию детей от 12 до 14 лет, значительно расширяется. Даже более того: является некоторая возможность и для детей и для подростков при помощи таких отметок пользоваться общим каталогом. Гораздо сложнее обстоит вопрос с выбором книг для детей более младших возрастов. Книги, отмеченные римской цифрой I, т. е. народные, далеко не всегда могут быть рекомендованы читателям детям, так как интересы и вообще психология детей далеко не те же, что интересы и психология читателя из

народа. Эти различия иногда чрезвычайно резко обуславливают различие, формы распространения даже научных знаний. Для этих читателей выбор книг еще более ограничен наличностью существующей литературы. Но особенно затруднителен выбор книг по беллетристике. Во всяком случае, нельзя не признать желательным для каталога детского отдела распределение книг в нем по возрастам читателей (напр., до 6—7 лет, до 12, до 16). Это и делают некоторые составители каталогов детских книг, хотя и не всегда удачно. Рекомендуем составителям библиотечных каталогов организовывать при общественных библиотеках особые кружки педагогов (и непедагогов) для составления таких расширенных детских каталогов, по психологическому методу, изложенному выше, и, разумеется, при самом осторожном отношении к читательской свободе ребенка. Вообще, по нашему мнению, не только желательно, но и необходимо существование подобных кружков около каждой общеобразовательной библиотеки. Они должны знакомиться с книгами, уже имеющимися в библиотеке, они должны составлять их детальные каталоги, вводя в эти каталоги подходящие книги из других отделов и статьи из детских журналов. Эти же кружки должны взять на себя труд составления списков книг, подлежащих приобретению в библиотеку. Они же должны организовать возможно близкие сношения с другими библиотеками своих и других районов и, если возможно, составить из представителей библиотек своего района один общий объединяющий кружок. Они же должны организовать сношения с учащимися как в городских, так и в сельских школах и привлечь их к своей книжной работе, особенно к собиранию наблюдений над чтением детей, подростков и пр. Словом сказать, на такого рода педагогические кружки, организуемые при общественных библиотеках, может быть возложено весьма важное и неотложное дело — именно дело организации общения с людьми жизни, дело *расширения библиотеки* (Bibliothèque Extension), пределов и форм которого нет никакой возможности указать, да и нет надобности указывать, потому что это всецело принадлежит частной инициативе самих работников, а эта-то инициатива и есть то, что называется «душой библиотеки». Для нас лично очевидно и несомненно, что библиотечное дело каждому желающему, каждому живому человеку предоставляет самый большой простор для воплощения духа живого в жизнь...[1]

Мы уже имели случай указывать на громадное значение справочного библиографического отдела, который должен быть *особенно тщательно организован при всякой библиотеке, при всяком книжном магазине* (§ 62). Необходимость такого отдела

[1] См. наш доклад: «Основные задачи книжного дела». Спб., 1907. Также «Внеклассное чтение учащихся». Т. II.

лишний раз подтверждается и на примере детской библиотеки, которая, разумеется, немыслима без систематической коллекции библиографических указателей детских книг.

§ 89. РАБОТНИКИ КНИЖНОГО ДЕЛА, ВООРУЖАЙТЕ СЕБЯ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИМИ ЗНАНИЯМИ!

Из всего предыдущего следует, что для того, чтобы быть хорошим работником книжного дела, необходимо иметь в голове запас библиографических знаний по каждому вопросу, по крайней мере, всем главнейшим, наиболее важным с точки зрения общего образования и выработки миросозерцания, — настолько большой запас, чтобы иметь возможность читателю любого *типа* указать по каждому вопросу, по каждой отрасли знания книгу именно того типа, который наиболее аналогичен читательскому. Приобрести такого рода библиографические сведения и библиографический навык в деле определения типов, разумеется, нелегко. Тем не менее все-таки это *вполне вовможно*. И на этой возможности мы особенно настаиваем, основываясь на собственном опыте. Значит, она и решает вопрос. Тем более необходим с этой целью правильно организованный библиографический отдел каждому работнику книжного дела, и мы всецело присоединяемся к голосу одного из них, который в частном письме к нам горячо настаивает на необходимости рекомендовать и рекомендовать устройство таких возможно более широко поставленных отделов. «Если бы книжные магазины и библиотеки стояли в этом отношении на должной высоте и если бы библиотеки обслуживали глухие медвежьи углы выдачей хоть самых элементарных *письменных справок* по вопросам самообразования — какое большое культурное и общественное дело они совершали бы! Мой личный опыт в этом направлении, — пишет автор того же письма, — показывает, до какой степени провинция нуждается в этом и за какими только справками она не обращается! Пользуясь правильно организованными справочными библиографическими отделами, советами учителей средней школы и проч., даже в уездных городках можно бы справиться с этой задачей». Разве эти слова не голос жизни? И мы еще и еще раз повторяем: работники книжного дела, вооружайтесь библиографическими знаниями, организуйте для себя источники их и по мере вооружения идите навстречу требованиям жизни бодро, смело и решительно, с верой в умную и честную книгу и в ее непреоборимую и светлую мощь. Книжное дело ждет сведущих и дельных работников, крупных и сильных духом, смелых и настойчивых, и раскрывает перед ними все новые и новые перспективы.

КОММЕНТАРИИ

ЭТЮДЫ О РУССКОЙ ЧИТАЮЩЕЙ ПУБЛИКЕ

«Этюды о русской читающей публике» — первая крупная работа Н. А. Рубакина по вопросу, которым он занимался всю свою жизнь, вышла в 1895 г. в известном прогрессивном издательстве О. Н. Поповой. После этого Н. А. Рубакин много лет работал над текстом «Этюдов», который он хотел значительно переделать, расширить и выпустить в свет под заглавием «История распространения общественных идей в России в 1887—1911 гг.». Но это ему так и не удалось. Он пытался издать свою книгу под другим заглавием — «Этюды по психологии читательства». Из переработанного текста «Этюдов» были опубликованы только отдельные главы.

«Этюды» остаются первой в русской литературе книгой, где вопрос об изучении читателя поставлен «как необходимый и даже основной элемент истории и теории литературы».

В «Этюдах» Н. А. Рубакин дал яркую картину тяжелейшего положения книжного дела, включая издательства, книжную торговлю и библиотеки, в старой России.

Если учесть замечание Маркса, что наука только тогда становится точной, когда ее положения могут быть выражены цифрами, можно сказать, что этот труд Н. А. Рубакина — первая попытка сделать точной науку изучения читателя.

Н. А. Рубакин занимался исследованием читателя в течение 50 лет — с появления этой книжки и до конца своей жизни. Все его работы, даже на другие темы, тесно связаны с этой — основной, доминирующей. Эти исследования, как он говорил, были бессознательно начаты им с детства — в 1875 г. в библиотеке его матери. Потом он перенес свою работу на фабрику отца, затем исследования «охватили и пролетариат, и крестьянство, и солдат, и интеллигенцию, и полуинтеллигенцию». Позднее, с 1916—1924 гг. он перенес изучение проблемы в Европу и Америку.

«Этюды» содержат в себе основные элементы всех будущих исследований Рубакина, поэтому они представляют особый интерес для знакомства с творчеством Рубакина в целом, его методами и убеждениями. Книга не прошла незамеченной — о ней были положительные отзывы ряда крупнейших литературных критиков той эпохи (см. указатель рецензий в конце второго тома нашего издания). Но все же она не привлекла достаточно широкого внимания. Б. В. Банк объясняет это тем, что «работы Рубакина появились тогда, когда передовую и прогрессивную общественность интересовали в первую очередь другие темы — более крупные и животрепещущие: «рабочий вопрос», рабочее движение, марксизм» (Банк Б. В. Изучение читателей в России. М., 1969, с. 205).

Это замечание Б. В. Банка в общем правильно. В то же время изучение читателя означало изучение нового читателя, читателя из народа, прежде всего рабочего, и его интересы, связанные с интересами рабочего движения.

Ведь даже судить об интересе этого нового читателя к марксизму было возможно, изучая его читательские интересы вообще. А в последующих очерках и рассказах («Лицом к лицу», «Взыскующие града» и др.) Рубакин стремился показать этого нового читателя, еще не известного критике. Видимо, критики недостаточно оценили возможность изучить нового демократического читателя посредством изучения читательских интересов. Однако такой выдающийся представитель марксистской критики, как А. В. Луначарский, высоко ставил этот труд: «Говоря о Рубакине, мы говорим об одном из крупнейших, талантливейших деятелей народного просвещения. Это подлинный энтузиаст, я бы сказал — фанатик народного образования... «Этюды о русской читающей публике», по-моему, лучшая его работа о читателях — яркая, талантливая; таков и ее автор. Других таких работ — такого типа и столь же талантливых — я не встречал» (цит. по кн.: Банк Б. В. Изучение читателей в России. М., 1969, с. 208).

В своем исследовании истории изучения читателей в России Б. В. Банк называет «Этюды» лучшей из работ по вопросам изучения читателей, написанных участниками общественно-просветительного движения, дающей также и сведения о книжном деле в России и содержащей научные выводы, интересные не только для своего времени. Дальнейшие работы Рубакина, продолжившие начатые им в «Этюдах» исследования, ныне являются объектом самого пристального изучения.

Начав свою работу на бумажной фабрике, Рубакин, как он пишет сам, «с первых же шагов почувствовал необходимость учиться у пролетариата». На фабрике он организовал кружок из педагогов, писателей, издателей и редакторов. Им был составлен доклад «Опыт программы исследования литературы для народа», который был напечатан в журнале «Русское богатство» (1889 г., № 5 и 6), а затем вышел отдельным изданием и распространен по воскресным школам, журналам, библиотекам, фабрикам и заводам и т. д.

В 1890 г. Рубакин выступил в Петербургском комитете грамотности с докладом о материалах, полученных от нескольких тысяч самоучек из рабочих, крестьян и других представителей демократических слоев населения. В своих путешествиях по России он также собрал огромный материал из личных наблюдений над читателями и бесед с ними.

Рубакин полностью отверг принцип создания особой литературы для народа. Он убедился также, что читателю из народа теперь стала нужна не только художественная литература, что он требовал знания, науки — потому что хотел понять жизнь, социальное устройство общества, научиться бороться за свои права.

С самой ранней юности Н. А. Рубакина привлекали также проблемы работы библиотек, главным образом общеобразовательных. Еще в 1893 г. в докладе «Книжное оскудение», сделанном им в Вольно-экономическом обществе в Петербурге, он впервые выдвинул теорию «библиотечного ядра», т. е. комплекса книг, необходимых для каждой подобной библиотеки. В «Этюдах о русской читающей публике» эта теория была продолжена и развита, а подробнее и полнее всего сформулирована в предисловии к первому изданию самого капитального труда Рубакина — «Среди книг». Неудивительно поэтому, что Рубакин рассматривал «Среди книг» как теоретическое и практическое продолжение «Этюдов».

Сам Рубакин пишет, что в основу «Среди книг» положена идея, высказанная им еще в 1893 г. в докладе Комитету грамотности, напечатанном в «Русском богатстве» (1893 г., № 11, 12), а затем в «Этюдах» — о том, что библиотека должна быть не развлечением, а могущественным орудием просвещения. Она должна быть «отражением Вселенной», чему и способствует «библиотечное ядро».

Рубакин полагал, что «Среди книг» вместе с «Этюдами по психологии читательства» должны составить единое целое, посвященное «истории, теории и практике распространения знания, понимания и настроения».

Рубакин любил повторять слова Ибсена в «Пер Гюнте»: «Простится то тебе, чего не можешь, чего не захотел бы — никогда» и Генриха Гейне: «Тот,

кто верой обладает в невозможнейшие вещи, невозможнейшие вещи совершать и сам способен».

Вся колоссальная деятельность Рубакина в области просвещения и книжного дела была действительно «невозможнейшею вещью» — но он и сам обладал верой в «невозможнейшие вещи»...

А. Н. Рубакин

* *Стр. 37. Спб. комитет грамотности* — образован при императорском Вольном экономическом обществе в 1861 г. с целью распространения грамотности и полезных знаний среди крестьян, вышедших из крепостной зависимости. Либерально-просветительное учреждение. Издавал рекомендательные библиографические пособия, такие, как «Первый рекомендательный каталог для народного чтения» (1861), «Систематический обзор русской народно-учебной литературы» (1876) и удешевленные издания произведений русских классиков; пытался рассылкой книг содействовать устройству книжных складов, народных библиотек и читален. В конце 80-х — начале 90-х гг. в комитет постепенно вошли члены организованного демократической интеллигенцией «кружка для изучения народной литературы», оживившие деятельность Комитета. Председателем издательской комиссии Комитета была издательница А. М. Калмыкова, книжный склад которой стал своеобразной явкой и оказывал всяческую поддержку группе социал-демократов с В. И. Лениным во главе. В 1895 г. по рапорту Московского охранного отделения о нелегальных организациях, пропагандирующих прогрессивную литературу, Петербургский комитет грамотности был закрыт.

Московский комитет грамотности. — Возник в 1845 г. Задачей своей ставил издание книг для народа, организацию сельских народных библиотек и воскресных школ. Был упразднен в 1896 г. по тем же причинам, что и Спб. комитет.

Харьковское общество распространения в народе грамотности. — Возникло в 1869 г. В отличие от Петербургского и Московского занималось вопросами не только внешкольного, но и школьного образования. Как записано в уставе его, «стремилось распространять грамотность и первоначальные полезные знания». По инициативе Общества в Харькове было открыто несколько начальных школ для детей, женская ремесленная школа, воскресные школы для взрослых, библиотеки-читальни, сельские библиотеки. В составе Общества было несколько комитетов, в том числе — издательский, который разработал программу выпуска книг для народа по нескольким направлениям: духовно-нравственному, художественно-беллетристическому, историческому, географическому, по различным промыслам и ремеслам. Общество выпустило I том «Народной энциклопедии научных и прикладных знаний» (М., И. Д. Сытин, 1910). К тому времени, когда Н. А. Рубакин писал настоящую работу, Общество напечатало около 120 названий книг. Для ознакомления с читателем из народа и для конкретизации плана изданий Комитет составил и программу для собирания сведений о чтении книг в народной среде. Ответов на эту программу пришло так мало, что на их основании нельзя было сделать никаких выводов.

* *Стр. 39. ...собранных по программе А. Пругавина...* — В 1887 г. в журнале «Русская мысль» (кн. XI) была напечатана статья А. С. Пругавина «К вопросу о том, что и как читает народ», в которой содержалась и «Программа» сбора материалов. Вскоре она была напечатана в нескольких периодических изданиях, потом вышла отдельной брошюрой, а затем перепечатана в кн.: Пругавин А. С. Запросы народа и обязанности интеллигенции в области умственного развития и просвещения. М., 1890, с. 218—229. Хотя в названии «Программы» фигурирует слово «народ», она ориентирована на крестьянские слои населения. В этом проявились либерально-народнические взгляды ее автора. Понимая проблему народного читателя гораздо шире, Н. А. Рубакин крити-

кует «Программу» А. Пругавина. В своей программе он учитывает читателей разных социальных слоев.

* *Стр. 41. Г-н Л. Павленков, желая смягчить некоторые выводы нашего доклада, приводит в утешение...* — С 1887 по 1896 г. Л. Н. Павленков обрабатывал публикуемые Главным управлением по делам печати официальные списки изданий (периодических и непериодических), вышедших за каждый предшествующий год, и печатал в «Историческом вестнике» ежегодную статистику книг и журналов. Эти материалы Л. Н. Павленкова до сих пор остаются несомненно ценным источником по истории отечественного книжного дела. Н. А. Рубакин их использовал, хотя и с критикой и поправками.

* *Стр. 44 «Север».* Еженедельный литературно-художественный журнал. Спб., 1888—1914. Издателями до 1895 г. были последовательно: В. С. Соловьев, Е. А. Евдокимов, Н. Н. Каразин, М. К. Ремизова.

Журнал буржуазно-либерального направления. В числе авторов его можно назвать А. В. Амфитеатрова, К. Д. Бальмонта, С. С. Гусева-Оренбургского, А. И. Куприна, Вас. И. Немировича-Данченко, А. П. Чехова, Е. Чирикова. Имел приложение в виде книжной серии «Библиотека «Севера».

* *Стр. 44 «Родина».* Народный журнал с картинами. Ежемесячно. Спб., 1879—1883. Издатель А. И. Траншель. Журнал пропагандировал буржуазную идею «единства наций», утверждая, будто в России «сглаживаются сословные различия», и прославляя царский дом. Проза журнала проникнута буржуазно-мещанскими идеалами. С 1883 г. «Родина» выходит как газета и имеет несколько бесплатных приложений, в том числе ежемесячное «Собрание романов «Родины». Произведения русских писателей. 1887—1904.

* *Стр. 48 «Книги о книгах».* — Рекомендательный указатель «Книга о книгах». Толковый указатель для выбора книг по важнейшим отраслям знания». Под ред. И. И. Янжула. Ч. I—II. М., 1892. Как сказано в Предисловии, Указатель был рассчитан на «представителей как называемого образованного общества (не ниже лиц, получивших среднее образование) и затем университетской молодежи, желающей иметь в своих руках точный список учебников и важнейших монографий для занятий наукой уже академического характера». В составлении его приняли участие известные тогда ученые, в том числе И. М. Сеченов, К. А. Тимирязев, А. Г. Столетов, что сказалось на уровне оценки, отбора и аннотирования включенной в него литературы. Тем не менее Н. В. Здобнов справедливо характеризует это библиографическое пособие следующим образом: «В 90-х годах большое внимание рекомендательной библиографии стала уделять московская и петербургская либерально-буржуазная профессура, стремившаяся ослабить влияние нелегальных указателей и в то же время оказать известную помощь повышению самообразования, разумеется, в «благонамеренном» духе» (Здобнов Н. В. История русской библиографии до начала XX века. М., 1955, с. 500). Буржуазно-либеральная направленность указателя особенно отчетливо сказалась на общественно-политических разделах. Несмотря на это, Указатель сыграл известную положительную роль в ознакомлении русского читателя с ценной в научном отношении литературой. Известно, что им пользовался В. И. Ленин.

* *Стр. 48 ...литературная конвенция больше всего и угрожает опасностью...* — Здесь Н. А. Рубакин имеет в виду широкое в те годы обсуждение вопроса о возможности присоединения России к международной литературной конвенции. Восемь международных литературных конгрессов различной степени представительности, собиравшиеся многократно в 1858—1885 гг., подготовили создание в 1886 г. Бернской литературной конвенции, которую тогда же подписали Германия, Франция, Великобритания, Италия, Бельгия, Швейцария, а также Гаити и Тунис, образовав «Союз защиты авторских прав на литературные и художественные произведения». По этой конвенции запрещалась не только произвольная и безгонорарная перепечатка литературных произведений в другой стране, но и произвольные и безгонорарные переводы их на другой язык. Конвенцию не подписали скандинавские страны, Голландия и Россия, в частности потому, что в этих странах количество переводных книг было вынужденно значительным, что применительно к России Рубакин подтверждает приводимой им цифрой переводных произведений. Общественное мнение, в

том числе и подавляющее большинство крупных издателей, единодушно высказалось тогда против подписания конвенции.

* *Стр. 51. «Кроме Манухинских и Шараповских произведений...»* — Манухин А. и Шарапов П. — «издатели Никольской улицы» — выпускали книжки для низших слоев городского населения (наподобие: Руководство к выбору жен, Ключи к женскому сердцу, Сборник пикантных рассказов, различных рецептов и т. п.).

* *Стр. 56. книжка проф. Рейера...* — Reyer Ed. Entwicklung und Organisation der Volksbibliotheken. Leipzig, 1893. 116 с. (Развитие и организация народных библиотек). На русский язык не переводилась.

* *Стр. 62. ...библиотечном ядре.* — В современной советской книговедческой литературе дан анализ этой концепции Н. А. Рубакина, наиболее полно теоретически обоснованной в публикуемой здесь работе (см., например: Арефьева Е. П. Н. А. Рубакин о комплектовании книжных фондов. — «Труды Гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина», 1966, т. IX, с. 133—154; Мавричева К. Г. Н. А. Рубакин. 1862—1946. М., «Книга», 1972. (Деятели книги). Советские библиотековеды считают идею создания в каждой общеобразовательной библиотеке книжного ядра значительным вкладом Н. Рубакина в теорию комплектования библиотечных фондов (см. научную дискуссию, проходившую в 1968—1969 гг. на страницах журнала «Библиотекарь»). Однако интерпретация «книжного ядра» содержит и те субъективистские «надпартийные» взгляды Н. Рубакина, которые окрашивают большинство его теоретических работ.

* *Стр. 62. ...схема О. Конта, схема Спенсера.* — О. Конт и Г. Спенсер — создатели двух наиболее известных и практически использовавшихся классификаций наук. По оценке современных специалистов, «в решении проблемы классификации наук идеалист Конт был ближе к истине, чем многие его предшественники и современники-идеалисты» (см.: Кедрин Б. М. Классификация наук. Т. 1. М., 1961, с. 104). Конт разрабатывал свою схему в чисто практических целях, пытаясь найти ту последовательность, в которой легче всего можно было бы изучать отдельные науки.

Разрабатывая свою оригинальную классификацию книг и использовав опыт Конта и Спенсера по классификации наук, Н. А. Рубакин пошел дальше в поисках критериев классификации и рассматривал науку как важнейшую, но лишь одну из сторон в целостном восприятии жизни. Попытку положить в основание классификации критерий «жизни», понимаемой как неразрывное единство и науки, и искусства, и человеческой практики, следует считать прогрессивной по тому времени и плодотворной для современной разработки проблемы библиотечно-библиографической классификации.

* *Стр. 67. ...несколько журналов, поставлявших на книжный рынок одни переводные романы.* — «Собрание иностранных романов, повестей и рассказов в переводе на русский язык». Издание Е. Н. Ахматовой. Ежемесячно. Спб., 1853—1883; То же. Спб., 1884—1885. «Библиотека для чтения». Ежемесячный журнал. Спб., 1875—1885. С 1885 г. — два раза в месяц. Издательница-редактор В. И. Сахарова. Журнал ориентировался на мещанские вкусы. Печатал романы «ужасов» и «необыкновенных приключений»; «Переводы отдельных (иностранных) романов». Ежемесячно. Спб., 1867—1888. Издатели-редакторы последовательно: Н. С. Львов, О. Сухомлина, Н. И. Львова, М. Н. Львова, Е. Э. Лебедева; То же. Спб., 1890—1891. Издание представляло собой сборники, в которых печатались исключительно переводы. Преобладала низкопробная развлекательная и салонно-светская беллетристика; «Европейская библиотека». Журнал иностранных романов и повестей». (С № 37 1882 г. — «Журнал отдельных романов». М., 1881—1883. Ежемесячно. С половины 1882 г. — без обозначения периодичности). Издатель-редактор Н. Пушкарев. По направлению и содержанию схож с предыдущим; «Журнал русских и переводных романов». Ежемесячно. Спб., 1876. Издатель-редактор А. Кехрибарджи. Печатал сентиментальную и внешне занимательную беллетристику. Известный интерес представляют в нем очерки о путешествиях; «Изумруд». Сборник романов, путешествий и небольших рассказов в переводе с иностранных языков на русский». Шесть раз в год. М., 1878—1882. В 1880 г. издание вышло в одной книге, в 1881 — № 1—4. Издатель-редактор М. Н. Воронов.

В 1882 г. вышла только одна книжка. Сборники объемом от 15 до 30 листов. Здесь печатались исторические и псевдоисторические романы и романы на современные темы из жизни других народов, предназначенные для легкого чтения, вроде: «Тайны индийских офицеров» М. Бреттона, «Казнь королевы Анны» М. Кроуна и т. п.

* *Стр. 70. министерский каталог.* — Имеется в виду «Указатель книгам, одобренным Ученым комитетом Министерства народного просвещения». Сост. А. Сопецинский. Спб., 1884; Изд. 2-е. Спб., 1887. Пособие «охранительного» направления в истории отечественной рекомендательной библиографии.

* *Стр. 70. «Опыт каталога книг для средне-учебных заведений.* Спб. Составлен на основе «Указателя». По распоряжению известного реакционера, министра народного просвещения Д. А. Толстого был предпринят пересмотр каталогов библиотек средних учебных заведений, а затем и каталогов народных библиотек и библиотек начальных училищ с целью очистить их от имевшихся прогрессивных книг и оградить от поступления новых.

* *Стр. 78. ...людей двадцатого числа* — т. е. служащих, получавших жалованье двадцатого числа каждого месяца и вносивших плату за пользование библиотекой.

* *Стр. 90. ...кружок Х. Д. Алчевской.* См. об этом подробнее, напр., в кн.: Банк Б. В. Изучение читателей в России (XIX в.). М., «Книга», 1969, с. 70—84, 94—122. Кружком подготовлен фундаментальный библиографический труд: Что читать народу? Критический указатель книг для народного и детского чтения. Сост. <...> Х. Д. Алчевская, Е. Д. Гордеева, А. П. Гришенко и др. Т. 1—2. Спб., 1884—1889. Указатель тогда же получил положительную оценку прогрессивной общественности, хотя в нем отразились либерально-просветительские тенденции в общественном развитии России того времени. Том III составлен другим коллективом под руководством Х. Д. Алчевской и издан в 1906 г. Разделы обществоведения в III томе были реакционны даже для своего времени.

* *Стр. 90. «Опыт программы».* — Здесь Н. Рубакин имеет в виду свою работу: Рубакин Н. А. Опыт программы для исследования литературы для народа. Спб., 1889.

* *Стр. 91. ...автор Никольского рынка.* — Автор произведений лубочной и псевдонародной литературы. Оживленная рыночная торговля «народными картинками», «народными книжками» шла в Москве на Сухаревке и у «Пролома», или «Проломных ворот» на Никольской улице. Н. А. Рубакин употребляет слово «автор» в собирательном смысле. Хотя многие произведения лубочной и «народной» литературы были анонимными, Никольская улица имела своих писателей и поэтов, напр.: М. Евстигнеев, В. Суворов, П. Кувшинов, Зряхов, Федот Кузмичев и др. Были и так называемые Никольские издатели, такие, как Лузина, Губанов, Абрамов, Земский, Леухин, Шарапов (у которого приказчиком начинал свою издательскую деятельность И. Д. Сытин).

* *Стр. 91. «Общество распространения полезных книг».* Возникло в Москве в 1861 г. Основательницей Общества была А. Н. Стрекалова, владевшая типографией, книжным складом и магазином на Никольской улице. Деятельность Общества имела скорее благотворительный, чем просветительский характер. Целью своей ставило издание книг «для детей и грамотного простонародья». Смешение этих двух задач, столь характерное для подобных организаций и многих издателей дешевых книг, обусловило неуспех деятельности Общества. Издавало почти исключительно переводную литературу нравоучительного содержания. Предпринимало попытки издавать литературно-художественные журналы для детей: «Воскресные рассказы» (1874—1877), «Собрание повестей и романов для детей» (1884—1888), «Чтение для детей» (1875) и библиографический журнал «Народная и детская библиотека» (1879—1880).

* *Стр. 94. «Пан Твардовский»* — «народный» польский роман, имевший многочисленные издания, в том числе, напр., несколько раз выходил у Сытина: Пан Твардовский, или Колдун XVI века. Легенды из народных польских преданий и рассказов. М., тип. И. Д. Сытина, 1891.

* *Стр. 94. «Бова»* — популярный лубочный роман, который печатали буквально все «Никольские издатели». См., напр.: Сказка о славном, сильном, храбром и непобедимом Бове королевиче и о прекраснейшей супруге его королевне Дружевне. М., В. В. Пономарев, 1896.

А. А. Беловицкая

СРЕДИ КНИГ

Н. А. Рубакин считал «Среди книг» самым капитальным трудом своей жизни. Автору его пришлось просмотреть, обдумать, проанализировать, определить историческое значение более чем 200 000 книг по всем отраслям науки и литературы, распределить их по степени трудности изложения и доступности для читателя различных социальных категорий, различного психического и социального типа. Такого библиографического труда не знает не только русская, но и мировая библиография на протяжении всей своей истории.

С самого начала литературной и просветительской деятельности Н. А. Рубакин мечтал создать такой рекомендательный каталог, который включил бы все существенное из научной и художественной литературы на русском языке, давал бы представление о содержании и направлении всех книг, их месте в истории идей в каждой области научного знания, учитывал бы степень подготовки читателей к восприятию этих книг, их профессию, интересы, их психический тип и т. д. Это была задача, по существу непосильная для одного человека.

Первое издание «Среди книг» (в одном томе) вышло в свет в августе 1905 г. В нем было описано около 7500 наиболее ценных книг и дано краткое предисловие, в котором впервые были сформулированы черты этого нового типа изданий — рекомендательного каталога. Издание разошлось в течение двух с половиной лет, что тогда считалось для книги подобного рода огромным успехом.

Второе издание «Среди книг» вышло в 1911—1915 гг. в 3 томах (печатание третьего тома было прервано в связи с начавшейся первой мировой войной, увидела свет только первая часть его). Это издание содержало описание уже около 20 000 русских книг — почти втрое больше первого издания. Автор определил свой труд как «опыт обзора лучших русских книг в связи с историей научно-философских и литературно-общественных идей».

Рубакин не прекратил работу: он предполагал после войны выпустить третье издание с описанием уже около 60 000 книг, но ему так и не удалось найти издателя. Да, вероятно, эта работа была ему уже и не по силам: требовалось изменить план книги, внести серьезные изменения. Составленный им план нового издания и несколько тысяч карточек с описаниями книг хранятся ныне в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

Второе издание «Среди книг» по существу состоит из трех частей. Первая — «Введение» — излагает основные принципы построения данного рекомендательного каталога и применения его в работе с читателями. Вторая часть — «Предварительные замечания» — предшествует каждому разделу книги и излагает историю соответствующей отрасли знаний. И, наконец, третья часть — это библиографический перечень книг, рекомендуемых по каждой теме данного раздела.

Во «Введении» ко второму изданию «Среди книг» Рубакин формулирует основные взгляды на рекомендательный каталог. По мысли Рубакина, это и каталог общеобразовательной библиотеки, который должен стать руководством для ее организации. Это одновременно и каталог ее «библиотечного ядра», т. е. списка книг, необходимых для каждой такой библиотеки (определение

«библиотечного ядра» дается в специальной главе «Введения»). И, наконец, это рекомендательный каталог для людей, занимающихся самообразованием.

Если эту книгу, вышедшую 60 лет назад, рассматривать только как библиографический указатель русской книги — он, разумеется, устарел. Но вся теоретическая часть, предисловие и примечания имеют и до сих пор очень большую ценность.

Идея «Предварительных замечаний» к каждому разделу библиографического указателя впервые выдвинута и осуществлена Рубакиным. Эти замечания делают из нее настоящую краткую, но крайне содержательную, глубоко продуманную историю идей во всех областях науки и литературы. Эта часть работы требовала от автора огромной эрудиции и огромного труда. В первый раз в истории библиографии изучение книг рассматривалось здесь с точки зрения психических и социальных типов читателей. С глубокой убежденностью Рубакин писал: «Надо знать книгу. Надо понимать и любить книгу. Надо любить ее и верить в нее. Надо выработать в себе умение и практическую сноровку работать при помощи книги — для себя и для других — распространяя книгу в самых широких кругах населения, в самых глубоких слоях его, действуя ею даже на самых темных, даже на самых неспособных людей» («Среди книг», с. 124 нашего издания).

Второе издание «Среди книг» Рубакин начал готовить еще до отъезда за границу в 1907 г. В «Предисловии» Рубакин объясняет свой отъезд состоянием здоровья. На деле Рубакин попросту «сбежал» из Финляндии, где он тогда жил, чтобы не быть арестованным царской полицией и сосланным в «места не столь отдаленные». Работать над каталогом в Швейцарии, где он тогда поселился, в очень трудных материальных условиях, не располагая всеми необходимыми книгами, было безмерно тяжело. Очень немного было у Рубакина подлинных помощников — постоянных сотрудников. Так, несколько лет ему помогал политэмигрант Б. И. Лойко. Видный русский библиограф Николай Алексеевич Ульянов сотрудничал с Рубакиным несколько лет. Впоследствии он окончил университет в Лозанне, стал профессором геологии, крупным ученым. Н. М. Лямцев, которого Рубакин упоминает в предисловии к «Среди книг», был раньше сельским учителем, потом заведовал библиотекой Рубакина, оставшейся в Петербурге, а затем приехал к нему в Швейцарию — в Кларан, где и выполнял различную организационную работу. Несколько лет работал у Рубакина еще один русский политэмигрант, тоже бывший сельский учитель с Украины А. А. Поляков, не имевший ранее отношения к книжному делу.

В России особенно помогали Рубакину в подготовке и выпуске труда «Среди книг» и в переговорах с издателями Г. И. Поршнев и И. В. Владиславлев (Гульбинский) — выдающиеся деятели русской библиографии.

Активное участие в работе над вторым изданием «Среди книг» принимала вторая жена Рубакина, Людмила Александровна (урожд. Бессель).

* * *

Понять значение «Среди книг», положительные и отрицательные стороны этого труда можно только глубоко изучив рецензию на него, написанную В. И. Лениным. Напомним, что В. И. Ленин тоже сотрудничал в этом каталоге, написал для него статью о большевизме, которая была полностью напечатана во 2-м томе 2-го издания. Рубакин сам обратился к Ленину с письмом, в котором просил его написать эту статью, сообщив, что предварительные замечания о меньшевизме он просил написать Л. Мартова. Ленин согласился при условии, что статья будет напечатана в «Среди книг» без изменений, что и было выполнено Рубакиным.

«Нечего и говорить, — писал В. И. Ленин, — что издание подобного типа представляет громадный интерес и что план автора, в общем и целом, вполне верен. В самом деле, дать *разумный* «обзор русских книжных богатств» и «справочное пособие» для самообразования и библиотек нельзя иначе, как в связи с историей идей. Тут нужны именно «предварительные замечания» по

каждому отделу (которые и дает автор) с общим обзором предмета и с точным изложением *каждого* идейного течения, а затем перечень литературы к этому отделу и по каждому идейному течению.

Автором и его многочисленными сотрудниками, названными в предисловии, затрачен громадный труд и начато чрезвычайно ценное предприятие, которому от души надо пожелать расти и развиваться вширь и вглубь. Особенно ценно, между прочим, то, что автор не исключает ни зарубежных, ни подвергшихся преследованиям изданий. Ни одной солидной библиотеке без сочинения г-на Рубакина нельзя будет обойтись» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 25, с. 111—114).

После этого Ленин переходит к критическим замечаниям. «Недостатки сочинения, — пишет он, — эклектизм автора и недостаточно широкое (вернее едва только начавшее применяться) обращение к специалистам за сотрудничеством по определенным вопросам».

«Первый недостаток стоит, пожалуй, в связи с курьезным предубеждением автора против «полемики». В предисловии г. Рубакин заявляет, что он «на своем веку никогда не участвовал ни в каких полемиках, полагая, что в огромнейшем числе случаев полемика — один из лучших способов затемнения истины посредством всякого рода человеческих эмоций». «Автор не догадывается, — пишет далее Ленин, — во-1-х, что «без человеческих эмоций» никогда не бывало, нет и быть не может человеческого *искания* истины. Автор забывает, во-2-х, что он хочет дать обзор «истории идей», а история идей есть история смены и, следовательно, борьбы идей».

Для такого труда Рубакин, даже будучи «последним энциклопедистом», как его называет один из его биографов и популяризаторов Л. Э. Разгон, не мог, разумеется, обладать знаниями во всех областях науки и литературы, представленных в «Среди книг». Специалисты ему были необходимы, но специалистов он мог найти только в редких случаях. В предисловии к «Среди книг» упоминаются такие крупные русские ученые, как проф. П. Г. Виноградов, П. Н. Милюков, выдающийся пропагандист марксизма Г. В. Плеханов, В. И. Семевский, проф. А. И. Чупров и ряд других. Но все они не участвовали в работе непосредственно, а только консультировали Рубакина. Наиболее ценные советы и указания давал Г. В. Плеханов.

За советами по специальным разделам Рубакин постоянно обращался к крупным ученым, своим знакомым, но редко кто из них полностью удовлетворял его требования. В известной мере этому препятствовали сами условия работы. Чтобы привлечь ученых, специалистов, нужны были средства, которыми Рубакин не располагал. Увлеченный своими идеями, в осуществление которых он вкладывал все свои знания, весь свой труд и свои весьма ограниченные средства, Рубакин наивно думал, что его рецензенты смогут выполнять его просьбы безвозмездно. Обычно Рубакин посылал им для просмотра либо машинописный текст раздела, либо — позднее — гранки этого материала.

Вот что писал, например, проф. Д. В. Анучин 31 мая 1914 г. И. В. Владиславлеву: «Посылаю Вам остальные гранки труда г. Рубакина. Всего просмотрено мною 93 гранки. Когда г. Рубакин обратился ко мне и прислал для просмотра десятка полтора-два гранок, я думал, что еще немного их — и конец, но оказалось, что их масса... Я сделал, что мог, но не имел ни возможности, ни времени переработать набранное более обстоятельно. Впрочем, это и не требовалось, иначе это не был бы труд только г. Рубакина...»

Анучин видел много недостатков в труде Рубакина, но признавался, что у него не было возможности все их исправить. «Нельзя быть специалистом по всем предметам и наукам», — писал Анучин. Он замечал о Рубакине: «конечно, он кое с чем знаком, но у него и много пропусков (особенно в новейшей литературе)». Так считали и другие специалисты, которым Рубакин посылал свои рукописи или гранки «Среди книг», хотя они об этом и не писали. Между тем, такой гигантский труд, как «Среди книг», мог быть под силу только целому коллективу специалистов.

Рубакин и сам отдавал себе в этом отчет. Называя «Среди книг» «общим обзором», он писал: «...таких общих обзоров до сих пор нет, и составление их представляет чрезвычайные трудности. Чтобы составить такой обзор, необ-

ходимо прежде всего иметь под руками огромные количества книг, затем еще большее количество всякого рода оценок, критики, рецензий, описаний этих книг; далее, необходимо изучить все эти книги и их оценки и, наконец, все это сопоставить с русской читающей публикой — ее нуждами, потребностями, привычками, вкусами». «Нужно ли доказывать, сколь огромное значение имел бы для ее широких кругов такого рода общий обзор, если когда-либо и кем-либо он был составлен? Так или иначе, первую попытку его составления — пускай даже самую слабую, самую несовершенную, — во всяком случае сделать необходимо. Недосмотры и промахи, неизбежные в таком кропотливом труде, впоследствии могут быть сглажены и исправлены, *работа единоличная может быть затем заменена коллективной.* Но пока что первый шаг лучше не откладывать».

Рубакин исходил из неправильного представления, что надо смотреть на то, что объединяет людей, вне зависимости от их классовой принадлежности и мировоззрения, а не на то, что их разъединяет. В «Среди книг» он излагал свою точку зрения так: он хотел сделать свой опыт «возможно объективнее, беспристрастнее», полагая, что «история мнений — лучший, хотя и строгий судья их». Н. А. Рубакин писал, что «партийная точка зрения совсем исключена из этой книги и заменена внепартийной или, точнее говоря, надпартийной» (см. с. 117), тем не менее труд его был полон скрытой полемики против марксизма.

Как один из примеров неправильного подхода Рубакина к выбору авторов, Ленин отмечает включение в список трудов по экономике и социализму книг Туган-Барановского. Еще когда труд «Среди книг» был в гранках, этот раздел внимательно просмотрел Г. В. Плеханов и особенно отметил, что недопустимо включать в него книги Туган-Барановского. И все-таки Рубакин их включил!

В данном издании часть «Введения» (анализ классификации наук О. Конта и Г. Спенсера и т. д.) опущена. Дана только часть «Введения» к «Среди книг», в которой сформулированы главные положения Рубакина по теории книжного дела.

А. Н. Рубакин

* *Стр. 138. «Люди любят истину, — сказал когда-то Д. Г. Льюис...* — Н. А. Рубакин ссылается на книгу: История философии от начала ее в Греции до настоящего. Сочинение Джорджа Генриха Льюиса. Под ред. В. Спасовича. Спб., 1865—1867. Книга эта многократно издавалась на русском языке с некоторыми изменениями заглавия.

* *Стр. 138. ...согласие выводов с чувствованиями.* — Н. А. Рубакин цитирует книгу: Льюис Д. Г. Вопросы о жизни и духе. Т. 1—2. Спб., 1875—1876. Т. 1, с. 343.

* *Стр. 141. ...говорит В. Лесевич.* — Рубакин опирается на книгу: Лесевич В. Письма о научной философии. Спб., 1878, с. 34.

* *Стр. 141. ...когда объяснение фактов приведено к понятиям, фактически обоснованным.* — Здесь Рубакин ссылается на кн.: Корнелиус Г. Введение в философию «Panta diekosmese nooss». Пер. с нем. М., 1905, с. 17.

* *Стр. 141. Способность ориентироваться в новых для нас данных опыта.* — Рубакин ссылается на кн.: Джемс. Психология. Пер. с англ. Спб., 1911, с. 287. Книга многократно издавалась на русском языке.

* *Стр. 164.* — Здесь Рубакин цитирует: Милль Д. С. О свободе. Пер. с англ. Спб., 1901, с. 176.

* *Стр. 171.* Рубакин ссылается на кн.: Чарнолусский В. О самообразовании. Спб., «Знание», 1909.

* *Стр. 174. «Указатель исторических книг».* — Очевидно, здесь Рубакин критически переоценивает библиографическое пособие: Мезьер А. В. Указатель исторических романов, оригинальных и переводных, расположенных по странам и эпохам. Вступит. статья «Исторические романы и преподавание истории» Н. А. Рубакина. Спб., 1902.

* *Стр. 174. «Толковый указатель».* — Имеется в виду Толковый указатель книг для чтения. Вып. 1—2. Вып. 1. под ред. В. П. Алексеева, проф. А. И. Кирпичникова и др. М., 1904. Вып. 2. Под ред. В. П. Алексеева, А. Н. Реформатского и др. М., 1907.

* *Стр. 174. ...форма библиографических описаний, практикуемая А. И. Лебедевым в его указателях.* — См., напр.: Лебедев А. И. Детская и народная литература. Вып. 1—2. Н.-Новгород, 1901—1904. (Неоднократно переиздавался вплоть до 1916 г.). Он же. В помощь самообразованию. Н.-Новгород, 1906. Он же. Что читать крестьянам и рабочим. Как вести библиотеку в деревне и на фабрике. Н.-Новгород, 1907. Острая социально-классовая направленность указателя стала причиной изъятия его из обращения судебным постановлением.

* *Стр. 174. И. В. Владиславлевым в указателях «Что читать».* — Имеется в виду: Что читать. Указатель систематического домашнего чтения для учащихся. Вып. 1—3. Вып. 1, изд. 4-е, доп. С предисл. Н. А. Рубакина. Пг. — М., «Книга», 1918; Вып. 2. Художественная литература. Критика. История. С предисл. Н. А. Рубакина. Изд. 3-е, пересм. и доп. Пг. — М., «Книга», 1918; Вып. 3. Жизнь замечательных людей. М., «Наука», 1914. Этот указатель составлен с учетом возрастных особенностей детей 9—13 лет.

* *Стр. 177. ...за исключением программы Панова, Нестроева и Струмилина.* — См.: Панов А. В. Домашние библиотеки. Опыт составления систематического указателя книг для самообразования. Изд. 3-е. 1906. Указатель предназначался для крестьян, фабричных рабочих и близко стоявшей к народу провинциальной интеллигенции. Четкая социальная, читательская и даже географическая ориентация обусловила и методы отбора, принципы расположения материала и структуру издания в целом. Библиографические описания были связаны авторским текстом в форме беседы с читателем. Интересно, что отбор литературы произведен с учетом конъюнктуры книжного рынка и возможностей провинциального читателя достать ту или иную книгу.

Нестроев Г. Библиотека социалиста. Систематический указатель книг. М., «Молодая гвардия», 1906. Указатель был рассчитан на пропагандиста-интеллигента, а также и на читателя из народа — рабочего и крестьянина. Сам Нестроев был эсер-максималист, что нашло отражение в подборе литературы, однако один раздел указателя подробно знакомит с литературой других партий, в том числе социал-демократической. Структура указателя действительно была тщательно разработана что и заставило Рубакина привести его в пример.

Очевидно, здесь Рубакин имеет в виду работу: Струмилин С. Г. Богатство и труд. Популярно-научный очерк. Спб., «Общественная польза», 1905, в которой (с. 147—207) был помещен «Краткий указатель литературы марксизма и литературы для самообразования». Это был первый легальный список марксистской литературы. Вторая часть указателя содержала описание около 500 систематически расположенных названий книг и статей по различным областям знания. На основе «Краткого указателя» Струмилин подготовил указатель «Что читать социал-демократу». Спб., «Новый мир», 1906. Книга позднее была запрещена цензурой.

* *Стр. 178. С. А. Ан-ский.* Очерки народной литературы. — «Русское богатство», 1892, № 7—10.

* *Стр. 181. «Народно-популярная библиотека» Лункевича.* — Ошибка в названии, правильно: «Научно-популярная библиотека для народа». Т. 1—40. Спб., 1895—1905. Одна из лучших отечественных дореволюционных естественно-научных популярных серий. Автором всех выпусков ее был В. В. Лункевич. Книги отличались высоким научным уровнем, хорошей литературной формой и пользовались огромной популярностью. Серия неоднократно переиздавалась до революции и в советское время.

* *Стр. 184. Комиссия Подвижного музея ИРТО.* — Подвижной музей наглядных учебных пособий был создан в начале 90-х гг. на базе библиотеки Н. А. Рубакина. В создании его принимали активное участие Н. К. Крупская и Е. Д. Стасова. Музей снабжал учебными пособиями вечерние школы для рабочих, бесплатные народные библиотеки, рабочие общества образования,

ремесленные училища. Составлял и выпускал библиографические пособия рекомендательного характера. В течение нескольких лет был связан с узниками Шлиссельбургской крепости. Сведения об этом содержатся в воспоминаниях В. Н. Фигнер, Н. А. Морозова и др. Здесь Н. А. Рубакин говорит о том времени, когда Музей уже был передан в ведение Русского технического общества.

* *Стр. 191—192, 197.* На этих страницах Н. А. Рубакин строит свои рассуждения, опираясь на теоретическую работу французского литературоведа Э. Геннекена: Hennequin Em. La critique scientifique. Paris. 1892. Переведена на русский язык: Геннекен Эм. Опыт построения научной критики. (Эстопсихология). Спб., 1892. Н. А. Рубакин указывает название книги неточно.

* *Стр. 196. книга «октябрьских дней».* — Здесь Рубакин говорит о том периоде в истории общественного развития и книгоиздательского дела, когда после царского манифеста 17 октября 1905 года возникло огромное количество издательств (более 350 за 1905—1907 гг.), выпускавших литературу по общественно-политическим вопросам. По мере спада революционной активности и с наступлением реакции многие издательства были закрыты.

* *Стр. 198. ...напр., программу, составленную проф. Лазурским.* — См.: Лазурский А. Очерк науки о характерах. Изд. 2-е, доп. Спб., К. Л. Риккер, 1908. Это тоже одно из опорных изданий для Рубакина при разработке им индивидуализированной системы самообразования. В книге А. Лазурского на с. 329—351 опубликована «Программа исследования личности», которую Н. А. Рубакин высоко ценил и непосредственно использовал в публикуемой здесь работе. Труды А. Ф. Лазурского в большинстве своем посвящены изучению индивидуальной психологии школьника, разработке методики психологического изучения характера и не утратили научного значения. См., напр.: Педагогическая энциклопедия. В 4-х т. Т. 4. М., 1965, стб. 584—585; Никольская А. Общий обзор литературы по детской и педагогической психологии в дореволюционной России (начала XX века до Октябрьской революции). — «Вопросы психологии», 1974, № 2, с. 159.

СОДЕРЖАНИЕ

Рубакин Н. А.
Р82 Избранное. В 2-х т. Т. 1. М., «Книга», 1975.
224 с.

Двухтомник произведений выдающегося русского книговеда и библиографа, писателя-популяризатора Николая Александровича Рубакина содержит важнейшие его работы в области библиотечного дела, психологии читателя и книги, самообразования. Первый том включает «Этюды о русской читающей публике» и Введение к фундаментальному труду «Среди книг»; во втором томе представлены «Письма к читателям о самообразовании» и «Практика самообразования».

Изданию предпослан краткий биографический очерк, написанный сыном Н. А. Рубакина — А. Н. Рубакиным, и вступительная статья Б. А. Смирновой «Выдающийся русский книговед».

Труды Н. А. Рубакина представят интерес для всех специалистов книжного дела, социологов, психологов, издательских и библиотечных работников, библиографов, студентов и преподавателей библиотечных факультетов вузов, а также для широкого круга книголюбов.

Р $\frac{61001\text{-}047}{002(01)\text{-}75}$ 8-75 028

РУБАКИН НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

ИЗБРАННОЕ

Том I

Заведующая редакцией **Е. В. Иванова**
Редактор **Э. Б. Кузьмина**
Художественный редактор **Н. Д. Карандашов**
Технический редактор **М. М. Фридкина**
Корректор **Н. И. Балакирева**

А 09153 Сдано в набор 11.IV.1975 г. Подписано к печати 14.VIII.1975 г.
Формат 60×90¹/₁₆ Бум. № 1 Усл. печ. л. 14,0 Уч.-изд. л. 15,22 Тираж 20 000 экз.
Изд. № 1084 Заказ 3071. Цена 1 р. 20 к.

Издательство «Книга»
Москва К-9, ул. Неждановой, 8/10.

Московская типография № 8 Союзполиграфпрома
при Государственном комитете Совета Министров СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли,
Хохловский пер., 7.